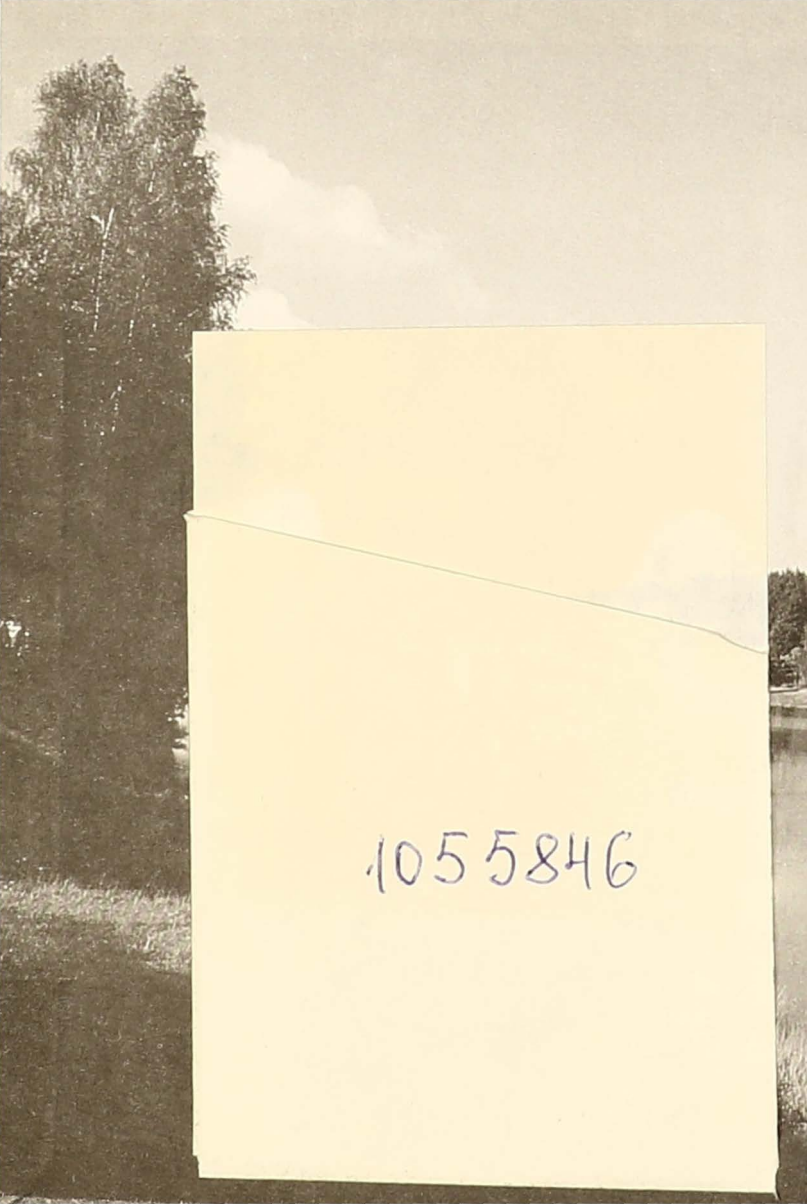

33 3/2 - Руч. 16
Т 76

Жорес Трофимов

Николай
БЛАГОВ,
Поэт и
ГРАЖДАНИН

1055846

Авторы из
Иркутск
ЖОРЕС ТРОФИМОВ

83.3/2-Руч/6
Т 76

НИКОЛАЙ БЛАГОВ, ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Биографический очерк

Краеведению
Одному -

с благодарностью за
помощь в работе
об авторах

Иркутск

Ульяновск
Симбирская книга
2003

24.6.2003

ББК 74.03(2)

Т 61

Трофимов Ж. А.

Т 61 Николай Благов, поэт и гражданин. Биографический очерк. — Ульяновск. "Симбирская книга", 2002 — 272 с., с илл.

Книги и очерки Жореса Трофимова о Н. М. Карамзине, Н. М. Языкове, А. С. Пушкине, Д. В. Давыдове, И. А. Гончарове, Д. И. и Д. Д. Минаевых, Д. П. Ознобишине, Д. Н. Садовникове, В. Н. Назарьеве, А. А. Коринфском и других писателях XIX столетия широко используются в учебных заведениях Ульяновской области на занятиях по литературному краеведению. Новое документальное повествование Ж. Трофимова посвящено замечательному нашему земляку лауреату Государственной премии России Николаю Николаевичу Благову.

ISBN 5-207-00382-8

© Трофимов Ж. А., 2003

ОТ АВТОРА

В своей замечательной поэме "Волга", славя царицу российских рек, Николай Николаевич одновременно создал прекрасный собирательный образ своих земляков:

*Мы насквозь отразились
В волне твоей чистой,
Согреваешь нас, кормишь и учишь, любя.
И растишь волгарей
Крутолобых, плечистых.
Ты смотри, как похожи они на тебя!
Эти светлые брови,
Младенческий взгляд простодушный,
Тень от плеч, закрывая дорогу, ползет.
На широкие лица
Пристали песчинки-веснушки
И в глазах, как в тебе,
Прогибается весь небосвод.*

И когда в начале 1960-х годов мне довелось лично познакомиться с поэтом, я невольно припомнил эти строки из его книжечки "Волга", вышедшей в 1957 году в Ульяновске, и поразился тому, насколько они автобиографичны: ведь вольно или невольно поэт создал автопортрет. И в самом деле, он — потомственный волгарь из рода Благовых, высокий, крутолобый, плечистый, светло-русый, и взгляд его — младенческий, простодушный, и неторопливый окаяющий говор, в искренности которого можно было не сомневаться.

7055846

В последующую четверть века у нас было немало встреч, многочасовых бесед с глазу на глаз, как в домике поэта-сатирика Д. Минаева на улице его имени, где помещалось областное отделение Союза советских писателей, возглавляемое Н. Благовым, так и в редакции журнала "Волга" (в Саратове), где он трудился в кресле главного редактора, и в домашней обстановке или у меня, или у него. Вместе ездили на Пушкинские дни в Языково или по грибы, с ночевкой в стоге сена на колхозном поле, а в скорбный день 19 октября 1982 года были рядом на похоронах его любимой матушки Евдокии Ивановны... В конце следующего года я от души поздравлял поэта, когда стало известно, что, наконец-то (после третьего "захода"), он был удостоен звания лауреата Государственной литературной премии РСФСР им. М. Горького.

Об этих и некоторых других сюжетах я давно хотел поведать любителям творчества нашего замечательного земляка, но так уж получилось, что в последнее десятилетие я был поглощен жизнеописаниями поэтов XIX века — Д. Д. и Д. И. Минаевых, Н. М. Языкова, Д. Н. Садовникова, Д. П. Ознобишина, А. А. Коринфского, а также исследованиями связей с Симбирском А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. И только недавно смог взяться за обработку разрозненных записей, сложенных в папке "Н.Н. Благов", с тем чтобы подготовить связанные воспоминания о встречах с, увы, безвременно покинувшим нас поэтом.

К сожалению, многие детали стерлись из памяти, и тогда на помощь пришла вдова Николая Николаевича — Ляля Ибрагимовна, с которой я тоже

знаком с 1960-х годов. Она не только внесла ясность в затруднявшие меня сюжеты, но и любезно предоставила возможность ознакомиться с документами, письмами и фотографиями личного архива мужа. Кроме того, она познакомила меня с его соучениками по сельским школам и Ульяновскому пединституту и таким образом помогла представить малоизвестные страницы биографии поэта.

И, как это нередко случается во время работы над жизнеописаниями замечательных людей, чем больше узнаешь о них, тем еще больше хочется познать. Пришлось обратиться к делам архива Ульяновского госпедуниверситета им. И. Н. Ульянова и Центра документации новейшей истории Ульяновской области, к подшивкам "Ульяновской правды" и "Ульяновского комсомольца", к альманахам "Литературный Ульяновск" и другим источникам эпохи 1940—1950-х годов. Так постепенно сложилось более или менее полное представление об условиях и среде, в которых происходило формирование мировоззрения и становление личности будущего поэта.

Разумеется, что мною были тщательно просмотрены благовские сборники, рецензии и отклики на них в местной, поволжской и центральной печати, публицистические и критические выступления самого Николая Николаевича в газетах и журналах, воспоминания современников, появившиеся после кончины поэта, и сообщения о намерениях общественности по увековечению его памяти.

В ходе собирательской и исследовательской работы я не мог, конечно же, не заметить того, что некоторые любители российской словесности и профессиональные литераторы считают поэзию

Благова чересчур сложной, а для неподготовленного читателя даже малопонятной. Саратовский критик В. Азанов в связи с этим справедливо заметил: "В поэтический мир Благова войти весьма не просто... В Благова надо вчитаться, вдуматься. Его поэзией не овладеть методом скорочтения. Она наглухо закрыта для торопливого, беглого взгляда... Если поэзия — езда в неизвестное, то в применении к Благову это очень медленная езда"¹.

Зато тем, кому удалось по-достоинству оценить самобытный поэтический талант Николая Благова, навсегда останутся его почитателями. А такие давно, еще с 1950-х годов, имеются даже среди маститых поэтов и критиков. Вот как отзывался о редкостном даровании Николая Николаевича его институтский преподаватель литературы лауреат Государственной премии РСФСР им. М. Горького Г. И. Коновалов:

"Сильное дарование Николая Благова глубоко народно по своей сути. Нельзя научиться любви к полям, лесу, реке, если они не родные тебе... Только самобытному таланту подвластны зримость образов, тонкое движение души. По-народному смотрит он на семью, детей, соседей, страну, мир"². Это было сказано Григорием Ивановичем в печати в 1969 году. Восемь лет спустя он в одном из писем говорит о Николае Николаевиче как о "сильном поэте, которого любишь больше, чем отеческой любовью, любишь, как возможно только любить Лермонтова, Пушкина, Л. Толстого или Есенина"³.

¹ Благов Н. Жар-слово. Стихи и поэмы. Саратов. 1991, с. 7.

² Коновалов Г. И. Собрание сочинений. Т. 5. Саратов, 1979, с. 290.

³ Личный архив Н. Н. Благова.

И маститый писатель в столь высоких оценках не одинок. В. Азанов в 1991 году в статье "Народный талант" внес Н. Благова в "пятерку крупнейших поэтов России"¹. Виктор Кочетков в предисловии к томику избранных стихов нашего поэта "Свет лица", вышедшем в издательстве "Молодая гвардия" в 1981 году, подчеркивал: "Поэтический материал Николая Благова отличается обширностью. Но зато это один из самых удивительных миров в нашей российской лирике, поистине заповедная земля, полная красоты "неуспеваемой", свежести, буйства красок, счастливого гомона жизни"². Поэт-фронтовик Николай Старшинов в предисловии к стихотворному сборнику Николая Николаевича "Поклонная гора", получившему широкую известность в стране, в лаконичной, но емкой форме так выразил свое отношение к поэту-волжанину, с которым его связывала крепкая дружба: "Глубокое знание жизни, истинная заинтересованность в судьбах людей, чуткость к родной речи, вдумчивое, подвижническое отношение к поэтическому труду и, конечно, талант — все это делает Николая Благова одним из самых интересных поэтов России"³.

Но Николай Николаевич был и настоящим гражданином своей Отчизны, в самом высоком, некрасовском, понимании этого слова. И поэтому его личная жизнь и общественная деятельность заслуживают того, чтобы о них знали все, кому до-

¹ Благов Н. Жар-слово, с. 9.

² Благов Н. Свет лица. М., 1981, с. 5.

³ Благов Н. Поклонная гора. М., 1984, с. 7.

рога история культурной жизни народа. Вот почему мой первоначальный замысел, сводившийся к написанию воспоминаний о встречах с поэтом, изменился.

Убедившись, что детские, школьные, студенческие годы и начало поэтической деятельности Благова до сих пор почти неизвестны для массового читателя, я решил свою книгу о Николае Николаевиче сделать в двух частях. Первая из них — это традиционный биографический очерк, основанный на документальных материалах и охватывающий первые сорок с лишним лет жизни и творчества поэта. А вторая — составлена из моих воспоминаний о встречах с ним, главным образом, 1975—1992 годов.

Льщу себя надеждой, что мой очерк побудит всех, кому довелось более или менее близко общаться с Николаем Николаевичем, записать свои воспоминания и таким образом внести свою лепту в дальнейшее изучение жизни и творчества нашего выдающегося поэта и гражданина. Редакция "Ульяновской правды", конечно же, предоставит свои страницы для таких воспоминаний, равно как и для фотографий, на которых запечатлен Н. Н. Благов.

Часть 1

ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Вышедшая в 1923 году повесть писателя-волжанина Александра Неверова "Ташкент — город хлебный" быстро завоевала широкую популярность среди читателей и усилила приток населения из центральных областей России в Среднюю Азию. В немалой степени эту тягу в солнечный край поддерживали своими письмами на родину освоившиеся там русскоязычные красноармейцы и строители.

Заманчивые вести из Узбекистана действовали и на мать будущего поэта — Евдокию Ивановну Вершинину, уроженку села Русский Качим Сосновоборского района Пензенской области. Ее родители — крестьяне-середняки, еще во время голода 1920—1921 годов в Поволжье, продав дом и скотину, в поисках сытой жизни подались на Украину, а она, 16-летняя Дуня, осталась на попечении родственников приглядывать за оставшимся имуществом. От родителей с Украины пришло единственное письмо с описанием неисчислимых бед, которые им довелось там испытать, и с заклинанием дочери не покидать отчий край. Больше никаких вестей от отца и матери Дуня не получила.

А от красноармейцев-земляков, служивших в далеком Ташкенте, продолжали приходить в Пензенскую область письма с рассказами об этом хлебном городе. И в 1927 году Евдокия Ивановна с подругой на свой страх и риск отправилась в далекий Ташкент на "500-веселом" (были тогда такие товарно-пассажирские поезда, в которых товарные вагоны оснащались нарами для переселенцев).

Образование у Евдокии Ивановны было небольшое — всего 3 класса сельской школы, и поэтому биржа труда, если и предоставляла ей работу, то, в основном, в качестве разнорабочей. Но энергичная и смышленная пензячка, постоянно дружившая с книгой, упорно проходила собственные университеты и добилась-таки, что в январе 1930 года ее приняли на двухгодичные курсы сестер-воспитательниц при Государственном научном институте охраны материнства и младенчества (советская власть выкроила из скромного бюджета средства для создания и такого института). А через месяц Евдокия Ивановна вышла замуж за Николая Гавриловича Благова, уроженца деревни Андреевки Чердаклинского района Ульяновской области. В Ташкент он попал в 1927 году после призыва в Красную Армию в 22-летнем возрасте, после отсрочки, которую имел как младший и единственный сын при престарелой матери — Секлетинье Ивановне. Осенью 1929 года Николай Гаврилович закончил действительную службу и остался в части на сверхсрочную.

Образование у него было в объеме начальной школы, но за время службы в Красной Армии он много занимался самообразованием, и командо-

вание дало ему рекомендацию для поступления на рабфак ("рабочий факультет", на который принимались юноши и девушки из семей трудящихся с неполным средним образованием) Средне-Азиатского государственного университета. После женитьбы Николай Гаврилович уволился в запас и работал диспетчером поездов дальнего следования. Казалось бы, у молодоженов-поволжан, заброшенных судьбой в хлебный город Ташкент, все складывается как нельзя лучше. Но, увы, недолго длилось семейное счастье. Вспышки тифа тогда еще были не редкостью, и поздно обратившегося к врачам Николая Благова спасти не смогли: 21 октября 1930 года в 25-летнем возрасте он ушел из жизни...

А 2 января 1931 года у Евдокии Ивановны родился сын, которого она назвала в честь любимого мужа Николаем. Так Николаю Николаевичу Благову не суждено было даже увидеть родного отца. Около полутора лет молодая вдова с сынишкой еще прожила в Ташкенте и, добившись пособия на малыша, окончила-таки курсы со званием "сестры-воспитательницы". А между тем свекровь звала ее к себе в деревню Андреевку. Отправив небогатые пожитки багажом, Евдокия Ивановна с сынишкой выехали товаро-пассажирским поездом в Поволжье. С пересадками добралась она до Ульяновска, а потом на пароходе — до пристани Крестово Городище, где и ждала ее с ребенком мать мужа. В Андреевку, на родину отца, Коля с матерью прибыл уже на лошадях.

Местность вокруг села была холмистая и безлесная. Но почвы, хотя и значились в кадастре не со-

всем благозвучно — как "деградированный и выщелоченный чернозем", при умелом использовании давали неплохие урожаи зерновых, картофеля и других культур. Дело стояло лишь за рабочими руками, и некогда кто-то из помещиков переселил сюда холопов из коренной Руси. Вот почему, столетия спустя, старожилы Андреевки и соседних сел Коровино, Тургенево, Кайбелы, Крестово Городище, Красный Яр да и райцентра Чердаклы сохранили в языке оканье, еканье и другие особенности наречия, характерного для уроженцев владимирской и суздальской земель¹. Вот где коренится оканье нашего поэта.

До октября 1917 года Андреевка считалась одним из самых захолустных и захудалых сел Коровинской волости Ставропольского уезда Самарской губернии. Из 192 крестьянских дворов в 93-х не было коров, а треть была безлошадной. На всю общину приходилось 363 десятины удобной и неудобной земли, то есть полгектара на душу. Не удивительно, что при урожаях в 25—30 пудов с десятины своего хлеба андреевцам хватало лишь до Рождества².

Рубежным в истории села стал 1931 год, когда по почину Михаила Рыбочкина, Терентия Круглова, Терентия Чагрова (будущего Героя Социалистического Труда) и еще нескольких бедняков в Андреевке была создана сельскохозяйственная артель "Новый путь", которая впоследствии объединила 185 дворов. Колхоз получил от государства

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1989, с. LXXIII.

² Чагров Т. А. Наш опыт. У-к, 1946, с. 9.

3037 гектаров земли (пашни — 2191, сенокосов — 155 и пастбищ — 27), на которых можно было вводить правильные севообороты и использовать технику.

В Андреевке 1933 года имелось три улицы, протянувшиеся по левому берегу речки Калмаюрки. На нижней из них, которую почему-то прозывали "аулом", и стоял деревянный домик бабушки Секлетины. Два окна горницы выходили на улицу, а в кухне с большой русской печкой и сенах — во двор, где находились коровник, погреб и другие хозяйственные постройки. Украшением села был пруд, устроенный возле мельницы, с водным зеркалом в 17 гектаров. Здесь ребята и купались, и ловили рыбу.

Многочисленная родня покойного Николая Гавриловича, которого в Андреевке все помнили как видного, здорового парня, умевшего слагать стихи и частушки, и к его вдове с сынишкой отнеслась участливо. Первое время Евдокия Ивановна трудилась в колхозе, пока председатель, с учетом того, что она грамоту знает и на счетах считает, не предложил ей место продавца в сельмаге Андреевки. С начала 1934 года до лета 1936-го довелось ей на такой же должности поработать и в магазине села Крестово Городище, расположенного десятью километрами западнее Андреевки, а в последующие два года, до начала 1939-го, она заведовала магазином в селе Татарский Калмаюр, отстоявшем на восток от Андреевки тоже на десяток километров.

Рабочий день матери продолжался с раннего утра и до позднего вечера, почти без выходных и отпусков, поэтому, начиная с трехлетнего возвра-

та, Коля находился почти исключительно на попечении бабушки Секлетины. Эта неграмотная женщина, несмотря на свои 70 лет, исправно вела свое хозяйство, включавшее огород, корову и другую живность, да время от времени выбиралась в церковь, что была в ее родном соседнем Коровине. Сюда тянуло и желание встретиться с односельчанами. Здесь в молодости она, статная и певучая, пела в помещичьем хоре, в котором самым голосистым из парней оказался андреевский Гаврила Благов. Желание мецената оказалось решающим в создании певучей семейной пары...

Бабушка Секлетины беззаветно любила своего единственного внука и не оставляла его без присмотра даже тогда, когда занималась делами на подворье. И мальчик был привязан к ней, не любил оставаться один в доме. Бывало, даже на заре сидит на крыльце, закутанный в шубняк, пока бабушка не подоит корову, а потом идет досыпать. Бабушка Секлетины лечила Колю травами и прочими народными средствами, случись ему захворать. (Между прочим, сама не боялась выходить на снег босиком).

Свою маму Коля видел урывками, от случая к случаю, когда ей удавалось оставить магазин помощнице и вырваться в Андреевку, чтобы побыть с сынишкой. Когда бывали оказии, она пересылала гостинцы, из которых для Коли самыми желанными были "подушечки" — мелкая карамель с начинкой из повидла.

Осенью 1936 года к бабушке на постой определили молодую учительницу начальной школы. Заметив, что Коля умеет читать (мама научила), она

стала учить его писать, рассказывала сказки, приносила книжки для дошкольного возраста. Мальчик так привязался к постоялице, что каждое утро провожал ее на занятия и с нетерпением ждал возвращения из школы. Вечером, заслушавшись рассказами учительницы, Коля нередко засыпал рядом с ней, и уж потом бабушка переносила его к себе на печку.

На зимние каникулы учительница уехала на побывку домой, и для Коли это было настоящим горем. Когда же она вернулась в Андреевку, он взял с нее обещание, что больше никогда не уедет. Примирение завершилось тем, что Коля, которому едва исполнилось семь лет (а принимали учиться с восьми), стал ходить в школу со своей любимицей и сидел на уроках как бы "вольнотрушником" на задней парте. Осенью того же 1938 года, когда Коле все еще не хватало четырех месяцев до восьми лет, он был зачислен в 1-й класс, но, к его огромному огорчению, уроки вела уже другая учительница...

В январе 1939-го матери, наконец-то, удалось перевестись на работу завмагом в Андреевку, и почти два с половиной года Коля будет видеть ее каждый день. И не только ее: Евдокия Ивановна вышла замуж за уроженца села Тургенево — 30-летнего Николая Афанасьевича Лысова, у которого на руках находилась девятилетняя дочурка Зоя. Образовалась дружная семья, хотя родители и состояли в гражданском браке.

Отчим оказался на редкость добрым, жизнерадостным и трудолюбивым человеком, заботившимся о том, чтобы в семье все ладилось. Имея нормальные условия для учебы, Коля и Зоя два года

занимались в Андреевской начальной школе. Но как только 22 июня 1941 года грянула война, Николай Афанасьевич, оформив юридически брак с Евдокией Ивановной, рвется на фронт. В этом же грозном году он становится коммунистом, а в сентябре следующего года все-таки попадает в армию.

Коля в это время занимался уже в четвертом, выпускном классе и для своего возраста стал, наверное, самым заядлым книгочеем: почти всю художественную литературу, которая имелась в Андреевке и соседних селах, он старался перечитать. Удивительно, но многие из этих книг прочитывала и его мать. Обладая замечательной памятью, она могла пересказать содержание романа "Петр I" Алексея Толстого или, скажем, сцен из драмы "Без вины виноватые" Александра Островского.

Между тем по Андреевке и окрестным селам разлетались слухи, что Коля Благов лучше всех успевает в школе по русскому языку и уж очень складно в помощь односельчанам пишет письма их родным на фронт, да иногда заканчивает их стихотворными строчками с пожеланиями здоровья, победы и скорейшего возвращения. Мало-помалу, выполняя настойчивые просьбы жен и матерей фронтовиков, он стал как бы нештатным писарем. Письма же заканчивал горячим призывом: "Смерть немецким захватчикам!" Сложенные треугольником послания сам же и относил на почту.

Сильно ударила война по селу: самые крепкие работники ушли на фронт, в армию взяли и большинство лошадей. Тяжелый крестьянский труд лег

1055501 946

на плечи женщин, стариков и подростков, которые должны были не только кормить себя, но и давать фронту хлеб, мясо, сырье для промышленности. Но благодаря тому, что с 1936 года колхоз (носивший теперь имя Молотова) возглавлял талантливый организатор, честный, умный, опытный и трудолюбивый председатель Терентий Алексеевич Чагров, которого по возрасту не взяли в армию, посевные площади и урожайность с каждым годом увеличивались. Для замены лошадей приучали бычков работе в упряжи, и если в 1942 году в колхозе не было ни одного рабочего вола, то в 1943-м имелось уже 63, в 1944-м — 71, а в 1945-м — 99 голов. Урожайность возросла по сравнению с довоенным уровнем на 25—30 процентов. Это был результат самоотверженного труда сельчан.

Как и все школьники, Коля Благов с самого начала войны помогал колхозу. Его товарищ детства Эриксон Михайлович Рыбочкин (впоследствии — директор одного из заводов в Ульяновске, ныне — пенсионер), вспоминая ту далекую пору, в беседе со мной сказал, что они мальчишками трудились везде, где только требовалось; приучали бычков к работе в упряжи, а на пахоте, бороновании и севе находились рядом с женщинами или стариками, выполняя роль погонщиков скота; на уборке вязали снопы, укладывали их на телеги так, чтобы они не рассыпались в пути; весной, после разлива Волги, вывозили на волах оставшиеся на пойменных лугах бревна (волоком по земле, зацепив веревками) в село, где тогда строился клуб; возили грунт и навоз, употреблявшийся при укреплении мельничной плотины на Калмаюрке.

Коля, по словам Эриксона Михайловича, любил время сенокоса на заливных лугах и, став юношей, справлялся с ролью вперед идущего косаря. Зимой, ребятами, они участвовали в снегозадержании, сооружая сугробы и устанавливая щиты на полях; собирали по дворам золу, навоз и куриный помет, везли удобрения на поля и там разбрасывали их. Бывало, что, по просьбе правления колхоза, собирали по домам картофельную шелуху с глазками для посадки, само собой разумеется, что в личном хозяйстве Коля, подрастая, брал на себя, как единственный мужчина в семье, самую трудную физическую работу. И все это делалось добровольно и добросовестно. Вспоминая о трудовом энтузиазме молодежи той поры, Николай Благов в 1959 году в стихотворении "Ровесники" с гордостью напишет:

*В войну, в тыловой опустевшей России,
Мальчишкам оставили труд мужики,
Земля захлестнула нам ноги босые —
По рамы в нее мы пускали плуги.¹*

В войну всем было трудно, и поэт потом образно скажет, что она, если не за тело, так за душу каждого "своим слепым огнем задела, оставив пепел холода в груди". Казалось бы, после тех тяжких страданий, которые выпали на долю миллионов россиян в результате агрессии фашистской Германии, "яростная месть с их стороны не была бы чрезмерной", говоря словами поэта Сергея Викулова.¹ Но гуманизм — неотъемлемая черта нашего народа. В этом с детства постоянно убеждался и

¹ Благов Н. Поклонная гора, с. 10.

Коля Благов. Память его прочно запечатлела такой поразительный эпизод. Между Андреевкой и Чердаклами в степи находился лагерь пленных немцев, который они сами же построили. Как-то зимой через Андреевку проезжал под конвоем обоз пленных с заготовленными в лесу дровами, и поэт в стихах воссоздаст эту картину. Он напишет, что "одежоночка" на пленных немцах была не для "вьюжных большаков", и, ссутулясь, прижимались они к возам, но не столько от холода, сколько под взглядами стоящих вдоль улицы солдаток с коромыслами в руках, вдов "с памятью немыслимой", да ребят, "нависавших судьями". Но никто из сельчан не поднял на немцев коромысла и не обрушил проклятий. В притихшей толпе кто-то даже жалостливо промолвил: "Несчастные. Не сладко и самим". А кто-то бросал им свой хлеб, который сами ели не досыта, хлеб, который иногда пекли и с желудями, и с лебедой... В стихах Николай Благов с потрясением заметит:

Забывчивый, отходчивый народ...

Собаки даже огрызаться бросили,

Кусочки провозжая пленным в рот.¹

После Андреевской начальной школы Коля учился в семилетке, что была в старинном селе Тургенево — бывшем родовом гнезде известного просветителя Ивана Петровича Тургенева и его сыновей — поэта Андрея Ивановича, декабриста Николая Ивановича и публициста Александра Ивановича — старшего товарища Пушкина. Н. Благов с гордостью упомянет и народнического писа-

¹ Благов Н. Поклонная гора, с. 20.

теля Н. Г. Гарина-Михайловского, и советского писателя А. Н. Толстого, которые тоже трудились здесь. Примечательно, что Андрей Тургенев в стихах, написанных в конце XVIII века, называл это село "милым". А почти через два столетия Николай Благов, вспоминая Тургенево времен Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, когда оно стало второй родиной для беженцев из западных областей СССР и Ленинграда, писал, что оно их "как могло, приютило и согрело, утешило вздохом сострадания"; и сложил своеобразную оду "дивной природе тургеневской поймы", неповторимой красоты и изобилия. 10 декабря 1981 года он писал в "Ульяновской правде": "Весной Волга окружала село, задебренное борами, дубравами, рощами, гривами, соединяла сотни озер бурлящими рукавами кипенной вешней воды, высоко подымала прозимовавшие в улицах пруды и, отыграв, успокоенно вставала под окнами".

В Тургенево было значительно меньше Благовых, нежели в Андреевке (где стояло несколько благовских порядков), но и здесь нашлась дальняя родственница — Мария Сажина, которая приютила у себя Николая на время учебы. В хорошую погоду (пешком или на лыжах) Николай, в первый год, в одиночку и довольно резво, не раз в неделю преодолевал 8-километровый путь в Андреевку — повидаться с родными, попариться в домашней баньке, сменить белье, взять хлеба и продуктов. С наступлением ненастья и морозов совершал одну ходку в неделю: в субботу из Тургенево в Андреевку, а в воскресенье или понедельник — обратно. Бывали и такие случаи, когда из-за появления в

округе волчьей стаи приходилось задерживаться до появления попутчика...

Во время учения Коли в шестом классе после окончания Андреевской начальной школы в тургеневскую семилетку поступил и Эриксон Рыбочкин, который тоже поселился в частном доме. Несмотря на то, что он был на год моложе и ниже ростом, в ходках Тургенево-Андреевка и обратно он был достойным партнером во всех отношениях. Вместе они прибыли в Андреевку и на зимние каникулы в 1943 году. Но радость пребывания в родном доме для Коли была омрачена несчастьем. Он и бабушка заболели ангиной. Сам-то он вскоре встал на ноги, а вот бабушка Секлетинья, которая на девятом десятке стала вообще угасать, не смогла одолеть болезни, и через несколько дней ее не стало. Коля горько и долго оплакивал эту потерю и на всю жизнь сохранил благодарную память о бабушке. Ее светлый образ потом не раз витал в лирических стихах поэта-внука. Влияние бабушки было глубоко и многогранно. Оно навсегда предопределило и его сыновнюю любовь к Андреевке, родной речке Калмаюрке и окружающим лесам, полям и лугам, где они собирали грибы, ягоды и лечебные травы. Благодаря бабушке Коля мог безошибочно определить вид дерева, кустарника, травянистого растения; знал повадки зверей и птиц или, скажем, ужей и гадюк. От нее органично перешла к внуку способность сострадания чужому горю; общение с бабушкой воспитало в нем уважение к тяжелой женской судьбе, которая выпала на долю солдатских матерей и вдов, от зари до зари трудившихся в колхозе за себя и за того пар-

ня, который сражался с чужеземным захватчиком, да на своем подворье, чтобы прокормить своих детей и стариков. Наконец, благодаря бабушке Николай с детства очень многое почерпнул из кладезя народной мудрости, "пропитался" народным языком; его поэтическую натуру обогащали предания, сказки, обычаи, пословицы и поговорки, передаваемые волжанами из рода в род. Словом, влияние бабушки Секлетины на Николая Благова было сродни тому, какое испытал на себе Пушкин со стороны своей незабвенной Арины Родионовны.

Теперь вся радость встречи с родным домом у Коли была связана только с матерью. Он понимал, что со смертью бабушки, по существу, осиротела и она. Матери шел тогда сороковой год. Наряду с большой занятостью на работе теперь уже и все хлопоты в доме и на подворье легли на ее плечи. А помогать ей Коля мог только во время побывок. Он сознавал, что теперь, когда нет бабушки, а отчим на войне, он — единственная радость и опора в ее одинокой, полной трудов жизни. Любознательная, тянувшаяся к знаниям и культуре женщина, всегда в душе сожалевавшая, что не пришлось получить образование, конечно, лелеяла мечту, что выучит сына. Она постоянно интересовалась его занятиями, книгами, которые он читал, при случае разговаривала с учителями о его учебе и всегда с нетерпением ждала Колю из Тургенево, в метель же порой просила у председателя лошадь, чтобы встретить их с Эриксоном на дороге. А увидевшись, расспрашивала обо всем, заботливо кормила, радовалась общению с ним, гото-

вила белье, собирала продукты и снова провожала, чтобы снова ждать... По-мальчишески внешне в какой-то мере ершистый и грубоватый, в душе Коля очень чутко чувствовал сердце матери, иначе не могло бы родиться уже в его юношеских стихах, скажем, таких строк:

Так живет и тужит самая родная:

Вечно у окошка,

Вечно на часах,

Так горит, не гаснет,

Встречи ожидая,

Светлячок надежды

В гаснущих глазах.

Навсегда сохранится добрая память у Николая Благова о директоре Тургеневской семилетней школы Филимоне Сергеевиче Карамазове, эвакуировавшемся с семьей из Белоруссии в самом начале войны. Человек высокой культуры, большой педагогической опытности и кристальной честности, он сумел создать крепкий учительский коллектив и вести обучение и воспитание на максимально возможном для военной поры уровне. Много лет спустя Н. Благов припоминал и такую трогательную, отеческую заботу директора о детях: "Из плуга в борону, из телеги в дровни перепрягал Филимон Сергеевич школьного Карька. И стали появляться на ученических партах завтраки. Хлеб на школьном участке не сеяли, но картошка, смысловочка, бульба не подвела".¹

В тургеневской школе довольно четко обозначились предметы, которые сильнее всего влекли к

¹ Ульяновская правда, 1981, 10 декабря.

себе Николая и по которым он преуспевал. Из гуманитарных предметов — это литература и история, а из естественных наук — география и физика. По всем остальным предметам он шел хорошо, но сам-то понимал, что четверка по русскому языку давалась ему как бы в поощрение за успехи в литературе: серьезно хромала орфография, ибо он нередко писал так, как говорил...

В середине марта 1945-го классный руководитель зачитал выпускникам седьмого класса содержание экзаменационных билетов, разработанных наркомпросом, и Николай с одноклассниками стал их отрабатывать. Повторение программы шло в приподнятой обстановке: районные газеты чуть ли не ежедневно помещали на своих страницах приказы Верховного главнокомандующего командующим фронтами по случаю очередных успехов в разгроме фашистского зверя в его логове. Со взятием нашими доблестными войсками Берлина стало ясно, что днями наступит долгожданная Победа.

А когда 9 мая этот бесконечно радостный незабываемый исторический момент наступил, то одним из первых в округе узнал об этом Николай Благов. Десятилетия спустя он вспоминал на странице "Ульяновской правды": "На крыльях летел я в Тургенево, в свою НСШ (неполную среднюю школу. — Ж.Т.), в село, где тогда не было телефона, и я первый нес туда весть, радостней которой ничего не может быть. Директор школы Иван Федорович Ганин (сменивший Карамазова. — Ж.Т.), израненный наш учитель, приостановил меня насупленным взглядом, когда я без всякого стука влетел в учительскую:

— Война кончилась!..

— Стой, — вдруг весь преобразился он. — Откуда узнал?

— Позвонили из Чердаклов... Победа!..¹

Этому полету на крыльях способствовало и сознание того, что отчим Николая, уже третий год сражавшийся на фронте в танковых войсках, остался жив. Всеобщая радость при объявлении 9 мая Днем Победы, конечно же, сопровождалась и слезами на глазах. Замечу, что со временем в Андреевке будет установлен памятник-обелиск 325 (!) землякам, погибшим на Великой Отечественной (сюда вошли и уроженцы Тургенева, оказавшегося на дне волжского водохранилища), а в соседнем Крестовом Городище — 460 погибшим!²

В первой половине июня семиклассники Тургеневской неполной средней школы завершили сдачу экзаменов, и на торжественном вечере выпускников директор в присутствии членов экзаменационной комиссии и родителей вкратце рассказал об итогах учебного года и выпускных экзаменов. У Николая Благова средний балл по 12 предметам составлял 4,33 и, следовательно, он имел все данные для продолжения учебы в средней школе. Можно было поступать в десятилетки и Крестова Городища, и Чердаклов, но мать решила-таки, что Николай поедет в областной центр, Ульяновск, для поступления в 8-й класс известной на всю страну школы № 1 им. В. И. Ленина. А жить будет у родственницы — тети Дуси. Столь ответственное ре-

¹ Ульяновский комсомолец, 1984, 1 января.

² Край Ильича. Саратов, 1980, с. 327, 331.

шение принималось, конечно же, с учетом добросовестной учебы Николая и в Андреевке, и в Тургенево да и вообще серьезного отношения к жизни.

В свои четырнадцать лет будущий поэт внешне выглядел гораздо внушительнее своих сверстников: ростом был почти на голову выше остальных, несмотря на худощавый вид, обладал незаурядной физической силой, которой, впрочем, не злоупотреблял. И настойчивости, и воли в достижении поставленной цели ему, как говорится, было не занимать. Так что Николай в конце августа победного 1945-го отправился на известном всем стареньком колесном пароходе "Джон Рид" в Ульяновск без страха и сомненья.

Однако жизнь в областном городе, без деревенского раздолья и привычного круга друзей и знакомых, пришлась ему не по душе. А с начала занятий в 8-м классе Николай заметил, что некоторые городские ребята косятся на его деревенскую одежду, иные стали явно подшучивать над его высоким ростом и медвежьей неуклюжестью, крестьянским выговором и оканьем. Несправедливые насмешки были слишком обидны для самобытной, гордой и вместе с тем эмоциональной и легкоранимой натуры Николая Благова, и, несмотря на увещевание родных, он бросил эту школу и вернулся в родное Заволжье.

В сельских школах в связи с уборочной страдой занятия начинались на месяц позже, чем в городских, и Николай с таким рвением скирдовал солому и ворочал мешки под нарочитое подхваливание некоторых мужиков, что, несмотря на предо-

стережения сердобольных женщин, надорвался и заработал грыжу.

Конечно, выпадали и часы досуга. Коля любил побродить с бреднем по речке или озеру, купаться. Плавал он хорошо. В его характере было смело бросаться с кручи в омут, чтобы измерить глубину; не раз переплывал Волгу. Зная его силу и ловкость, ребята однажды уговорили его сходить в село Татарский Калмаюр на сабантуй. Надев борцовский пояс, Николай победил в борьбе и выиграл какой-то приз.

В последние два года войны родной колхоз, возглавляемый неутомимым Т. Чагровым, выполняя все свои обязательства перед государством по поставкам сельхозпродуктов и сырья, неуклонно укреплял свои неделимые фонды. Возле мельницы установил крохотную собственную гидростанцию, построил здание для кузницы, конюшню для племенных лошадей, свинарник, птичник, омшаник на 80 ульев, несколько домов для семей фронтовиков. При этом Андреевка выделяла деньги на постройку танковой колонны и на помощь освобожденным от оккупации районам СССР. Но даже в этих труднейших условиях правление колхоза заботилось о повышении благосостояния своих тружеников. Так, уже в 1944 году на трудодень выделялось по 3 с лишним килограмма зерна, 2 — картофеля и полтора рубля деньгами. В победном 1945-м трудодень стал еще более весомым.¹

И вот теперь-то мать Коли и родные Эриксона (бабушка и тетя) выкроили по несколько пудов из

¹ Чагров Т. А. Наш опыт. Ульяновск, 1946, с. 21.

полученного на трудодни зерна и обменяли их на подержанные велосипеды. Ребята привели их в надлежащий вид и до наступления ненастья и холодов ежедневно ездили из Андреевки в Тургенево, а после уроков возвращались домой. В этом же году Коля получил у матери разрешение пользоваться ружьем отчима, и вместе с Эриксоном (тому ружье иногда давал двоюродный брат) они ходили охотиться, зимой — на куропаток или зайца, а весной и осенью — на уток. Но постепенно охотничий азарт остыл, и впоследствии у поэта появятся такие пронизанные гуманизмом строчки:

*... Не отберу у крыльев высоты.
Сумею жить я,
Как умеют пчелы
Брать вдоволь меда,
Не гася цветы.*

С началом занятий в крестовогородищенской школе — единственной для здешней округи десятилетке, вбиравшей в себя выпускников семилеток Тургенева, Красного Яра и даже правобережного села Криуши, Николай вошел в число ее восьмиклассников. Крестово Городище растянулось вдоль волжского берега почти на пять километров, включая в себя собственно одноименный поселок, затем, южнее, Выселки и Кайбелы. Общая численность населения составляла около пяти тысяч человек, трудившихся, в основном, в четырех земледельческих колхозах и одном рыболовецком. Впрочем, это разделение прибрежных колхозов было относительное, ибо в каждом подворье земледельца имелась своя лодка или долбленка, все необходимые снасти и приспособления для ловли

рыбы, да и бревен, отрывавшихся от плотов. В свою очередь профессиональные рыбаки немало занимались огородничеством, садоводством, разводили птицу и скот, для которого сено заготавливали на волжских островах. И те, и другие вялили и солили рыбу для своих нужд, а при случае и торговали ею на пристани или везли в Чердаклы, Мелекесс, а то и в Ульяновск.

Школа в Крестовом Городище представляла собой довольно сложное образование. Основная усадьба с большим садом и огородом, двумя учебными зданиями, флигелем с комнатами для ребят и школьной библиотеки, а также домики с учительскими квартирами находились в самом центре села, невдалеке от паровой мельницы. А младшие классы и общежитие для девочек — несколько поодаль.

Так Николай Благов оказался в интернате. Из рассказов полковника в отставке Александра Владимировича Штырлина, которому довелось в 1947—1948 годах жить бок о бок с будущим поэтом в общежитии при этой десятилетке, видно, что обстановка для жизни и учебы здесь была весьма благоприятная. В этом была заслуга и директора, и его коллег учителей-энтузиастов: завуча-литератора Марии Николаевны Корелиной, историка Андрея Ивановича Зайцева, супругов Бажановых — географа Татьяны Петровны и физика Василия Михайловича. Все помещения отапливались, мебель и учебные пособия имелись в достаточном количестве.

Флигель, где жили приезжие мальчики, представлял собой шатровый домик, в одной комнате которого было общежитие, в другой, напротив,

помещалась библиотека. Заведовала ею бывшая учительница — Наталья Степановна Борисова, жена опытного учителя литературы в пятых-седьмых классах.

В просторной комнате-общезитии все 10—12 кроватей располагались у двух стен (спинками к ним), а посредине из нескольких столов был составлен один общий, размером примерно 2 на 4 метра. У каждого из ребят было свое место для занятий и приема пищи.

Война уже кончилась, но в школе осталось несколько толковых учителей из беженцев, и можно сказать, что Николаю Благову и его однокашникам крупно повезло, что уроки литературы вела завуч — Мария Николаевна Корелина. В начале фашистского нашествия ей в Белоруссии пришлось пережить страшную трагедию. Муж ее погиб в боях с захватчиками, а она, воспитанница Минского университета, потеряла во время бомбежки сестру, и, взяв оставшуюся сиротой племянницу, вместе со своими сыновьями-дошколятами, эвакуировалась в Ульяновск. Здесь тридцатилетней учительнице-беженке и дали направление в Крестово Городище, где ее поселили в домике в школьном дворе и помогли с первоначальным обустройством.

В благодарность за гостеприимство и заботу волжан Мария Николаевна — прекрасный знаток своего любимого предмета — положила все свои силы и способности на то, чтобы сельские ребята получили прочные знания русского языка и литературы. Объектом ее особой заботы были ученики, жившие в школьном интернате, рядом с библио-

текой, в которую она часто наведывалась. Естественно, что словесница очень скоро убедилась в том, что Николай Благов — самый большой книголюб, а природа щедро наделила его литературным даром.

Его неординарные способности зримо проявились уже в одном из первых домашних сочинений — "Слово о полку Игореве". Во время работы над сочинением об этой, по выражению Николая, "великой книге" он впервые познал, что такое "муки слова" и что написание сочинения — дело более трудное, чем пахать в поле на быке или корове.¹

Благовское творение по содержанию оказалось лучшим, было оценено Корелиной высшим баллом, и учительница прочла его вслух на уроке. А в беседе с глазу на глаз Мария Николаевна тактично, как добрый старший товарищ, пожурела Николая за недопустимые орфографические ошибки. Во время доверительной беседы выяснилось, что подросток пишет стихи, и учительница, горячо одоблив это увлечение, подала идею об издании любителями литературы своего рукописного журнала "Юность".

Осенью 1946 года домой вернулся демобилизованный из Красной Армии отчим, лейтенант запаса Николай Афанасьевич Лысов. Участнику многих танковых сражений, освобождения Варшавы и штурма Берлина, ему было что рассказать родным и знакомым. Без долгой раскачки отчим (дочь его уже уехала к своей бабушке в соседнее село) взял на себя ведение всего домашнего хо-

¹ Ульяновская правда, 1978, 16 июня.

зяйства, владельцем которого, по завещанию покойной бабушки Секлетины, являлся Николай Благов; постоянно помогал Евдокии Ивановне в заведовании магазином; на общественных началах активно участвовал в работе сельского Совета, а со временем перешел в него и на штатную работу. В общем, Николай Афанасьевич, как и другие фронтовики, нашел свое место в послевоенном восстановлении народного хозяйства и вносил свою лепту в ту картину созидания, которую наш поэт впоследствии воспел в стихах:

*Страна запахла пашней, сталью,
Вся разминалась, наконец,
Как после лежки госпитальной
Ходить обязанный боец.
Выветривая дым прогорклый
Под жгучим семенным зерном,
Протягивалась трактором, взгорком,
Уральским становым хребтом.*

Материально в первый послевоенный год всем жилось трудно, но уже в 1947-м наметились сдвиги в восстановлении народного хозяйства, а в декабре постановлением Совнаркома в СССР, даже раньше, чем в Англии или Франции, была отменена карточная система. Николай Благов, хотя и оказался в лучшем положении, чем его товарищи по школьному интернату (ведь в семье работали двое — мать и отчим), но жил точно так же, как и однокашники. Все они, по договоренности между собой, сдавали тете Кате, проживавшей во флигеле и исполнявшей обязанности уборщицы, сторожа, дворника и поварихи, положенное количество картошки, капусты и моркови, и она, добавляя выдаваемые время от времени местными пятью

колхозами рыбу, масло и мясо, готовила для обитателей интерната пищу. Хлеб, получаемый ребятами по карточкам или передаваемый родителями, у каждого был свой. Выходные дни и школьные каникулы Николай проводил в Андреевке в бабушкином доме, и уж тогда-то мать старалась повкуснее и посытнее попотчевать сына.

Кто-кто, а будущий поэт жил не только хлебом единым. Воплощение своих мыслей и чувств в поэтическом слове постепенно становится для него потребностью. С душевным подъемом наблюдая, как в послевоенные годы "радостно дышит земля молодая, и думы светлеют, и боль пропадает" и "любви материнской подарены дети", он на пороге большой жизни превыше всего ставит счастье народа:

*К нему одному в постоянном стремленьи
И сердца биенье, и мысли теченье.¹*

Истоки глубоко осознанных чувств патриотизма и демократизма Николая Благова, безусловно, коренятся в его малой родине — Андреевке, Тургеневе и Крестовом Городище. Здесь он рос в дружной трудолюбивой семье и воспитывался в сельских школах и здесь бабушка, мать, отчим и вдумчивые и заботливые педагоги своим личным примером учили, что такое хорошо и что такое плохо, прививали трудолюбие, стремление к знаниям, уважение к старшим, терпимость к мнению окружающих, презрение к карьеризму, стяжательству и идеалам мещанского благополучия. А любовь к Волге, всей родной природе органически

¹ *Благов Н.* Ветер встречный. Ульяновск, 1955, с. 61.

пропитала все его существо и на всю жизнь запасла энергией поэтического вдохновения.

Свое будущее Николай Благов уже не мыслил без литературного творчества. В крестовогородищенской школе оно проявлялось и на уроках литературы (которую и в выпускном классе преподавала Мария Николаевна Корелина), и в стенгазете, и в рукописном журнале "Юность", и в постоянно пополняемой новыми стихами заветной общей тетради, и в экспромтах и эпиграммах. Уже теперь на мой вопрос к Эриксону Михайловичу Рыбочкину, знает ли он, кого Николай Николаевич считал своим учителем стихосложения, тот, не задумываясь, произнес неизвестное благовское четверостишие:

*У Пушкина учились мы заочно,
Читая, перечитывая вновь.
Мы с Пушкиным сживаемся так прочно,
Как с юностью сживается любовь.*

Экзамены на аттестат зрелости Николай с девятью соучениками, ввиду "малокомплектности" школы, сдавал комиссии в районном центре Чердаклы. Тем не менее, в аттестате зрелости появились шесть пятерок — по литературе, истории СССР, всеобщей истории, Конституции СССР, естествознанию и астрономии, пять четверок — по русскому языку, алгебре, тригонометрии, географии и физике и только одна тройка — по геометрии.¹

После того, как аттестаты зрелости поступили в крестовогородищенскую школу, состоялся выпускной вечер с чаепитием и концертом художе-

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

ственной самодеятельности. Прощаясь со своими наставниками и одноклассниками, Николай записал в журнал "Юность" благодарственное послание "Школе родной", заканчивавшееся обещанием:

*Теперь по всей земле великой,
Где б ни пришлось мне побывать,
Я буду о родном народе
Песни звучащие слагать.*

И хотя это была еще неокрепшая поэзия и через много лет учительница Корелина напишет своему воспитаннику: "Как далеко ушел ты от этих юношеских стихов!", Николай Благов навсегда останется верным обещанию и достойно воспоет свой народ.

Матушка и отчим с уважением и гордостью относились к увлечению Николая поэзией, но мечтали видеть его в будущем врачом, а может быть, агрономом или инженером. Сам Николай испытывал большие колебания. Выросший в деревне, чувствующий все ее нужды, привыкший к земле и сельскохозяйственному труду, он как-то естественно, как и многие товарищи, мыслил получить специальность, которая позволила бы квалифицированно трудиться на благо родного колхоза. Но в то же время его поэтическая натура просила иного, тянулась к филологическим знаниям, а их можно было получить в педагогическом институте. С другой стороны, к собственно учительской работе он тяги особой не испытывал. Ко всему, на филфак нужно сдавать вступительный экзамен по немецкому, а его не выдержать, потому что в 9-м и 10-м классах у них не было учителя иностранного языка... Так куда поступать? Однако Мария Николаев-

на Корелина была уверена, что у ее талантливого ученика один путь, и решительно помогла ему на этом пути. Она написала на имя директора педагогического института письмо-характеристику на Николая Благова весьма неординарного содержания. Отметив его большую начитанность и любовь к литературе, а также то, что он был "активным членом местного литературного кружка и корреспондентом школьного литературного журнала", Мария Николаевна с сожалением констатировала, что по условиям приема ее воспитанник не может быть принят в пединститут из-за неподготовленности по иностранному языку.

"Как преподаватель литературы, — говорилось далее в письме, — я прошу дирекцию института допустить Благова к приемным испытаниям. Немецкий язык он освоит во время учебы в институте. Из выпуска прошлого года к Вам поступила лучшая наша ученица по литературе Кулемина Мария и честь школы она не уронила: сдала экзамены за 1 курс на 5. Заверяю, что Благов Николай будет учиться на отлично".¹

В свои 17 с половиной лет будущий поэт имел твердые понятия о чести, и, если его допустят к приемным экзаменам, он выдержит их и станет студентом филологического факультета. Его не останавливало даже то обстоятельство, что в этом году туда поступали только девушки...

¹ Архив Ульяновского госпедуниверситета им. И. Н. Ульянова. Личное дело Н. Н. Благова, л. 4.

ПОРА СТУДЕНЧЕСКАЯ

1

Ульяновский педагогический институт в 1948 году проводил 17-й набор студентов, и Николай Благов был почти его ровесником. Несмотря на относительную молодость, этот вуз был неплохо обустроен: к 1938 году имел два четырехэтажных общежития, причем на живописнейшей верхней набережной Волги, недалеко от учебных корпусов.¹ Если в 1932 году на трех факультетах (физики и математики, языка и литературы, естествознания) обучалось 129 студентов, то спустя 15 лет было уже пять факультетов (добавились исторический и иностранных языков), а число студентов превысило тысячу.

Во время поступления Николая Благова в пединститут произошло резкое увеличение приема: если в предыдущем году принималось 245 человек, то в 1948-м — 450. Готовились учителя и для других областей — Пензенской, Куйбышевской, а также для Татарской и Башкирской автономных республик и даже для Читинской области и Красноярского края.²

Особенно большой наплыв поступающих оказался на исторический и филологический факультеты. На вступительных экзаменах Николай Благов получил за сочинение, по истории народов СССР и географии — "хорошо", а по русскому языку и

¹ Ульяновский госпединститут. Ульяновск, 1951, с. 15.

² Ульяновская правда, 1948, 2 июля.

литературе (устно) — высшие баллы — "отл/отл".¹ Эти пятерки наш абитуриент заслужил у весьма опытного экзаменатора — Виктора Дмитриевича Зуева, который еще в 1916 году получил диплом кандидата филологических наук в Московском университете и двадцать лет преподавал в военной школе. Видно, новичок был серьезно подготовлен, и его не смущал внимательный и строгий взгляд из-под пенсне этого 55-летнего преподавателя. Николай был очень рад такому результату, с благодарностью вспоминал уроки Марии Николаевны, и, конечно, не без гордости в душе за то, что оправдывает ее доверие.

Николай в свои семнадцать с половиной лет стал едва ли не самым младшим студентом института. А вообще-то в этом году среди студентов было немало и таких, которые начинали учебу до войны и вернулись сюда спустя пять-шесть лет, а также учителей, решивших завершить высшее образование выпускников педучилищ с "красными дипломами". Приятным сюрпризом для будущих филологов стало известие, что вместо положенных по штату 25 принято 29 человек. Но это приращение лишь еще больше подчеркивало специфичность личного положения Николая: он оказался единственным парнем на 28 девчат своей группы! Побледнела классическая народная шутка: "Восемь девок — один я". Тут уж не до шуток, когда можешь сказать: "Двадцать восемь девок — один я".

¹ Архив Ульяновского госпединститута. Личное дело Н. Н. Благова.

В начале вступительных экзаменов Володя Иванов получил трагическое известие о том, что его отец, спасая крестовогородищенских женщин, перевозивших сено на лодке с волжского острова-середыша, утонул. Как ни поддерживал Николай своего лучшего друга, тот бросил сдачу экзаменов, уехал домой и еще несколько лет жил в селе. Теперь Николай остался в институте один из своего выпуска.

В общежитиях места предоставлялись студентам в основном двух факультетов — физико-математического и иностранных языков. Николаю повезло, что тетя Дуся, как и три года назад, приютила его в своей полуподвальной квартирке полукаменного двухэтажного дома на улице Гончарова (что стоит почти напротив отчего дома романиста. Теперь в нем располагается юридическая консультация. Вход в квартиру тети Дуси был со двора). Большинство же других приезжих студентов за те 40—50 рублей в месяц, что институтом выдавались на наем жилья, квартировали обычно вдалеке от центра города.

Трамваев в Ульяновске тогда еще не было, автобусы же ходили так редко, что почти никто на них всерьез и не рассчитывал. Николаю до института было недалеко: он находился на Новом Венце в здании, ныне занимаемом факультетом иностранных языков. Во дворе учебного корпуса, в двухэтажном из красного кирпича здании размещались библиотека, спортзал и столовая. На этой же линии Нового Венца, несколько севернее, стояли домики с квартирами некоторых преподавателей. Часть преподавателей жила со своими семьями и на Старом Венце, в двух четырехэтажных корпусах студенческих общежитий.

На первых занятиях Николай, стеснительный по натуре, не очень-то уютно чувствовал себя, оказавшись в центре внимания девичьей компании, но, к своему удивлению, довольно скоро освоился. Все, как говорится, образовалось, и во многом благодаря старосте группы Людмиле Заикиной, которая не зря получила диплом с отличием после окончания педучилища. И не без ее влияния в группе был создан нормальный нравственный микроклимат, так что и единственному парню было в коллективе комфортно. Случалось, конечно, что деревенские девчата (а их было большинство) озорно разыгрывали его, а то и устраивали "кучу малу". Но это — поначалу. Став студентами, молодежь быстро взрослела.

В перерывах между занятиями Николай уходил в курилку, где познакомился и со старшекурсниками, увлекавшимися литературным творчеством и уже публиковавшимися в печати. Особенно сблизился с Рэмом Герасимовым, шедшим на курс выше. Их роднило и то, что они оба были выпускниками сельских школ Заволжья (Герасимов, правда, — из той части Чердаклинского района, которая вошла в Куйбышевскую область, но Ульяновск был для него все же ближе, чем Куйбышев), и выросли в семьях (Рэм — в учительской), где человека ценят не по словам, а по делам. Рэм был на два года старше, но держался с Николаем без тени превосходства, видел в нем равного товарища-стихотворца.

Программа первого семестра обучения оказалась настолько насыщенной, что почти все свободное время уходило на штудирование литературы и ис-

точников, которые рекомендовались преподавателями курсов "Введение в литературу", "Устное народное творчество", "Античная литература" и "Основы марксизма-ленинизма".

Первые два предмета для Благова стали любимыми, и в этом, несомненно, была заслуга доцента Петра Сергеевича Бейсова, который пользовался большой популярностью и как высокоэрудированный литератор, и как блестящий лектор, и как горячий патриот Советской Отчизны. В начале Отечественной войны он, 35-летний преподаватель, во главе группы студентов, добровольно вступил в ряды Красной Армии и возвратился в Ульяновский пединститут после тяжелого ранения в сталинградском пекле в 1943 году. Профессор Е.И. Никитина, вспоминая уроки бейсовской доброты, которые она с подругами получала от Петра Сергеевича, писала: "Фронтовик, на клюшках, с трудом и болью бравший каждый шаг, он делал все возможное, чтобы помочь нам, голодным, обессиленным девчонкам, выстоять и выжить".¹

Восхищался своим преподавателем в 1948 году и Николай Благов, который впоследствии так изложил свои впечатления о Бейсове: "Тяжелым крестьянским шагом, склонив голову, словно на борозде за плугом, подошел он к кафедре, заметно прихрамывая. С приветливой серьезностью, с доброй суровинкой оглядел аудиторию... Он читал нам лекции по устному народному творчеству, и героические памятники фольклора, естественно, сливались с последней и самой весомой страни-

¹ Ульяновская правда, 1990, 18 марта.

цей в истории нашего народа... И когда рассказывал о Микуле Селяниновиче, казалось, что рассказывает он и о себе. Только ученый солдатской судьбы, — продолжал Николай Николаевич, — думается, мог с такой свежестью и родственной сопричастностью посмотреть в самые дальние фольклорные дали в истории нашего народа. И загружал он себя работой немилосердно. Правду сказать — того же требовал он и от студентов. Не один раз с каждым из нас поговорил он перед началом каникул: вооружал примерным маршрутом по сбору народных песен и частушек".¹

Петр Сергеевич без усталости выискивал среди первокурсников способных к самостоятельной творческой работе и вовлекал их в кружок, где обсуждалась теория стихосложения и литературного мастерства. А всех желающих приглашал в критический кружок, где проводились дискуссии по злободневным проблемам литературы и русского языка, главным образом, для обсуждения выдающихся произведений послевоенного времени.

Николай Благов участвовал в работе обоих кружков и, кроме того, вместе с Рэмом Герасимовым посещал литературные "понеделники" в читальном зале Дворца книги им. В.И. Ленина, на которые собиралось до 300 человек, в основном, учащейся молодежи, а также литературные "пятницы", проводившиеся при редакции "Ульяновской правды" писателями, журналистами и учеными.

На учебных же занятиях отрадное впечатление на Николая и его товарищей производило чтение

¹ Ульяновская правда, 1986, 8 октября.

курса "Античная литература" доцентом Александром Николаевичем Горецким. Раньше он преподавал в Одессе и увлекался изучением жизни и творчества М. Котляревского и И. Коцюбинского. После эвакуации в Ульяновск взялся за разработку тем о жизни и творчестве Н. М. Языкова, М. Ю. Лермонтова, а кандидатскую диссертацию "Пушкин и библиография" защищал в 1946 году в Москве. Его статьи о русских и европейских классиках с 1942 года регулярно публиковались в ульяновской печати и, естественно, брались на вооружение студентами пединститута.

Никаких особых проблем с изучением курса "Основы марксизма-ленинизма" у студента Благова не было — сказывалась прочная школьная подготовка по всеобщей истории и истории СССР, а также знакомство с имевшимся у отчима "Кратким курсом истории ВКП(б)". Что касается злободневных проблем "холодной войны", развязанной империализмом во главе с США и Англией против СССР, а также национально-освободительного движения и борьбы народов за мир, демократию и социализм, то будущий поэт был в курсе всех современных политических вопросов. Основы марксизма-ленинизма преподавал 45-летний Александр Михайлович Файт, читавший в 1938—1941 годах древнюю историю в Казанском пединституте, а в период Великой Отечественной войны прошедший путь от политрука роты до лектора корпуса ПВО на Дальнем Востоке. Знания Николая Благова он оценил высшим баллом. Английский Николай постигал под руководством Евгении Афанасьевны Косенко (26-летней преподавательницы, прибывшей

в прошлом году из Архангельска) и, несмотря на отсутствие опыта в изучении иностранного языка, он вполне благополучно сдал зачет. За учебу без троек на 1-м курсе Николай получал стипендию в 220 рублей в месяц, плюс квартирные. Не густо, конечно, но при поддержке отчима и матери (которая к этому времени сосредоточилась на домашнем хозяйстве) жить было можно, и на билеты в кино и театр хватало.

Начало учения поэта в институте совпало с торжествами по случаю 300-летия со дня основания крепости Синбирск, и весь город готовился к столь знаменательному торжеству. Согласно решению горсовета депутатов трудящихся, штукатурились и красились фасады зданий, ремонтировались тротуары и заборы, проводились массовые закладки садов и ягодников (погибших во время жестоких морозов зимы 1940—1941 года). В центральной части города было посажено 1600 деревьев в возрасте 12—20 лет, а бульвар на улице Гончарова украсила ажурная чугунная ограда.¹

Еще в своем Заволжье Николай немало читал и слышал о грандиозных работах по созданию Куйбышевского водохранилища и каскада волжских ГЭС. Теперь, в Ульяновске, он воочию убедился, какими высокими темпами сооружаются новые речной порт и железнодорожный вокзал, заградительная дамба в левобережной части города, жилые массивы в Засвияжье для автозаводчан и в Киндяковке — для тружеников завода малолитражных двигателей.

¹ Ульяновская правда, 1948, 4 августа.

Еще весной, во время празднования 100-летия Карамзинской общественной библиотеки, по инициативе новорожденной писательской группы, в составе члена Союза писателей СССР Г. И. Коновалова и кандидатов в члены Союза В. А. Дедюхина, П. С. Бейсова и Н. С. Краснова, было принято решение об установлении возле Дворца книги бюста великому романисту-симбирянину И. А. Гончарову. И уже в юбилейные дни, 14 сентября 1948 года, состоялся многолюдный митинг по случаю открытия этого памятника. Среди выступающих Николай Благов впервые увидел будущего своего преподавателя литературы, автора нашумевшего романа "Университет" Григория Ивановича Коновалова. Наш поэт в числе первых горожан любовался отлитым из темной бронзы бюстом автора "Обыкновенной истории", "Обломова" и "Обрыва" работы скульптора А. В. Ветрова.¹

В юбилейные дни на улицах города впервые зазвучала "Песня об Ульяновске", написанная композитором В. Семеновым на слова Н. Краснова:

*Зори пылают ли ранние,
Солнце над миром горит, —
В праздничном ярком сиянии
Ленин великий стоит.*

*Вольно и радостно дышится
Здесь над великой рекой.
Город, как памятник, выситя,
Ленина город родной.²*

¹ Ульяновская правда, 1948, 14 сентября.

² Там же, 1948, 12 сентября.

Возможно, что в эти же дни Рэм Герасимов познакомил Николая и с самим Николаем Красновым. Этому 24-летнему молодому человеку, уже профессиональному литератору, в жизни пришлось многое испытать. Уроженец Ульяновской области, в 1941—1942 годах он работал в Заволжье на патронном заводе им. Володарского, а затем пулеметчиком сражался на Ленинградском фронте. В одном из боев пуля финского снайпера разорвалась в его правом плече, превратив "свинцово обвисшую руку" в недееспособную, и не только для физического труда, но и для письма.

В госпитале Краснов научился писать левой рукой, и по возвращении в родной город, имея лишь среднее образование, все же стал сотрудником "Ульяновской правды" и областного радио. В конце июля 1947 года он послал подборку своих стихов в "Литературную газету" на имя Александра Твардовского. Не прошло и недели, как они были напечатаны там с напутственным словом автора знаменитого "Василия Теркина".¹ А в 1948 году последовал выход первой книжечки стихов ("Зов сердца"), затем была учеба в Московском литературном институте. Тридцать лет спустя, рассказывая о столь многообещающем начале своей писательской карьеры, Краснов упоминает и о дружеской компании в Ульяновске, где в отличие от него, невысокого, был еще "Коля Большой, тоже стихотворец". Это — Коля Благов, который во время разговоров по душам не раз сетовал:

¹ Краснов Н. Дом у цветущего луга. Повести и рассказы. Краснодар, 1986, с. 223.

— Тебе хорошо, ты воевал... Был бы я на твоём месте!.. Тебе есть о чём писать... А мне?..

И полагая, что Краснов способен создать что-то значительное, тезка упрекал его:

— Пушкин в твои годы уже имел "Руслана", замыслил "Онегина"... О Лермонтове я и не говорю. В двадцать лет гений!..¹

Сам же Благов, соблюдая добровольный зарок не спешить с публикациями, читал свои стихи только в узком товарищеском кругу. В конце января 1949 года отлично завершив первый семестр, он провел каникулы среди родных в Андреевке. В один из дней он на лыжах сходил в Крестово Городище — навестил Марию Николаевну и почитал любимой учительнице свои новые стихи.

Во втором семестре появилось семь новых предметов. Три из них — всеобщую историю, историю СССР и психологию — читали молодые преподаватели, и неплохо, но их лекции по содержанию мало чем отличались от вузовских учебников и пособий. Гораздо большее впечатление на первокурсников производили многоопытные доценты Николай Михайлович Никольский (которого из-за высокого роста прозвали "Юсом большим") и Александр Михайлович Бескровный ("Юс маленький" — он был небольшого роста, полный). Первый из них с глубоким знанием предмета прочёл курс старославянского языка. Теперь и Николай Благов познал основы практики перевода на современный язык таких шедевров, как "Слово о полку Игореве". Лекции Александра Михайловича Бескровного по кур-

¹ Краснов Н. Дом у цветущего луга, с. 223.

су "Введение в языкознание" выглядели менее эффективно, нежели Юса большого, но результаты его собственных исследований, скажем, об образовании диалектов на территории Ульяновской области, имели практическое значение для каждого, кто интересовался формированием языковых особенностей у жителей нашего края. А П. С. Бейсов, который теперь читал курс "Древняя русская литература", уже с учетом лекций А. М. Бескровного, продолжал наставлять Николая Благова и его товарищей при подготовке к предстоящим летом фольклорным изысканиям.

Настоящим откровением для первокурсников стали лекции Григория Ивановича Коновалова, чья творческая и педагогическая деятельность началась еще в довоенном Ульяновске, по советской литературе. В период Великой Отечественной войны он, в звании капитана третьего ранга, трудился политработником в бригаде подводных лодок на Тихоокеанском флоте и, демобилизовавшись после разгрома Японии, вернулся в Ульяновский пединститут. Вместе с фронтовиками П. С. Бейсовым и В. А. Дедюхиным он создал областное литобъединение и по праву стал его душой, тем магнитом, который притягивал к себе и начинающих литераторов. Молодежи импонировали доступность всесоюзно известного писателя, его острый ум, открытый и веселый, порой даже озорной характер, по-народному образная, ядреная речь, лихое исполнение казацких песен. Поэтому его лекции с анализом наиболее заметных явлений в советской литературе, таких как: "Счастье" П. Павленко, "Белая береза" М. Бубеннова,

"Жатва" Г. Николаевой, "Кавалер Золотой Звезды" С. Бабаевского, "Знаменосцы" А. Гончара, "Далеко от Москвы" В. Ажаева, "Весна на Одере" Э. Казакевича, а также поэзии А. Твардовского, К. Симонова, М. Светлова, М. Исаковского, С. Маршака отличались глубокой содержательностью и эмоциональностью и воспринимались Николаем Благовым и его сокурсниками с неослабевающим интересом.

Заметнейшей вехой в жизни студентов стали Пушкинские чтения, посвященные 150-летию со дня рождения великого поэта и проводившиеся в стенах пединститута с 25 марта по 25 мая 1949 года. П. С. Бейсов по новым архивным данным сделал сообщение о друге Пушкина — декабристе В. Ф. Раевском, А. Н. Горецкий — о библиографической деятельности Пушкина в "Современнике", Н. М. Никольский — о языке сказок Пушкина. Из выступлений преподавателей, еще не читавших первокурсникам, Николая Благова не могли не заинтересовать сообщения историка Н. П. Гриценко о работе Пушкина над "Историей Пугачева" (ибо речь шла и о пребывании поэта в Симбирске и Языкове) и его молодого коллеги И. Н. Трегубова, познакомившего слушателей с экономическими взглядами Пушкина.

Встречи студентов со своими преподавателями происходили и во Дворце книги, где на Пушкинских чтениях собиралось до 400 человек. Юбилейные материалы регулярно публиковались в "Ульяновской правде", а в воскресенье, 5 июня, газета посвятила великому поэту две страницы. Примечательно, что здесь был помещен рассказ худож-

ника-академика Аркадия Пластова о его иллюстрациях к "Капитанской дочке", "Борису Годунову", "Истории села Горюхина", "Полтаве". Естественно, что такой студент, как Николай Благов, следил за этими публикациями, а 7 июня участвовал в торжественном заседании в облдрамтеатре в честь 150-летия со дня рождения "солнца русской поэзии".

В благодатные июньские дни Николай Благов, можно сказать, блистательно завершил сессию 2-го семестра. Шесть экзаменов (основы марксизма-ленинизма, всеобщая история, старославянский язык, введение в языкознание, древнерусская литература и история СССР) были сданы на "отлично", и только знания по психологии, экзамен по которой принимал Сергей Федорович Семечкин, инспектор облоно, которому на 49-м году жизни впервые довелось преподавать в пединституте, были оценены четверкой. Таким матрикулом Николай вправе был гордиться и 30 июня с хорошим настроением отправился на летние каникулы домой, в Андреевку.

2

Старейший колесный пароходик "Джон Рид" (названный в честь замечательного американского писателя-коммуниста, ярко и убедительно сказавшего в своей книге "Десять дней, которые потрясли мир" правду о всемирно историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции) с 1920-х годов был приписан к Ульяновскому речному порту и обслуживал 75-кило-

метровую линию от Ундор до Сенгилея и обратно. Билеты на него были дешевле, чем на комфортабельные пароходы дальнего следования, и, несмотря на то, что "Джон Рид" отходил от ульяновской пристани в 1 час ночи, а в Крестово-Городище причаливал в четыре утра, Николай Благов отправился в родное Заволжье именно на нем.

А через несколько лет, узнав о гибели во время шторма этого славного неумоимого речного извозчика, сложил в его честь благодарственную оду:

СТАРЫЙ ПАРОХОД

*Он на Волге —
Всех старей и меньше.
Меж крутых, зеленых берегов
Ходит, словно сушками, обвешан
Кольцами спасательных кругов.*

*Если буря,
Если волны бьются,
Держится поближе к островам.
Люди громко с берега смеются:
— За капустой лезет по кустам!..
Годы, годы...
Изменяют силы,
Хрипнет голос,
Тяжело дышать.
Где тут спорить с голубой "Россией"—
Юную красавицу догнать!*

*И однажды,
Выйдя в рейс опасный,
К пристани он не подчалил вновь.
Затонул он там, где бакен красный
В воду льет свою густую кровь...¹*

¹ Благов Н. Волга. Ульяновск, 1957, с. 26.

После напряженной учебной страды Николай вправе был позволить себе отдых дома: отоспаться всласть на сеновале, покупаться, порыбачить, побродить по окрестностям, почитать, как говорится, от души и, конечно же, пополнить стихами заветную тетрадь в коленкоровой обложке. Но не прошло и пары дней радостного общения с матерью и отчимом, как те вынуждены были полностью погрузиться в неотложные будничные дела и хлопоты. У Евдокии Ивановны они были связаны с возвращением на работу. А Николай Афанасьевич, теперь, по должности председателя сельского Совета депутатов трудящихся, отвечал за жизнь всей Андреевки и по-прежнему переживал, как за кровное, за дело сельхозартели, где трудились его лучшие друзья.

Между тем хозяйство, возглавляемое депутатом Верховного Совета СССР Терентием Чагровым, неуклонно шло в гору. В 1948 году на андреевских полях созрел стопудовый урожай (с 60 га сняли аж по 32 центнера зерна), за что председатель и бригадиры М. Л. Старостин и А. С. Грачев были удостоены звания Героя Социалистического Труда, а лучшие рядовые труженики — орденов и медалей. Понятно, что спецкоры чуть ли не каждый месяц наведывались в Андреевку и рассказывали в печати о жизни и успехах передового хозяйства.

И в самом деле, в колхозной Андреевке происходили такие преобразования, что жизнь, описанная С. Бабаевским в романе "Кавалер Золотой Звезды", воспринималась местными читателями, да и Николаем Благовым, не такой уж фантастичной. Под руководством Т. Чагрова неуклонно росла уро-

жайность зерновых, бобовых, картофеля, подсолнечника. Весной 1949 года колхоз к созданным двум гектарам полезащитных лесополос заложил еще четыре. На машинном дворе имелись и автомашины, и вся необходимая посевная и уборочная техника. Животноводство превратилось в самую доходную отрасль, ибо держали коров бестужевской породы, отара состояла из тонкорунных овец, а на конеферме выращивали и породистых рысаков, на птичнике насчитывалось до 500 голов кур, на омшанике — до сотни пчелосемей.

Радовало, что в новом здании правления колхоза работали своя библиотека и радиоузел, в клубе регулярно демонстрировались новые художественные кинофильмы, приезжих принимали в колхозной гостинице. Начиная с 1948 года сельчане высаживали по 100 гектаров садов и ягодников в год, в пруду всегда нагуливала вес рыба. В Андреевку начали перевозить из Майнского района сруб нового двухэтажного дома, приобретенного колхозом по сходной цене для открывающейся семилетней школы. Наконец, в правлении появился телефонный коммутатор, позволявший Чагрову вести переговоры с бригадами, отдаленными друг от друга.

Впрочем, в страду оба председателя — колхозный и сельсовета — от зари до зари бывали там, где решалась судьба урожая и заготовки кормов. Вносил свою лепту на сенокосе и уборке и поэт-студент. И не столько по обязанности представить в деканат справку о прохождении "трудового семестра", сколько и по привычке, и из потребности участвовать с односельчанами в артельном деле.

Плоть от плоти своей земли, Николай Благов ощущал не только пользу крестьянской работы, но и ее поэзию, выражая в стихах блаженное чувство усталости после напряженного трудового дня:

*Ужина тихое время,
Росной прохлады пора!
Бросив соломы беремя,
Сладко прилечь у костра.
Тычется рыжее пламя
В черное днище котла.
Валит усталость, как камень,
Дрема на веки легла.*

Вскоре после начала занятий Николая Благова на 2-м курсе в "Ульяновской правде" появилась статья заведующего облоно, которая не могла не тронуть нашего студента такими строками: "В совершенстве владеет предметом тов. Корелина, учительница русского языка и литературы Крестовогородищенской средней школы Чердаклинского района. Она проводит большую работу по повышению культуры письменной и устной речи учащихся".

Схожей задаче, но на более высоком уровне были подчинены занятия для студентов-филологов. Уже знакомый Николаю доцент А. Н. Горецкий, читавший в прошлом году лекции по античной литературе, теперь знакомил своих слушателей с новой западной литературой. И этот курс он вел со знанием дела и увлекательно. Не всем второкурсникам нравилась неброская, неэффективная манера чтения Ильей Семеновичем Кобером лекций по русской литературе XVIII века, но своими глубокими познаниями и точностью анализа твор-

чества Ломоносова, Хераскова, Кантемира, Державина, а также вклада в русскую литературу издателя и просветителя И. Н. Новикова этот пожилой преподаватель заслуживал должного внимания и уважения такого взыскательного слушателя, как Благов. Неудивительно, что экзамены по обоим этим предметам (а только они и выносились на зимнюю сессию) Николай сдал на "отлично".

Из шести предметов, по которым в конце третьего семестра проходили зачеты, четыре являлись продолжением программы первого курса (английский язык, основы марксизма-ленинизма, физическое воспитание и диалектология). А вот остальные — современный русский язык и славянская литература — были новыми дисциплинами, с не знакомыми ранее преподавателями.

Первый из них вела Анна Семеновна Демокридова, которая, по словам ее выпускницы О. Солнцевой, учила "не только практической грамматике, она воспитывала подлинной интеллигентностью".¹ А славянскую литературу читал 29-летний питомец Академии педагогических наук РСФСР доцент Николай Борисович Подвицкий.² Судя по кандидатской диссертации ("Изучение биографии и творчества М. Ю. Лермонтова в средней школе"), а также статьям в "Ульяновской правде" 1948—1949 годов (о В. Г. Белинском, А. С. Грибоедове, А. С. Пушкине и Н. А. Некрасове), курс славянской литературы он и сам только осваивал.

¹ Ульяновская правда, 1990.

² Архив педуниверситета. Личное дело Подвицкого Н. Б.

Вполне добросовестно относясь к учебным занятиям, Николай Благов уже не мог прожить и дня, чтобы в часы досуга не заняться собственным стихотворчеством и овладением тайнами поэтического мастерства.

Трудно сказать, какое свое стихотворение поэт предназначил первым для обнародования в печати, ибо, как говорят, подписывал их псевдонимами. Пока же можно точно утверждать, что два стихотворения Николая появились в новогоднем номере "Ульяновской правды" от 1 января 1950 года, в самый канун собственного 19-летия. Первое из них, названное "Год за годом", подписано: "Б. Николаев", но со слов Ляли Ибрагимовны известно, что ее муж пользовался этим псевдонимом.

То время — это апогей культа личности Сталина, только что отметившего свое семидесятилетие, и молодой поэт в своем стихотворении отдает дань уважения руководителю страны. Но подлинной глубиной чувств признательности и восхищения отличаются строки, посвященные миллионам строителей нового мира:

*Все вынес на плечах своих народ.
И мы теперь дивиться перестали
Кудрявой стружке,
Обогнавшей год,
Рожденной прежде времени детали.*

*Встречаем снова новогодний час:
В станových,
Городах,
Во всех концах Отчизны —
И тост заздравный вдохновляет нас
Отдать все силы делу коммунизма.*

Второе стихотворение — "Выше бокалы!" — подписано двумя авторами: "Р. Герасимов, Н. Благов", но оно не случайно помещено в газете на менее почетном месте — на следующей странице, ибо более риторично и новогодний бокал с вином читателей призывают поднять персонально "за вождя".

Дебют Николая Благова в праздничном номере областной партийной газеты — это публичное признание его поэтического дарования, и одними из первых поздравили своего ученика его преподаватели — Григорий Коновалов, который внес его в официальный список областного литературного актива, и Петр Бейсов, подаривший 16 января институтский "Пушкинский юбилейный сборник" с лаконичной надписью: "Студенту Благову Н."

Одушевленный успехом, Николай в преддверии 80-летия со дня рождения Ленина принимает участие в поэтическом турнире, посвященном этому юбилею, и, можно сказать, блестяще. Его стихотворение "Улица Ленина", в котором выражалось глубочайшее уважение к великому замляку и его родному городу, 20 апреля было напечатано в "Ульяновском комсомольце". Говоря о памятнике Владимиру Ильичу, стоящему на Новом Венце, он пишет:

*Пусть металл не может разогреться —
Жизни жар не полыхает в нем,
Но клокочет миллионов сердце
Неуемным ленинским огнем.*

И какими волнующими строками завершается это стихотворение:

*Тополя в почетном карауле
За полетом времени следят.
Мне дорожке всех на свете улиц —
Эта, на которой промелькнула
Юность незабвенного вождя.*

В том же памятном апреле издательство "Ульяновская правда" выпустило 10-тысячным тиражом сборник "Ульяновск — мой город родной", составленный П. С. Бейсовым. Подавляющую его часть заняли творения всесоюзных знаменитостей — С. Щипачева, П. Панченко, А. Караваевой, Л. Ошанина, А. Яшина, Л. Кассиля и И. Попова. Из местных же поэтов в сборнике представлены лишь двое: Н. Благов — стихотворением "Улица Ленина" и Н. Краснов — "Песней об Ульяновске".

Конечно, первые стихотворения нашего поэта, если смотреть на них с позиций 2002 года, ныне не украсили бы полное собрание его произведений, но в 1950-м они творились Николаем Николаевичем от души и тепло воспринимались советскими читателями, ибо выражали общенародные взгляды и чаяния. И честный биограф Благова не вправе в угоду литературоведам-"демократам" идеологически "подчищать" начало творческого пути поэта, чьи мать и отчим были коммунистами, а сам он прошел и пионерскую, и комсомольскую школу и был настоящим патриотом великой советской державы.

В памятном апреле 1950-го Николай Николаевич сдавал первый экзамен за четвертый семестр — по логике. Предмет этот никогда и ни для кого не был легким, а учащаяся молодежь Ульяновска к тому же знала, что в аттестате зрелости Владимира Улья-

янова имеется лишь одна четверка, и та по логике, и, как говорили экскурсоводы, потому, что директор гимназии Ф. М. Керенский полагал, что логику на пять знает только он сам...

Что-то похожее происходило на сей раз в институте, где лекционный курс по этому предмету (впервые в своей жизни) вела 30-летняя ассистентка Берта Ефремовна Лобанова, жена Г. И. Конова-лова и мать его девятилетней дочери Татьяны и двухлетнего сына Андрея.¹ Так вот, в этом году на экзамене по логике ни один студент курса не получил отличной оценки. Так, в матрикуле Н. Благова, где имелось девять пятерок и одна четверка — по психологии, добавилась еще одна — по логике.²

Но не зря говорят, что лиха беда — начало: на этой сессии Николай получит еще три четверки (по педагогике, английскому языку и современной русской литературе). Три экзамена он сдаст на "отлично" (по основам марксизма-ленинизма, новейшей зарубежной литературе и русской литературе XIX века). Четверка по английскому (который продолжала вести Е. А. Косенко) вполне закономерна и понятна. Появление четверки по педагогике в какой-то мере можно объяснить и тем, что курс читали одни, а экзаменовали другие преподаватели. А вот то, что по современной русской литературе, которой поэт постоянно интересовался со школьной скамьи, доцент Никольский выс-

¹ Архив педуниверситета. Личное дело Б. Е. Лобановой, л. 4.

² Архив Ульяновского педуниверситета. Личное дело Н. Благова.

тавил четверку, думается, все-таки — недоразумение.

Жаль, что по такому оригинальному и объемистому курсу (70 часов), как "Выразительное чтение", который вел заслуженный артист Удмуртской АССР В. А. Герке (исполнитель роли Сталина в спектакле Ульяновского драмтеатра "Счастье" по роману П. Павленко), зачет проводился без оценки. Если бы она была, то это помогло бы рассеять миф о том, что Благов не любил декламировать стихи, в том числе и свои.¹ А вот Николай Афанасьевич Малинин — ветеран журналистики — и спустя почти полвека помнит, с каким подъемом Николай Николаевич читал свои стихи во Дворце книги, и как тепло реагировали на них любители поэзии.

Особенно эмоционально проходили выступления Благова, когда в тот же вечер выступал и его старший товарищ, бывалый фронтовик Николай Краснов, который тогда слыл первым поэтом Ульяновска. Между ними разгорелось настоящее творческое соревнование. Каждый старался стихотворную новинку приберечь к очному состязанию. Вот как об этом вспоминал четверть века спустя Николай Степанович, будучи уже одним из ведущих писателей Краснодарского края: "Это уже вошло в норму — каприз нашей тайной конкуренции — читать свежие стихи на публике. Коля Большой (Благов. — Ж.Т.) наверняка догадывается, только вида не подает, что всякий раз, выходя на сцену, я предназначаю свои новые стихи, в первую оче-

¹ Благов Н. Жар-слово. Саратов, 1991, с. 5.

редь, ему. Я же знаю точно, что сам-то он читает свои свежие стихи на вечерах не столько для аудитории, сколько для меня".¹

В этих состязаниях иногда участвовал и Рэм Герасимов, который тоже много занимался стихотворчеством, но не столь продуктивно, как два друга — Николаи. Сказывались, конечно, житейские заботы и неурядицы: он ведь уже стал отцом, а недостаток средств не позволял держать семью в Ульяновске, и она находилась на общей с женой родине — в Репьевке. Гонорары, которые Рэм изредка получал за стихи, публиковавшиеся в печати, были мизерными. Бывали дни, когда он брал в студенческой столовой стакана три сладкого чая и закусывал ломтями хлеба, которые лежали на столе как составная часть комплексных обедов. Но случалось и такое, когда Рэм, взявши полный обед, делился котлетой с льнувшим к нему столовским котом...

Когда же Николаю родные из Андреевки присылали передачу, он приглашал к себе бесшабашного приятеля и по-братски делился с ним трапезой и гостинцами. Время от времени они вместе занимались в читальном зале Дворца книги, гуляли по Венцу или участвовали в культпоходе на премьеру кинофильма. Однажды в начале мая 1950 года во время прогулки втроем Рэм сагитировал обоих друзей зайти в фотоателье и сфотографироваться на память.

На летние каникулы в Андреевку Николай ехал в приподнятом настроении: он теперь — третье-

¹ Краснов Н. Дом у цветущего луга. Краснодар, 1986, с. 227.

курсник, товарищи и даже некоторые преподаватели с уважением относятся к его поэтической деятельности, а сам он, вкусив прелесть постижения тайны творчества, имел все основания смотреть с надеждой в будущее. Радовалась душа и родным полям — весна в этом году выдалась благодатная, и виды на урожай были хорошие. Николай встает до рассвета, любуется красотой необозримой хлебной нивы — крепкого сплава упорного крестьянского труда и щедрого дара природы, и сами собой рождаются строфы нового стихотворения, которое он немедленно посылает в "Ульяновскую правду". А 11 июня оно уже появляется в газете.

ЗРЕЕТ УРОЖАЙ

*Встает рассвет,
Я выхожу в поля.
Такой простор, что не окинешь глазом!
К дыханью трав прислушалась земля,
Пропитанная влагой до отказа.*

*Лежит земля,
Облитая зарей.
Отрадно тянет ветерок медовый,
И нет конца пшенице озимой,
И колоситься, и зацвести готовой.*

*Лишь прикоснешься к зеленым рукой,
Почуешь жизни радостной биенье...
Быть урожаю!
По степи родной
Шагают хлеборобы в нетерпенье.*

А в конце августа, возвращаясь на учебу в Ульяновск, поэт с глубоким удовлетворением отмечает, как осень "обозы подгоняет, сусеки засыпает

богатством золотым". А в полях буйно вновь зазеленели клины озимых. Для тех же людей, которые могут проехать мимо, не полюбовавшись такой красотой, Николай Николаевич скажет, что самые дерзновенные мечты человечества своими корнями держатся за зеленый хлебный росток. И подкрепит это суждение словами из "Толкового словаря" В. Даля: "рыба — вода, ягода — трава, а хлеб — всему голова".

3

Девчата-однокурсницы уважали Николая Благова и за ум, и за порядочность, и за начитанность, и гордились тем, что именно в их группе занимается известный в институте, да и в городе, поэт. Все они были старше его и вольно или невольно опекали своего единственного парня; снисходительно относились к тому, что он иногда пропускал занятия и обычно не записывал лекции — снабжали его конспектами перед экзаменами и зачетами; не загружали комсомольскими и общественными поручениями, учитывая, что Николай активно участвует в редколлегии факультетской стенгазеты. Зато от него всегда исходило что-то интересное: то новыми стихами удивит, то интересную журнальную новинку принесет или, скажем, томик Есенина.

Зримым свидетельством добрых отношений поэта с однокурсницами является снимок, где запечатлена большая часть их группы (18 человек) в парке культуры и отдыха им. Свердлова. Нетрудно

заметить, как Николай задорно улыбается, чувствуя себя в своей группе, как рыба в воде. Старшие по возрасту, они одна за другой выходили замуж — нередко за воспитанников военных училищ Ульяновска, а затем разъезжались по огромным просторам СССР, а то и в страны народной демократии. Эти страны были участницами Варшавского Договора, созданного в противовес агрессивному империалистическому блоку НАТО. Об остроте "холодной войны" в 1950 году как раз и напоминает лозунг, вывешенный на главной аллее парка, который виден в верхней части фотографии: "Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца. И. В. Сталин".

Вместе с тем Сталин не поощрял разжигание военного психоза, нацеливал основные усилия народа на интенсивную реконструкцию экономики, а в области идеологии начал дискуссию по сугубо гуманитарной проблеме — такой, как "Марксизм и языкознание".

Николай еще летом в Андреевке проштудировал по газетам сталинские статьи на эту тему и был готов к тому, что в институте придется принимать участие в их обсуждении. И действительно, в расписании появился курс "Основы сталинского учения о языке", который филологам читал пожилой доцент Тимофей Матвеевич Туров (на 3-м курсе он вел и историческую грамматику). Как это ни парадоксально, но в пединституте сравнительно свободно излагались мнения как ортодоксальных марксистов, критиковавших взгляды академика Н. Я. Марра, так и тех, кто их разделяет.

Эта полемика находила отражение и в стенгазете филфака, которая, как это и полагалось, была самой интересной в институте. Особенной популярностью среди студентов пользовалось сатирическое приложение к ней, создававшееся Константином Воронцовым в содружестве с Николаем Благовым. Первый из этого дуэта был по возрасту старше на четыре года. Константину уже довелось пару лет жить вместе с братом-моряком в Калининграде (бывшем Кенигсберге), работать там в кукольном театре и овладевать курсом 10 класса в вечерней школе рабочей молодежи Ульяновска. Сын партизана Великой Отечественной войны, Константин унаследовал его бойцовские качества, общительность, жизнерадостность и природное чувство юмора, который в сочетании с эрудицией помогал вести остроумную полемику.

Римме Ивановне, будущей жене Воронцова, запомнилось, как однажды она со своими однокурсниками была свидетельницей того, как Константин и Николай Благов чуть ли не целый час яростно спорили о поэзии Маяковского, подкрепляя собственные точки зрения чтением по памяти стихотворных отрывков из произведений знаменитого поэта. Свидетелям этого спора казалось, что Воронцов являлся безусловным поклонником творчества Маяковского, а Благов находил в нем какие-то слабые места. Думается, что студенты-спорщики провоцировали друг друга, как бы испытывая поэтический багаж соперника и его умение парировать наносимые "уколы", ибо из высказываний самого Николая Николаевича доподлинно видно, что без проникновения "в тайники поэти-

ческого мастерства Пушкина, Лермонтова, Блока, Некрасова, Маяковского и Твардовского" нельзя стать настоящим поэтом.¹

Более того, можно сказать, что Благов заимствовал у Маяковского его страстный пафос воспевания социалистического Отечества, "которое есть, и трижды — которое будет". Именно осенью 1950 года Николай напишет стихотворение "Большой день", которым, по настоянию Григория Коновалова, открывается четвертый выпуск литературно-художественного и общественно-политического журнала Ульяновского отделения Союза советских писателей "Литературный Ульяновск". Как страстный патриот, Николай радуется мощному послевоенному подъему экономики нашей страны и воспекает строительство каналов в пустынных и засушливых землях, каскада ГЭС на Волге, посадку лесных полезащитных полос. Какой же гордостью за свою Родину проникнуты строки этого стихотворения:

*Свет разливается вокруг.
Он стал прирученным, домашним.
Уходит в даль электролуг
По черному раздолью пашни.
Как будто не было песков.
Орел парит неслышно, робко.
Встань!*

Подыми туман очков!

Гляди,

дивись,

учись,

Европа!

¹ Центр документации новейшей истории (ЦДНИ), ф. 600, оп. 1, д. 11, л. 92.

В этом же номере "Литературного Ульяновска" за 1950 год помещено благовское стихотворение "Волга". Выражая свою любовь к могучей красавице реке, он, стоя у кручи, сравнивает ее учащенное дыхание с "дыханием милой на губах", слушает "уклюжин ровный клекот" и "бойкое приветствие гудков", любит ликованием чаек, наслаждается раздольной песней, и ему кажется, что вот-вот "из-за острова на стрежень расписные выплывут челны". Поэт убежден, что зажигаемый на Волге большой Маяк не только пароходам — миру будет освещать пути. Широкая, емкая благовская натура ощущается в любой строфе этого стихотворения:

В белый цвет закуталась калина.

Погоди — пустыня зацветет!

Слышишь грохот —

Строится плотина...

Светлый день над Волгою идет!

Вот в таком, оптимистическом настрое Николай по-студенчески скромно отметил 2 января 1951 года свой 20-й день рождения.

Надо сказать, что благодаря новому директору пединститута, 54-летнему профессору Алексею Васильевичу Козыреву (до этого он в Ставрополе тоже возглавлял пединститут и кафедру педагогики), заметно повысился уровень культурно-просветительной и научной работы среди студентов.¹ Из заметки, появившейся в "Ульяновском комсомольце" 7 января, видно, что члены литературного

¹ Центр документации новейшей истории (ЦДНИ) Ульяновской области. Справка № 2 от 12.01.99.

кружка, руководимого доцентом Р. Я. Домбровским, обсудили роман "Счастье" П. Павленко, а затем совершили культпоход на одноименный спектакль в драмтеатр и встретились с исполнителями главных ролей. Студенческий кружок русского языка занимался изучением старинных фолиантов в отделе редких книг областной библиотеки. А "творческая группа" (была и такая в институте), возглавлявшаяся П. С. Бейсовым, готовила литературный машинописный сборник, в который должны были войти "критические статьи студентов К. Воронцова и С. Кончева, стихи Н. Благова и Р. Герасимова, материалы собирателей устного народного творчества".

Никому не возбранялось посещать занятия нескольких кружков, и наш поэт иногда пользовался этой возможностью. Но, когда он был третьекурсником, главной формой его творческой учебы были заседания писательской организации, проводившиеся Г. И. Коноваловым во Дворце книги или при редакциях "Ульяновской правды" и "Ульяновского комсомольца", на которые он приглашался уже в качестве официального члена литературного актива. И, наконец, чуть ли не ежедневно Благов с Воронцовым, Герасимовым или Красновым обсуждали литературные новинки, особенно поэтические, публиковавшиеся в местной и центральной печати.

Зимняя сессия 1951 года прошла для Благова сравнительно спокойно. Все зачеты и экзамены (по основам сталинского учения о языке, русской литературе XIX века, исторической грамматике, школьной гигиене, политэкономии и методике

преподавания литературы) были сданы вовремя и с хорошими оценками. Из новых преподавателей в 5-м семестре заметный след оставил опытейший доцент Рафаил Абрамович Домбровский, который прекрасно анализировал творчество Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Выступал он и в печати, и не только о корифеях XIX века (М. Ю. Лермонтове, И. А. Гончарове), но и со статьями о произведениях, удостоенных Сталинской премии. Доцент Н. Б. Подвицкий в этом семестре выступал в роли ведущего методиста по преподаванию литературы, и небезуспешно.

После традиционной поездки домой к родным поэту пришлось приложить немало сил, чтобы осилить весьма напряженную учебную программу 6-го семестра, в которой наряду с лекциями и семинарами по политэкономии, диалектическому материализму, русской литературе XIX века, методике преподавания литературы, истории педагогики появились серия спецсеминаров, спецкурсов (по исторической грамматике, русскому языку и зарубежной литературе) и педагогическая практика в школах Ульяновска.

И свою программу-минимум по сдаче летней сессии Николай выполнил вполне: четыре предмета сдал на четверки, а по диамату и русской литературе XIX века удостоился пятерок.¹

Летние же каникулы прошли не совсем обычно. Во-первых, пришлось задержаться в Ульяновске в связи с завершением учебы Рэма Герасимова в ин-

¹ Архив Ульяновского педуниверситета. Личное дело Н. Н. Благова.

ституте и проводами его на работу учителем в Радищеве. Несколько недель Николай провел в Андреевке, где начал работу над поэмой "Александр Матросов" — темой, которая его давно волновала. А уже в конце июля Григорий Иванович Коновалов вызвал его в город для обсуждения 8 августа на собрании областной писательской организации произведений, включенных в 5-й номер альманаха "Литературный Ульяновск". Не прошло и двух недель, как наш поэт принял участие в собрании литературного актива города.

Очевидно, не без влияния Коновалова, Николай Благов вместе с ним и директором пединститута Козыревым, который возглавлял инициативный комитет сторонников мира, 10 и 11 сентября присутствовал в драмтеатре на первой областной конференции в качестве делегата. В числе заслуженных деятелей народного хозяйства, образования, культуры (Героя Социалистического Труда Т. А. Чагрова, лауреата Сталинской премии И. Т. Мельникова, заслуженного учителя РСФСР К. А. Селиванова и других) студент-поэт был избран членом областного комитета сторонников мира. Через два дня в "Ульяновском комсомольце" был опубликован снимок молодежных делегатов конференции, и среди них — высокий, стройный, с аккуратной прической, в темном костюме и белой рубашке с галстуком улыбающийся Н. Н. Благов. Замечу, что поэт еще не раз будет избираться в областной комитет сторонников мира и в своих стихах бичевать человеконенавистническую политику заправил с Уолл-стрита, размахивающих ядерной дубинкой, которые в

погоне за сверхприбылями навязывают народам мира губительную гонку вооружений.

В этом же 1951 году Николай публикует в "Ульяновском комсомольце" высокогражданственное и вместе с тем трогательное стихотворение "Сын", в котором рассказывает, как мать, успокаивая малыша, отец которого потерял в боях за Родину руку, заявляет:

*"Войну не подпустит к твоей колыбели
Рук побратавшихся крепкий замок!"*

Осенью этого года Г. И. Коновалов сдает в издательство "Ульяновская правда" сборник стихотворений под названием "О самом дорогом". При беглом взгляде на оглавление книги видно, что лидером среди представленных поэтов по-прежнему является литературный "крестник" автора "Василия Теркина" Николай Краснов. А вот на второе место, опередив не только Рэма Герасимова, но и одаренного поэта-фронтовика Николая Рябинина, вышел Николай Благов. Вдвоем с Красновым они получили в сборнике ровно столько же места, сколько остальные восемь авторов.

В числе одиннадцати благовских стихотворений, вошедших в книгу "О самом дорогом", первые три — антимилитаристские, в защиту мира. Первым идет "Сын", за ним — "У приемника". В этом стихотворении поэт, словно солдат, заявляет о готовности немедленно прийти на помощь патриотам Кореи, сражающимся против американских агрессоров. Вот как он клеймит президента США, готового развязать третью мировую войну:

*Улыбается Трумэн.
Знать, снится ему,
Что война подняла боевые знамена.*

*И рыдает земля,
Задыхаясь в дыму,
И чеканится в золото
Кровь миллионов.*

И поэт заявляет, что:

*Против войн
Поднимаются люди на бой,
Знамя мира целуют
Все честные люди.*

Эпиграфом следующего стихотворения — "Балканы" — Николай Благов поставил газетное сообщение о готовящемся расстреле в Греции трех тысяч молодых антифашистов. Выражая протест против массового террора, развязанного на земле Древней Эллады при поддержке лютого зверя "со жвачкой в зубах" (янки), поэт, обращаясь к "седым Балканам", вопрошает:

*Скоро ль вы
Замахнетесь на зверя арканом?..
Слышу,
Слышу—
Над темным ущельем повис
Партизанский приглушенный свист.*

После цикла стихов в защиту мира и демократии идут "Новый день" (о великих всесоюзных стройках) и "Строители" (о восстановлении Сталинграда). В последнем он рисует яркую картину результатов труда созидателей:

*Молодые дома.
Не по дням высоки,
Смотрят ласково,
Облокаются на леса.*

И с гордостью за тружеников-соотечественников заявляет:

*Наши ловкие руки
В труде горячи.
Ты стоишь часовым,
И стучит на весь мир,
Сталинград,
Твое русское сердце стучит.*

В стихотворении "Выпускники" поэт, любуясь стайкой вчерашних школьников, пришедших на Венец "погулять или с Волгой проститься", с признательностью вспоминает Зою Космодемьянскую, братьев Смирновых и других молодых героев Отечества, благодаря которым перед молодежью Страны Советов открыты все дороги к претворению "всех заветных дум, желаний и мечты".

*Этот неугомонный,
Вникающий в музыку ветра,
От улыбки которого
Утренний веет свет —
Он орла различает
За многие километры,
Слышит голос травинки —
Он будет поэт.*

Под заголовком "В родных краях" Николай объединил четыре стихотворения ("Тракторист", "Садовник", "Полдень" и "В деревне"), в которых тепло рассказывает о смышленном фронтовике-танкисте, теперь ведущем вперед трактор — "запевалу работ" на колхозном поле, о бывшем воине, отличавшемся в боях, а ныне умело выращивающем в колхозном саду "яблоки, солнцем налитые", о красоте труда заботливого хлебороба, о родной и любимой деревне, которой электрификация облег-

чит труд. Все эти полные художественных образов стихи представляют собой гимн человеку труда, гимн самой жизни:

*И ты,
Глаза горячие смежив,
Вдыхая жадно
Знойный запах хлеба,
Поймешь,
Как много стоит эта жизнь
Под необъятным,
Безгрозовым небом.*

Но одно стихотворение из этого сборника следует выделить особо, ибо в нем Благов неожиданно и мощно выступает как эмоциональный и трепетный лирик. Стихотворение так и называется — "Лирическое". Трудно выбрать лучшую из его строф.

*... Лаской девичьей
Вдоволь меня напои,
Ливнем кос
Мои жаркие щеки залей.
Буря — сердце мое.
Мне покой не с родни.
Не устану гореть я
В работе любой,
Только ты подойди,
Только рядом дохни —
Всю усталость и немочь
Страхнешь, как рукой.*

Выход в свет сборника "О самом дорогом" совпал по времени с зимней сессией 1952-го, во время которой студент Благов сдал 3 января (на следующий день после своего дня рождения) зачет по историческому материализму доценту Василию Григорьевичу Сафрошкину (специалисту по творчеству А. И. Герцена). А оба экзамена — по русской

литературе XX века Г.И. Коновалову и политэкономии весьма знающему и требовательному доценту Ивану Николаевичу Трегубову — на "отлично". Так что можно сказать, что к началу последнего семестра Николай вышел, как говорится, на финишную прямую с прекрасными показателями как в учебе, так и в самом заветном — поэтическом творчестве.

Более того, из протоколов писательской организации видно, что четверокурсник Благов при обсуждении поэтических произведений выступал уже и в роли ведущего критика. Анализируя одну из поэм товарища, Николай указывал, что не может быть бесконфликтной поэмы. Негоже, что героя "все учат, читают ему нравоучения... Много риторики. Герой говорит своим языком, но мысли чужие". В другом случае он замечает, что в стихах товарища нет чувства, зато "много чувственности, умиленности... Много архаизма. Ритм несовременный". А третьему указывает, что в некоторых его стихах "нет напряжения", "отсутствует целеустремленность". Не взирая на лица, Николай критиковал авторов за небрежную отделку стиха, за вычурность или нарушение правил стихосложения.¹

Сам Николай уже основательно овладел теорией литературы, что подтверждается и пятеркой по этому предмету, которую выставил ему на последней сессии доцент П. А. Тюфяков. Об этом же свидетельствуют отличные оценки на экзаменах по советской литературе и истории русской критики, которые принимали в конце 8-го семестра лю-

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 2, л. 22.

бимые еще с 1-го курса наставники Г. И. Коновалов и П. С. Бейсов.

Эти писатели без колебаний выставили Благову отличную оценку по русской литературе и на госэкзамене, проходившем 18 июня. Однако по основам марксизма-ленинизма и русскому языку поэт получил оценки "посредственно", впервые за четыре года обучения в институте. Несколько сгладила картину госэкзаменов четверка по педагогике. Досадный срыв трудно объясним, ибо выписка из зачетной ведомости Николая Благова, приложенная к его диплому, показывает, что из 25 сданных за четыре года экзаменов он по тринадцати получил "отлично" и по двенадцати — "хорошо". С таким же успехом он прошел (на 3-м и 4-м курсах) педагогическую практику в 6-й мужской средней школе города и, следовательно, был вполне подготовлен к учительской деятельности.

Итак, учеба закончена. Расставаясь с институтом, поэт испытывал добрые чувства к своим наставникам, однокурсникам, товарищам по редколлегии факультетской стенгазеты, научному и творческому кружкам. И вот Николай держит в руках диплом, в котором записано, что ему присвоены квалификация и звание учителя русского языка и русской литературы средней школы. Однако, несмотря на глубокое уважение к педагогическому труду, он в силу своего характера, способностей и склонностей мечтает посвятить себя служению родной литературе в качестве профессионального журналиста и писателя.

ЛИТСОТРУДНИК "УЛЬЯНОВСКОГО КОМСОМОЛЬЦА"

Не прошло и двух недель отдыха с родными в Андреевке, как Николай Благова пригласили в обком комсомола и после короткого собеседования предложили должность литературного сотрудника газеты "Ульяновский комсомолец". Поэт был готов к этому. Получение штатной должности в областном молодежном печатном органе для 21-летнего выпускника пединститута было подходящим началом трудовой деятельности. Но происходило это назначение в весьма неблагоприятной для Благова обстановке.

Дело в том, что 21 августа на III конференции областной писательской организации Г. И. Коновалов в своем докладе "О состоянии и мерах улучшения творческой работы писателей области" с подъемом прочел новое большое стихотворение Н. Благова "22 июня" — вступление к поэме "Александр Матросов". Присутствовавшим, в частности, Н. А. Малинину, оно понравилось глубиной чувств и необыкновенной образностью. Но, находившийся в зале, прибывший из Москвы представитель правления писателей РСФСР поэт Константин Мурзиди, по существу, обвинил автора в искажении исторической правды и аполитичности. Это суждение критик относил к той части стихотворения, где автор сосредотачивает основное внимание на картинах тихой, мирной жизни родной земли, ее природы на заре 22 июня 1941 года и уж затем

показывает коварство подкравшихся ночью к нашим границам "крестатых врагов":

*И тут, слепящим разливаясь светом,
В бездонье неба вспыхнула ракета.
И раскатило над долиной гром.
Свинцовым градом все с земли срезая,
Полями,
Как раскиданным костром,
Ходила танков туча грозовая.
И мушкой чью-то жизнь подкараулив,
Солдаты на завянувшей траве,
Здесь обменявшись пулями, уснули
К Берлину головой
И головой к Москве.*

Выступая в прениях, К. Мурзиди констатировал, что о Благове "много говорят", и затем с лукавством заметил: "Докладчик восторгается, может быть и не без причины, отдельными удачными строчками стихотворения, которое рассказывает об утре 22 июня, за минуту до начала войны. Вы помните, — продолжал гость-москвич, — как автор говорит о жаворонке, жеребенке, об утенке, но автор не нашел случая сказать о человеке... Слова "пропахший хлебом" наводят на мысль, что это происходит в нашей стране, аграрной стране. Но ведь наша страна — теперь страна индустриальная".

Самым же "нехорошим местом" благовского стихотворения Мурзиди назвал строки о солдатах, которые после обмена пулями уснули "к Берлину головой и головой к Москве". Нагнетая обстановку, московский гость по-прокурорски продолжал об-

личать ульяновского поэта: "Это говорится, с одной стороны, о фашисте, а с другой — о советском бойце. И если мы теперь еще раз прочитаем, то увидим, что автор отождествляет фашистского солдата и нашего советского солдата, чего не имел права делать. Нельзя этого делать в искусстве. И особенно это усугубляется глаголом "обменялись", т.е. два равных солдата, оба мужественные, оба благородные, и они обменялись пулями, лежат: один головой к Берлину, другой головой к Москве. Меня удивляет, как работники редакции могли пропустить эти строки на газетный лист?"¹

Эти грозные обвинения прозвучали с трибуны в зрительном зале областного драмтеатра 26 августа, в последний день работы писательской конференции, когда почти у каждого делегата и гостя в руках был свежий номер "Ульяновской правды" со стихами "22 июня", имевшими подзаголовок "Из поэмы "Александр Матросов". Уже одно это пояснение четко говорило каждому непредубежденному человеку, что Николай Благов, слагая поэму о всемирно известном Герое Советского Союза-земляке, стремился на примере Александра Матросова воспеть и беспримерный массовый героизм советского народа в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за свободу своего социалистического Отечества. И остается только изумляться, как мог Мурзиди так уничижительно говорить о молодом поэте, который к тому же завершал свое стихотворение патриотической сценой реакции Сталина на поступившую к нему телеграмму-мол-

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 16, л. 129.

нию о вероломном нападении гитлеровских войск на СССР:

*— Встань кровь — на кровь!
Иди на пламя пламя!
Схватись гроза с грозой!
Гром с громом говори.
Пусть осенит вас ленинское знамя,
Сыны мои,
Богатыри мои!*

*Враг грозен.
Мы грозней!
Силен.
Мы пересилим!
Хоть будет трудно, будет нелегко...*

Невозможно вообразить, в каких выражениях и на каких тонах разговаривали в кулуарах между собой писатели-фронтовики Коновалов и Мурзиди. Но результат этого скандального эпизода известен: никто из участников конференции не поддержал обвинений москвича в адрес Благова. А через день, после утверждения поэта обкомом комсомола в должности литсотрудника "Ульяновского комсомольца", он явился на работу в редакцию газеты, располагавшуюся тогда в Комсомольском переулке, в доме № 16 (там, где ныне размещается аптека № 2).

Здесь он бывал и раньше — при первом редакторе Викторе Андреевиче Князеве (который в конце того же года перешел преподавателем истории в областную партшколу), и при втором — Алексее Григорьевиче Иващенко, проработавшем в "Ульяновском комсомольце" 1951-й год (потом он трудился в радиокомитете, а затем многие годы в "Ульяновской правде"). Немного, но знал Николай Николаевич и нынешнего ответственного редакто-

ра — 28-летнего Михаила Ивановича Никитина, участника Великой Отечественной войны.

Несмотря на свою молодость, Никитин внешне выглядел степенным человеком, чуждым суеты и спешки, старающимся все делать аккуратно и в срок и поддерживать бесконфликтные отношения как с начальством, так и с подчиненными. Кстати, штат газеты, выходившей два раза в неделю, был не таким уж и маленьким. Ближайшими помощниками были его заместитель Г. И. Морозов и ответственный секретарь В. И. Жарков. Основные направления в газете вели заведующие отделами: сельской молодежи — Е. П. Купреянов, комсомольских организаций — В. Н. Ключков, писем и информации — Б. В. Коновалов. Замыкал семерку руководящего состава редакции литературный сотрудник Алексей Михайлович Гречушников. В штате редакции имелись фотокорреспондент, художник-ретушер, выпускающий, корректор, бухгалтер, счетовод-кассир, машинистка, шофер, курьер и уборщица.

С приходом Николая Благова в редакции стало два литсотрудника, и М. И. Никитин распределил так обязанности между ними, что Николаю Николаевичу — единственному в коллективе журналисту с законченным высшим филологическим образованием, к тому же поэту — достался довольно широкий круг проблем: от литературной правки творений начинающих поэтов и прозаиков, составления литературного календаря, "литературных страниц", проведения литературных конкурсов и встреч в редакции с литактивом до информирования читателей о жизни областной писательской

организации, мероприятиях во Дворце книги, новых спектаклях драматического и кукольного театров и т.п. Теперь при участии Николая Благова происходило появление на страницах "Ульяновского комсомольца" статей Г. Коновалова и П. Бейсова, стихов и рассказов Н. Краснова, Р. Герасимова, Н. Рябинина, А. Макарова, К. Кукуева, Ю. Маштакова, В. Пыркова, краеведческих материалов К. Селиванова, отзывов К. Воронцова на новые театральные постановки.

Положение обязывало Николая Николаевича соблюдать меру в публикации собственных стихов в газете, и за четыре месяца работы в ней он опубликовал лишь два стихотворения. В первом из них, появившемся 21 сентября под названием "В Жигулях", поэт, восхищаясь красотой и могуществом родной реки с высоты Жигулевских гор, представляет себе картину будущего водохранилища:

Любовь моя,
Река моя родная,
Одну мечту услышь
и приюти:
Я так хочу, от счастья
задыхаясь,
По новым берегам твоим
пройти,
Увидеть день,
Когда волна плеснется
У окон,
В степь глядевших до сих
пор,
Когда сойдутся под высоким
солнцем
Простор степей
И твой морской простор.

Во втором большом стихотворении — "Великий рассвет", опубликованном в праздничном номере от 6 ноября, дается поэтическое отражение достижений советского народа в послевоенный период и намеченных XIX съездом КПСС перспектив развития социалистической Отчизны. И особенно теплые слова находятся о тех, кто идет впереди и увлекает за собой:

И всегда:

И в бою,

И в забое

С коммунистами дружба

тесна —

С ними спорится дело любое,

И любая дорога ясна.

С какой ответственностью относился новый литературный сотрудник к присылаемым в "Ульяновский комсомолец" поэтическим пробам пера, можно судить по строкам обзора "Голоса молодых" в газете от 23 ноября: "Первое стихотворение начинающего поэта, еще робкое и неумелое, еще не гармонирующее полностью с голосом сердца, привлекает внимание своей откровенностью, свежестью чувств, новизною поэтического восприятия. В нем находят выражение первые раздумья о жизни, самые откровенные мысли о ней, самые хорошие чувства".

Бережно анализируя попытки молодых авторов правдиво отображать самоотверженный труд простых людей во имя светлого будущего, Николай Николаевич на конкретных примерах показывал неумение найти "самые необходимые и точные слова для выражения поэтической мысли", указывал на сбой "с поэтического хода, утрату поэти-

ческого настроения", на употребление "общих, тусклых, риторических фраз, которые и не соседят с тем, что называется творчеством". К распространенному недостатку начинающих поэтов он отнес невнимание "к языку нашего народа, его песням и его разговорам о жизни, полным самобытной мудрости и большой поэзии... А где поэту можно почерпнуть новые мысли, разнообразнейшие краски поэзии, как не в народе, вечном роднике задушевной лирики, богатейшей фантазии, благороднейших помыслов!

Для того, чтобы стать поэтом, говорится в заключение обзора, условия есть у каждого. Многим не хватает самого главного — настойчивости в работе, требовательности к себе, умения критически оценивать плоды собственного труда".

Перефразируя известное изречение "не хлебом единым жив человек", можно сказать, что поэт Николай Благов по должности литсотрудника занимался не только поэзией: ведь при оформлении в штат "Ульяновского комсомольца" в трудовой книжке в графе "профессия" было записано — "журналист". А это значит, что он должен был выступать в газете и с очерками о молодежи.

Для своего дебюта Николай Николаевич взял тему "Нет отдыха лучше, чем спорт". И она была не надуманной. Он сам с детства совершал пешие и лыжные походы, любил плавание и прыжки в воду, катание на лодках, игру в городки, волейбол, увлекался стрелковым делом и шахматами, а на служебном мотоцикле отчима гонял так, что редко кто отваживался садиться к нему на заднее седло... Лет четырнадцати, когда добивался значка

БГТО ("Будь готов к труду и обороне"), то, естественно, выполнял нормы по бегу, прыжкам в высоту и длину, метанию гранаты, по упражнениям на спортивных снарядах и т.п.

Но не о себе рассказывал журналист на тематической странице газеты в очерке "Воспитатель", а о преподавателе физкультуры 6-й мужской средней школы Ульяновска Константине Петровиче Нестерове, который здесь трудился уже четверть века. Личностью этого наставника Николай Николаевич заинтересовался еще студентом 3-го и 4-го курсов, во время своей педпрактики. Тогда его поразило, с каким энтузиазмом немолодой уже человек учил ребят, как стать здоровыми, сильными, ловкими, жизнерадостными. И не только на уроках, но и на внеклассных занятиях в гимнастической, волейбольной, лыжной, хоккейной, стрелковой, городошной и шахматной секциях. На всю жизнь ребятам запомнилась "кругосветка", совершавшаяся под руководством Константина Петровича летом: на шлюпках спускались они по течению Свияги, а затем около трех дней плыли вниз по матушке-Волге до родного Ульяновска.

Рассказав, как учитель Нестеров заботливо и любовно занимается с каждым учеником, начиная с 5 класса, Николай Благов предоставил на этой же странице газеты слово секретарю комитета комсомола школы А. Анищуку, который поведал, что в школе имеется 11 волейбольных и 10 баскетбольных команд. В каждом классе организованы шахматная, конькобежная, лыжная и стрелковая секции. В этом году была зацементирована городошная площадка и на 20 дней раньше, чем в прошлом,

залит каток. Дежурные классы следят за порядком на нем, очищают его от снега.

С учетом того, что рассказ о спортивной жизни 6-й школы публикуется накануне зимних каникул, поэт-журналист счел нужным познакомить читателей с работой комсомольско-физкультурного актива по укреплению спортбазы. К имеющимся в школе 35-ти парам лыж приобретаются еще 25 пар. Взяты на учет 200 пар лыж и 500 пар коньков самих ребят. К Новому году каток украшается флажками, электрифицируется и радиофицируется. Ежедневно будут проводиться тренировки лыжников и конькобежцев, а 7 января школьные команды примут участие в городских соревнованиях. 9-го числа учащиеся 8—10 классов совершат лыжный поход в Винновку. Ребята 5—7 классов проведут соревнования по лыжам в каждом звене, отряде и на первенство всей пионерской дружины на приз газеты "Пионерская правда". Массовые катания на коньках, катания с гор на санках, соревнования хоккейных команд классов, шахматные квалификационные турниры (230 ребят занимались этим видом спорта).

На тематической странице "Нет отдыха лучше, чем спорт" были также помещены заметка девятиклассника Е. Савинова, который на республиканском первенстве по гимнастике занял 2-е место, стихотворение его сверстника В. Румянцева "На лыжах", а также два фотоснимка, запечатлевших К. П. Нестерова с конькобежцами и двух лыжников на трассе.

Надо ли говорить, что журналистский дебют Николая Николаевича вполне удался, и сейчас, 50 лет

спустя, созданная им тематическая страница может служить ярким пособием по организации физкультурной и спортивной работы в обычной школе, если, конечно, там есть преподаватели-энтузиасты, а им помогают все: от пионеров и комсомольцев, родителей, шефствующих организаций до администрации района.

Некоторым читателям биографического очерка все-таки может показаться, что Ж. Трофимов подробнее рассказывает о Николае Благове как о гражданине, нежели как о поэте. Однако вправе был литературовед Н. Эйдельман создать такую книгу о величайшем поэте России, как "Пушкин и декабристы". А я как историк не могу не говорить о восприятии поэтом Благовым событий Великой Отечественной войны, восстановления и развития народного хозяйства, литературы, искусства, движения сторонников мира. Иногда я был бы рад уделить поэзии Николая Николаевича и больше внимания, но только не за счет нарушения исторической правды.

А она такова: в первые три месяца 1953 года фамилия Благова вообще не встречается в "Ульяновском комсомольце", хотя там время от времени появлялись стихи и рассказы как местных литераторов, так и столичных (скажем, отклики Николая Грибачева и Михаила Луконина на смерть Сталина). Безусловно, к этим публикациям Благов как ведущий литсотрудник имел прямое отношение.

Первая же собственная публикация Николая Николаевича в своей газете появилась лишь 29 марта и представляла собой зрительский отклик на толь-

ко что прошедший в кинотеатре "Пионер" новый цветной художественный фильм "Неразлучные друзья". По мнению Николая Николаевича, постановщикам картины удалось увлекательно показать формирование "настоящей пионерской дружины", а вот образы старшей пионервожатой и директора школы получились "бледными". После этой пробы себя в новом жанре наш поэт начинает публикацию серии очерков, написанных по результатам командировок в районы и встреч с интересными людьми. И эта добротная публицистика заслуживает отдельного разговора.

В РОЛИ ПУБЛИЦИСТА

Вслед за Николаем Благовым редакция "Ульяновского комсомольца" пополнилась целой группой квалифицированных журналистов. Пост ответственного секретаря занял невысокого роста, плечистый Леонид Петрович Ульянов (сын директора издательства "Ульяновская правда") — спокойный, рассудительный человек тридцати лет. Несмотря на инвалидность (в результате несчастного случая левая рука плохо действовала), он с невозмутимым видом всегда был не прочь разыграть кого-нибудь, безобидно подшутить над чьей-нибудь оплошностью. Зато самым серьезным образом он курировал отдел писем и пунктуально следил за работой с ними в отделах. В целом Леонид Петрович способствовал, как говорят, здоровой обстановке в коллективе.

Отдел сельской молодежи с 1953 года возглавлял недавний выпускник местного сельхозинститута, довольно большого роста, крепко скроенный Александр Иванович Миронов. Уроженец Тереньгульского района, крестьянский сын, он прекрасно знал жизнь села и за день-два пребывания в колхозе или совхозе успевал собрать богатый урожай для добротной статьи, репортажа. Время от времени он реагировал на злободневные события международной жизни стихотворными фельетонами, высмеивал в них те или иные агрессивные действия заправил Уолл-стрита. При случае он довольно споро сочинял эпиграммы, которые пользовались успехом у коллег.

Под статью Миронову внешне выглядел и заведующий отделом пропаганды Игорь Антонинович Хрусталеv, который был родом из известного села Порецкое, входившего некогда в Симбирскую губернию, теперь оно в составе Чувашии. Выпускник Казанского университета им. В. И. Ленина, Игорь Антонинович в полной мере взял все самое лучшее у своих наставников-филологов и уже в студенческие годы активно печатался в казанской прессе. Обладая большой трудоспособностью, поразительно логичным мышлением, умением вычленить главное из горы словесной руды, он писал свои статьи быстро и так, что без чьей-либо правки их смело отправляли в набор. И без преувеличения можно сказать, что для поэта Благова, начиная с начала 1953 года и на десятилетия, Игорь Хрусталеv остался образцом настоящего человека и публициста, в совершенстве владеющего журналистским мастерством.

Достойным пополнением пишущей братии "Комсомольца" стала Людмила Геннадьевна Бару, возглавившая отдел комсомольских организаций. Ее родители были известны в Ульяновске многим: отец был ведущим инженером на заводе "Контактор", а мать — опытным врачом. Но филологическое образование Людмила получила в Харьковском университете, и настолько основательно, что довольно скоро приобрела репутацию высококвалифицированного и эрудированного журналиста. И с нею у Николая Благова сложились добрые отношения на долгие годы.

Непосредственной коллегой поэта в 1953 году стала Клара Григорьевна Росткова, ставшая наряду с ним и Гречушниковым третьим литсотрудником. Судя по ее репортажам и статьям в "Комсомольце", она специализировалась на школьной тематике, в том числе и на работе пионерских организаций.

Полезным пополнением редакции стал и Александр Иванович Титовский, занявший должность "художника-ретушера". В действительности же на нем лежало все художественное оформление газеты. Он украшал ее и плакатами, и портретами передовиков, и бытовыми и природными зарисовками, и карикатурами на дядюшку Сэма.

В возросшем с 17 до 23 человек штате появилась должность "заведующего редакцией", которую занял 33-летний фронтовик, награжденный двумя орденами Славы — Анатолий Михайлович Немцов, не раз в качестве фотографа колесивший вместе с Благовым по районам области.

Увеличение штата редакции отнюдь не уменьшило нагрузки на журналистов областной молодежной газеты, ибо с приходом к руководству СССР Н. С. Хрущева значительно оживилась жизнь во всех областях экономики, образования, культуры, всех сферах жизни народа. Для Николая Благова и его товарищей по работе общение с учащейся и рабочей молодежью, причем всех районов области, становится неременной нормой деятельности. Как и во всякой редакции, в "Комсомольце" некоторые журналисты как бы специализировались на вскрытии недостатков в том коллективе, где им довелось побывать, чтобы с помощью публичной критики способствовать развитию передового опыта, новой мысли. При просмотре публикаций Николая Николаевича в "Ульяновском комсомольце" за 1953 год обнаружилась дюжина его статей и очерков, но, за исключением критического обзора стихов, поступивших в редакцию от начинающих авторов, он сосредоточивал свое внимание на материалах о тружениках, которые творчески относятся к делу и прилагают все силы для того, чтобы преобразить окружающую действительность, улучшить и украсить условия труда и быт народа.

В 1953 году одним из пусковых объектов пятилетки была высоковольтная линия Куйбышев-Москва, проходившая по территории и Ульяновской области. В мартовские дни, когда еще в прессе продолжали публиковаться материалы в связи с кончиной Сталина, поэт с мандатом специального корреспондента едет на "газике" вдоль гигантской высоковольтной трассы, пока не находит одну

из бригад монтажников, которая прославилась своей особо спорой и дружной работой, стремлением досрочно выполнить установленные сроки сдачи ЛЭП. Быстро найдя общий язык с бригадиром, верхолазами и трактористами, Николай Николаевич с неослабевающим интересом часами наблюдал, как крепкие, смелые и смысленные монтажники, грамотно применяли технику и технологию установки гигантских ажурных металлических опор, а во время перекура по-товарищески беседовал с ними на волнующие темы.

Вслед за очерком о строителях высоковольтной ЛЭП, появившемся в газете 1 апреля, Николай Николаевич в течение нескольких дней вникает в ход строительства нового речного порта в Ульяновске, сооружаемого в связи со скорым поднятием уровня Волги чуть ли не на 20 метров. Вот какой поэтической картиной начинается этот очерк, занявший более половины 3-й страницы праздничного первомайского номера "Ульяновского комсомольца":

"Был тот неповторимый час восхода солнца, когда Волга, спеленутая белесым туманом, будто просыпаясь, встречает ласковым плеском первые лучи. Только одна половина ее видна солнцу, а на другой еще лежит серый сумрак. Минута-другая, и вся она от берега до берега, на многие километры, засияет своей величественной красотой, наполнится раздольным шумом волн и гудками пароходов".

Наблюдая с Нового Венца эту живописнейшую картину, пока еще примерно такую же, какой любовался в конце XVIII века Николай Михайлович

Карамзин, который, побывав за границей, с гордостью заявлял: "Симбирские виды уступают в красоте немногим в Европе", Николай Николаевич лаконично, но тоже образно рассказывает, как работают скреперы, тракторы и полукубовые экскаваторы, быстро загружающие грунтом самосвалы, а те несутся к тому месту, где сооружается мощная причальная стенка речного порта. Поэта поражал энтузиазм, с которым молодые закоперщики, газосварщики и электросварщики бригады Михаила Кобзева вместо положенных по норме семи шпунтов на его глазах вбили с помощью парового копра одиннадцать. И только поэт мог дать такую высокохудожественную концовку газетному очерку: "Новое утро поднимается над великой, трудолюбивой, праздничной и скромной русской рекой. Тихо снижаясь, будто в поклоне, плывут над Ульяновском, над площадью Ленина окрашенные багряным рассветом облака".

Следующий очерк Николая Николаевича был напечатан в молодежной газете в воскресенье, 10 мая 1953 года, под названием "Колхозный сад". Вот фрагмент истории создания этого рукотворного чудо-сада в изложении поэта. В первый послевоенный год 67-летний житель села Алешкино Сенгилеевского района Иван Михайлович Коновалов пришел к председателю местного колхоза "Вперед" и завел такой разговор:

- Земли пропадают у нас. Наилучшие.
- На кладбище, что ли?
- Во-во! Около кладбища, за фермами. Там одним силосным духом земля набродила, хоть на спритзавод вези. А если окромя шуток, если при-

ложить руки, там взмахнет сад, какого по всей Волге редко где сыщешь.

— Да ведь белая там земля. И оползни. Распашешь — поползет к речке.

— Говорю — нету для сада лучшей земли. А распахивать ни к чему. Только побольше вырыть пристольные круги. Влаги там — пять лет дождей не надо. Весь склон сочится. Внизу-то ивняк даже.

Но председателю было тогда не до сказочного сада. Колхоз еле-еле справлялся с первоочередными планами. И он сказал задумчиво:

— Придет время, может, и рассадим на твоих землях сад. А сейчас у нас помещений для скота и то нету. А ведь тебе — пускай и наберется садовая бригада из твоих ровесников, из старух — тебе сразу давай изгородь.

— А о чем и разговор. Будь изгородь, я бы копался там, как жук в навозе, и не пришел бы к вам до тех пор, пока сами не пришли за яблоками.

Почувствовав, что земли за фермами так и будут лежать праздно, да что и на старух можно надеяться, Иван Михайлович стал действовать по-другому.

Он пришел в бригаду, бросил в телегу воловий хомут, сбрую, связал оглобли сыромятным поперечником, привез сей колесный ход к своему двору и поставил, подперев оглобли дугой, чтобы скот не наступал.

За ночь он доказал своей всхлипывающей старухе, что даже он, Иван Михайлович, человек, хоть ты закорми его вдоволь хлебом с конфетами, потеряет всю силу, если ему не дать хорошей работы. Корове же привезти жердей и попасться на

наилучших травах в саду — одна польза. И седло корове идет лучше, чем лошади, — одни пережитки.

С утра до вечерней дойки обучал он корову. С ребяташками своими да и со старухой навозил он из лесу жердей, поставил изгородь. И с несколькими женщинами посадил и выходил год за годом более десяти гектаров высокоурожайного сада".

Любимым помощником, которому Иван Михайлович передавал все свои знания по садоводству, был 15-летний комсомолец Виталий Жега-лин, который, в свою очередь, привлек и других колхозных ребят. И на солнечном суглинистом взгорье у оврага, по дну которого "бормотал" ручеек, названный стариком-садоводом "Семь родников", в момент приезда Благова уже более двух тысяч деревьев антоновки, алого аниса, бельфлер-китайки, крестового мальта, бессемянки, московской грушевки "задумались перед цветеньем". Работая в ту нелегкую пору годами без выходных, садовод-энтузиаст неустанно занимался опытами, внедрял все новые сорта.

Этот талантливый очерк о человеке самоотверженного творческого труда на земле был написан журналистом с глубоким пониманием сельской природы и крестьянской жизни, с любовью к своей родине и ее людям, написан ярким, образным языком, сочетающим высокую художественность и народность. Этому очерку была уготована долгая жизнь. Небезынтересно в связи с этим привести вступление к одному из его вариантов 1961 года:

"Ясными, солнечными бликами играет на яблоке тугой небосвод августовского полдня. Вот оно,

богатое золотыми дарами, урожайное лето. Но, пожалуй, не только блики солнца, не только отблески разгорающихся зорь красят это яблоко. Я могу различить на нем и скромную задумчивую улыбку садовода, который видел золотой урожай еще в ту пору, когда на яблонях чуть проклевывались почки, да еще раньше — когда по саду бушевала метель. Конечно, он все это видел. И день изо дня выкармливал этот урожай заботливыми своими неустанными руками. Как не узнать мне эту высокую улыбку человека-творца и как не вспомнить расцветающий сад и самого хозяина этого с каждым днем богатеющего сада". И еще одну ремарку сделал Николай Николаевич о колхозном садоводе: "Это была особая высокая и бескорыстная жизнь, без которой человеку душно".

Каждая из последующих публикаций Николая Николаевича этого года, напечатанная в "Комсомольце", создавалась на заинтересовавшую его общественно значимую тему. В очерке "Бригадир", появившемся 31 мая, он рассказал читателям газеты о передовой молодежной бригаде картофелеводов колхоза "Путь Ленина", возглавляемой комсомольцем Сашей Головановым. Стремясь ярче раскрыть характеры своих героев, причем в лаконичной форме, не скатываясь на менторский тон, Благов хочет зародить у читателей желание повторить опыт стахановцев и самим внести весомую лепту на общее благо. Вот образчик слога, каким описывает поэт предпосадочную страду картофелеводов:

"Каждый год, когда сойдет снег и вода с полей по буеракам и оврагам сольется в долину, Сызранка подымает мутные воды выше некротых бе-

регов и сливается с рядом текущей речкой Канадейкой. И тогда эта речка разливается, насколько хватает глаз, затопляет плетни, огороды, сараи. Потом они утихомириваются, начинают понемногу, по метру, освобождать затопленные земли, оставляя вязкие наносы ила".

В начале лета Николай Николаевич побывал в родном колхозе им. Молотова в Андреевке, и, возможно, не без его влияния молодые птицеводы вызвали на социалистическое соревнование своих сверстников, трудившихся на птицеводческой ферме колхоза "Красная степь" Тереньгульского района. Как настоящий журналист, поэт вместе с фотографом А. Немцовым отправился к соперникам своих земляков, чтобы своими глазами убедиться в выполнении ими всех условий соревнования. По результатам этой командировки в "Ульяновском комсомольце" 4 и 11 июня были опубликованы благовские очерки.

Разнообразна была тематика работ Николая Благова. Но с особо трепетным чувством и личной заинтересованностью он поехал в Ивановский детский дом, где в 1936-1939 годах воспитывался Александр Матросов. (Ведь мы помним, что еще до поступления на работу он начал писать поэму об этом герое-земляке). Прибывший в Ивановку журналист изучил хранящиеся здесь документы и материалы, побеседовал с Иваном Синягиным, который дружил с будущим Героем Советского Союза, и воспитательницей Раисой Алексеевной Родиной, хорошо помнившей знаменитого воспитанника. И уже 18 июня в молодежной газете появилась тематическая страница, посвященная де-

сятилетию со дня присвоения звания Героя Советского Союза А. М. Матросову, подготовленная "спецкором" Благовым, с его очерком "По следам детства".

И снова, выполняя задания редакции, Николай Николаевич едет по колхозам, на сей раз — Игнатовского и Ишеевского районов и в результате публикует три корреспонденции — о подготовке комсомольцев-комбайнеров к жатве, которая обещала быть богатой, о работе молодежных бригад на сенокосилках, о первых намолотах нового урожая. А в августе он уже в Инзенском районе, где пишет очерк "Дочь большой семьи" о молодой птичнице Кате Киселевой, добившейся самых высоких показателей на ферме, всеми уважаемом человеке села.

И только глубокой осенью завершилась командировочная одиссея Николая Николаевича, и с публицистики он смог, хотя бы частично, переключиться на поэтический лад. Но он отнюдь не жалел о почти десятимесячном перерыве в служении своей любимой музе. Выступая в роли публициста областной молодежной газеты, он теперь масштабнее представлял преобразования, происходящие в сельской глубинке, расширил круг своих знакомств, обогатил свой запас из кладезя народной мудрости и уверовал в свои способности творить в прозе. Забегая вперед, замечу, что уже в 1970—1980-х годах я был свидетелем того, как Игорь Хрусталеv, являясь заместителем редактора "Ульяновской правды", просил поэта написать для газеты очерк или рецензию. Николай Николаевич обычно сдавался под энергичным натиском старого друга, но даже на время с трудом оставлял заветную лиру.

Некоторые очерки поэта, написанные в 1953 году, впоследствии перепечатывались в "Ульяновской правде". А "Колхозный сад", получивший название "Сад у семи родников", в 1961 году вошел и в коллективный сборник "Родные места" (составитель В. А. Дедюхин). Убежден, что очень скоро настанет такой день, когда в собрании сочинений Н. Благова появится и том прозы, составленный из очерков, статей и рецензий.

ПЛОДЫ КРЕСТОВОГОРОДИЩЕНСКОЙ НИВЫ

О том, что Григорий Иванович Коновалов благоволил к Благову чуть ли не с первого курса его учебы в пединституте, мне довелось слышать от многих знакомых Николая Николаевича. А в архиве Ульяновского отделения Союза советских писателей встретил конкретные свидетельства сердечности отношений его руководителя с поэтом-студентом. Так, в книге приказов за 1952 год оказался пункт, который гласил: "Командировать в г. Сенгилей по творческим делам литературной организации Благова Николая Николаевича и Коновалова Григория Ивановича с 9 по 13 июня".¹

В то время сенгилеевскую литгруппу возглавляли преподаватели тамошнего педучилища — участ-

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 6, л. 1.

ники Великой Отечественной войны Михаил Михайлович Небыков и Сергей Александрович Осипов, чьи стихи нередко печатались и в областных изданиях. И если уж Коновалов взял с собой в качестве литконсультанта студента (причем в разгар сдачи государственных экзаменов), то потому, что уже безгранично доверял его поэтическому дарованию, его способности сделать безупречный критический разбор творчества своих собратьев по перу.

Ознакомление же с протоколами заседаний литактива писательской организации, ее поэтической секции и редколлегии альманаха "Литературный Ульяновск" показало, что Николай Николаевич при обсуждении стихов даже опытных, лично им уважаемых авторов не боялся высказать в лицо серьезные претензии как к содержанию, так и к отделке представленных произведений. Но замечания делались по-товарищески, в корректной форме, с целью помочь исправить недостатки, и поэтому мало кто на них обижался или сильно досадовал. Об авторитете Благова как поэта говорит и такой факт: 2 октября 1953 года на заседании редакции альманаха "Литературный Ульяновск" ему было доверено руководство отделом поэзии этого самого престижного областного издания.¹

Что касается родного "Комсомольца", то Николай Николаевич разбирал поступающие в редакцию стихотворения и давал ответы по существу их авторам. Из обзора стихов, появившегося за его подписью в газете, видно, что он не очень-то ща-

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 13, л. 30.

дил тех, кого считал "графоманами", и в открытую указывал на их низкую грамотность, на поверхностную осведомленность в теории литературы, а также и в современной жизни. В заключение обзора Благов призвал начинающих авторов к упорной работе над собой, ибо поэт — это человек очень высокой культуры. "Глаза, уши и голос класса, — как учил М. Горький. — И кто чувствует в себе способность сказать людям что-то новое, добывается этого высокого звания упорной повседневной работой".

Некоторые журналисты "Комсомольца" считали, что Николай Николаевич порой чересчур строго подходит к оценке присылаемых вещей, и как-то один из коллег решил испытать объективность ведущего литсотрудника, а заодно — и его эрудицию: в письмо на имя Благова вложил за подписью какого-то сельского жителя малоизвестные стихи не то Фета, не то Майкова, чтобы тот, как говорится, навел на них свою критику... Но розыгрыш не удался. Взглянув на стихи, наш литсотрудник сказал своим певучим окающим говором примерно следующее: "Не надо играть со мной". И назвал фамилию настоящего автора... О большой его эрудированности и требовательности к поэзии говорит и такой факт: прорецензировав стихи симпатичного ему молодого поэта, он твердо указал, что автор перепевает то, что уже было воспето Игорем Северянином. И уж нечего было и пытаться выдавать свои стихи за оригинальные, если они на деле являлись подражанием творению А. Твардовского. Кто-кто, а Благов это сразу замечал.

По зову своей души или по просьбе приятелей Николай Николаевич легко писал экспромтом довольно язвительные эпиграммы, причем так удачно, что и десятилетия спустя Николай Малинин, Эриксон Рыбочкин и Борис Тельнов вспоминают их. Говорят, что по рукам даже ходила небольшая машинописная книжечка из этих ладно сложенных, с тонким юмором, попадающих в точку эпиграмм. Что же касается самого сокровенного — лирической поэзии, то не только на рабочем месте, но даже и дома далеко не всегда Благов мог сосредоточиться так, чтобы положить в стихах на бумагу сокровенные думы.

После того, как стал газетчиком и стал сам зарабатывать, он покинул тесную полуподвальную комнатку тети Дуси и вместе с выпускником крестовогородищенской школы Глебом, учившимся в сельхозинституте, они сняли довольно просторную комнату, с окном во двор, в том доме, на Энгельса (№ 4), где сейчас размещается музей истории народного образования Симбирской губернии эпохи И. Н. Ульянова. Жилье это было невдалеке от редакции "Ульяновского комсомольца", но это для Благова оборачивалось не только удобством... Нет-нет, да у кого-то из коллег появлялся повод взять "бутылку" с закуской и нагряться на эту удобную холостяцкую квартиру, пообщаться с поэтом в непринужденной обстановке.

Когда такие незваные гости начинали надоедать, Николай Николаевич на несколько дней отправлялся к матушке и отчиму в Крестово Городище, и только там приходили и настроение, и вдохновение для стихотворчества. Так случилось 13—

15 октября 1953 года, когда в очередную побывку за два дня были написаны стихотворения "Автобус" и "Домой". О чувствах, наполнявших поэта на пути в родные места, можно судить хотя бы по началу стихотворения "Домой":

Забить бы все, что пройдено,

Как ношу у порога...

На родину, на родину

Спешит, спешит дорога!

То просекой раздвинет рожь,

То окунется в речку.

Воспоминания, как дождь,

Шумят, шумят навстречу.¹

Но эти, как и два десятка стихотворений, которые поэт напишет в следующем году (в основном, тоже в Крестовом Городище), месяцами не будут появляться в "Ульяновском комсомольце". Возможно, что одной из причин этого был литературный конкурс, проводившийся газетой, и Благов стремился пропустить стихи М. Небыкова, В. Пыркова, Р. Герасимова, Н. Краснова, Н. Рябилина, А. Ивлиева, а свои, как член жюри, откладывал "на потом". Казалось бы, Николай Николаевич в таком случае вправе был выступать как публицист, но его первый очерк 1954 года появится лишь в апреле.

Размышления над столь странным обстоятельством привели меня к необходимости самым тщательным образом отнестись к публикациям, которые подписывались явно псевдонимами, причем не только известными со слов Ляли Ибрагимовны

¹ Благов Н. Ветер встречный. Ульяновск, 1955, с. 7.

("Н. Борисов", "Н. Максимов"). И уже в первом годовом номере "Комсомольца" за 1954 год я решил подвергнуть анализу стихотворный фельетон "Путешествие дальнее, веселое и печальное" с красочными рисунками А. Титов-ского за подписью: "К. Городищев".

Псевдоним, конечно, — весьма возможный для Благова, ибо он был единственным в составе редакции сотрудником, так тесно связанным с Крестовым Городищем. И все-таки следовало найти еще какие-нибудь доводы в пользу авторства Николая Николаевича, который с помощью Деда Мороза от души радовался общим успехам тружеников области и бичевал лентяев, плутов, бюрократов, проявления бесхозяйственности.

Фельетон написан хорошо рифмованными стихами и с характерными для Благова образными поэтическими находками. Ведь очень похоже, что именно он мог найти такие выражения:

*Улыбнулась продавщица,
Приоткинув стрелы век...*

Или: *"Стал Мороз бледнее воска" и т.п.*

Но явными признаками благовской руки являются такие, конечно, не случайные детали: путешествует Дед Мороз не где-либо, а по Заволжью. Упоминается не только Мелекесс, но и самое родное для нашего поэта место:

*Он в Андреевку с поклоном
Прибыл, только рассвело, —
Чердаклинского района
Знаменитое село.*

И с болью критикует андреевскую птицеферму за падеж цыплят — ту самую ферму, о которой в положительном смысле писал еще в пролом году в одной из статей:

*Подошел и с час примерно
Дед глядел на птицеферму:
Куры хмуры, неопрятны,
Не хотят ни пить, ни есть —
Все горюют о цыплятах,
Их погибло тысяч шесть.
Похороны круглый год,
Птица грустно здесь живет.
Дед ушанку нахлобучил,
Батожок покрепче взял,
Запахнул тулуп получше
Да и дальше зашагал...*

А Дед Мороз-то какой — крестьянский, русский, благовский... (не такой, какого нынче предлагают российским детям, — в курточке, на западный лад...)

Весьма важным доводом в пользу авторства Благова являются в новогоднем фельетоне строки о Вазыхе Зиятове:

*Парень тихий, деревенский,
Но слышна о нем молва
Далеко от Мелекесса.
Шлет привет ему Москва.
Комбайнер в беседе скромен.
Слов пустых не любит он —
Полрайона хлебом кормит,
А мечтает — весь район.*

Дело в том, что весной этого же года в рубрике "Кандидаты на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку" в "Ульяновском комсомольце" появился очерк Николая Благова о замечательном механи-

заторе, радеющем о народном достатке, под названием "Вазых Зиятов"! Этот факт уже неоспоримо свидетельствует, что "К. Городищев" и наш поэт — это одно и то же лицо.

И, наконец, еще одно небезынтересное наблюдение. Вот сценка из новогоднего фельетона:

*Бал задорный только начат.
Гром оркестра,
Шум шагов,
И, кружась, стучат девчата
Пятачками каблучков.*

И случайно ли, что в следующем, 1955 году в сборнике стихов Благова "Ветер встречный" в стихотворении (заметим!) "Под Новый год" встречается знакомый художественный образ:

*Веселый бал,
Огней и глаз сверканье,
В щеках восторг зажегся горячо.
И девушки кружатся,
Вальс чеканя,
На пяточках точеных каблучков.*

Да, волновала молодого поэта яркая картина новогоднего бала, и свою поэтическую находку, в первом случае выраженную четырехстопным хореем, он как бы повторил несколькими иными мазками и уже пятистопным ямбом.

Новогодний номер газеты с этим фельетоном был подписан недавно пришедшим в газету заместителем редактора Иваном Алексеевичем Варакиным — выпускником Центральной комсомольской школы. Но трудовую закалку, полученную еще подростком в послевоенные годы у заводского станка, он сохранил и, нисколько не кичась столич-

ным дипломом, не чурался черновой работы, доводил до конца начатое дело и держался со всеми на равных. С поэзией Благова Варакин познакомился еще в ту пору, когда был секретарем Ленинского райкома в Ульяновске, и навсегда остался поклонником его самобытного таланта.

Само собой разумеется, что Иван Алексеевич всячески приветствовал публикации стихов Николая Николаевича в "Комсомольце", но они, повторяю, не появятся аж до октября. Очевидно, кроме уступки дороги участникам конкурса, появилась еще одна веская причина: решение Благова придержать стихи для того, чтобы его первый поэтический сборник выглядел ново, свежо и более или менее всесторонне отражал грани творчества. На подготовке такого сборника настаивал Григорий Иванович Коновалов, ибо без наличия книжек нельзя было даже ставить вопрос о принятии его в члены Союза советских писателей.

А пока наряду с обычной литературной обработкой поступающих в редакцию материалов (и не только творчества начинающих авторов) Николай Николаевич возвращается к публицистике. Героев своих будущих очерков он ищет опять же больше не в Ульяновске, а в сельской глубинке, которая по-прежнему была его душе и ближе, и милее городской суеты сует.

Первым пунктом командировки 1954 года стал колхоз "Память Ильича" Сентилеевского района, где до войны веснами "густо завьюживали белым цветением" знаменитые криушинские сады по-над Волгой. В большом очерке "Новый председатель", появившемся в "Ульяновском комсомольце" 11 ап-

реля, Николай Благов лаконично, но ярко нарисовал картинку из довоенной жизни этого села. Тогда "возами получали колхозники яблоки на трудни, мочили, варили варенье, везли на базар, нарядно одевались, весело жили. Жгучая зима 1941 года спалила яблони. Не ожили они через год, через два, и звонким плачем прошлись топоры. Не поднялся колхоз и в последние годы. Некому было поднимать. Почти все мужики ушли в речники, молодежь, возвращаясь из армии, устраивалась работать в затоне, в леспромхозе". И только теперь, с приходом нового председателя Виктора Прохорова, который сам трудился от зари до зари, колхоз взял курс на многоотраслевое хозяйство, возрождая при этом и общественный сад, и бахчевые.

Затем газета напечатала очерки Николая Николаевича о колхозной теплице в Барышском районе, о знакомом нам уже знатном комбайнере Вазыхе Зиятове, рецензию (в соавторстве с Н. Е. Егоровым) на спектакль "Весенний шум", поставленный по пьесе В. Дедюхина на сцене областного драмтеатра. И на этом деятельность литсотрудника Благова приостановилась на неопределенное время. И произошло это не в последнюю очередь потому, что в мае 1954 года секретариат Союза советских писателей (ССП) СССР "из-за малочисленности состава" упразднил Ульяновское отделение, а его членов ввел в состав Куйбышевского отделения ССП.

Г. И. Коновалов, лишившись поста ответственного секретаря, вернулся к преподавательской работе в пединститут. Лично у него сохранились возможно-

сти издаваться в столичных и иных городах. А вот драматург В. Дедюхин, литературовед П. Бейсов, поэты Н. Краснов, Н. Благов, Р. Герасимов, Н. Рябинин, М. Небыков, С. Осипов, Е. Ларин, В. Пырков, А. Макаров, А. Ивлиев, прозаики П. Слесарев, Л. Пирогова, И. Хмарский, Г. Велле, Б. Дедюхин после ликвидации альманаха "Литературный Ульяновск" лишились единственной возможности печататься.

И как только кто-то из ульяновцев получал известность, он, естественно, стремился перебраться в другой город, где можно было устроиться на работу в редакции журналов, издательств и, главное, публиковать свои произведения.

Неудивительно, что в такой обстановке Николай Николаевич подает заявление в столичный Литературный институт. Подбадриваемый Григорием Ивановичем, он берет расчет в "Ульяновском комсомольце" и уезжает в Крестово Городище, чтобы там готовиться к творческому конкурсу и собеседованию.

Впервые в жизни получив в свое распоряжение целое лето, поэт на лоне родной природы настраивает свою лиру на творческий лад. Действительность превзошла самые радужные надежды: к концу лета Николай Николаевич написал 20 стихотворений! Этот необыкновенно плодотворный период так и хочется, по аналогии с пушкинской болдинской осенью, назвать благовским крестовогородищенским летом... Стихи были в большинстве своем лирические. И только два из них вскоре были опубликованы в газете ("Заволжье" и "Семья"), а остальные пока не увидят света — будут ждать своей очереди появиться в первом благовском

поэтическом сборнике. И мы отложим разговор о них до этого события.

В прекрасной физической форме, одушевленный небывалым приливом вдохновения и реальной перспективой четырехгодичной учебы в Литературном институте, Николай Николаевич в конце лета возвращается в Ульяновск, чтобы получить последние наставления Григория Ивановича перед отъездом в столицу. Однако, дальнейшие события развивались так, что поэт коренным образом изменил план своей дальнейшей жизни и 5 октября снова стал сотрудником "Ульяновского комсомольца"...

ДУША ВЛЮБЛЕННОГО ПОЭТА

Как-то при обсуждении стихотворения Рэма Герасимова, в котором тот с излишней откровенностью изобразил пылкого юношу, Николай Николаевич с досадой заметил: "Любовь — высокое чувство, а не целования допьяна. Дрожь любовная. Но ведь не обо всех секретах говорят".¹

И каким целомудрием проникнуты строки благоговящего стихотворения "Семья", появившегося в "Комсомольце" 28 ноября 1954 года:

*Как мне радостно в этой
веселой семье!*

*Даже вымолвишь,
Частые взгляды встречая:*

— Вот счастливицы!

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 22, л. 15.

*Всегда у них песни да смех,
Что ни день — новый праздник,
Живут, припевая...*

Такой примерной парой были Григорий Иванович Коновалов и его жена Берта Ефремовна, согласно растившие и воспитывавшие сына и дочь. Но вполне возможно, что так счастливо зажил и друг Николая Николаевича по выпускному классу Владимир Иванов, ныне — четверокурсник исторического факультета, со своей сокурсницей Клавдией Бычковой, поженившиеся в феврале этого года. Оба внешне обаятельные, ровного характера, серьезно относившиеся к учебе и своей будущей профессии, умеющие поддерживать дружеские отношения с симпатичными им людьми, оба рано оставшиеся без отцов (у Володи отец утонул в Волге, а у Клавды — погиб на фронте), они стремились жить только честным трудом.

На их студенческой свадьбе были почти все сокурсники и несколько факультетских преподавателей. Со стороны жениха был и его давний друг Николай Благов. В незнакомой компании поэт всегда чувствовал себя стесненно, и даже осушаемые бокалы традиционного студенческого вина (дешевого вермута) не придали ему такой смелости, чтобы он в полную силу запел своим довольно красивым голосом. Зная от мужа, что его друг — холостяк, Клава, как водится, представила ему свою лучшую подругу — Лялю Мусину, дочь полковника, осевшего после увольнения в запас в Бугульме. Николай Николаевич, знатный волейболист, наверное, не раз видел, как эта стройная кареглазая девушка с тонкими чертами одухотворенного лица

и шапкой курчавых волос, активно играла в своей команде. Из состоявшегося в свадебный вечер разговора наш поэт убедился, что Ляля неплохо знакома с поэзией, даже есенинской, и знает немало наизусть, в том числе и некоторые его стихи. Тем не менее, она спокойно относилась к его литературной известности и не предпринимала попыток заполучить Благова в друзья. Более того, поэту показалось, что он как парень ее совсем не заинтересовал. (А мудрено ли? Молодая девушка увидела парня без его богатой, пышной шевелюры: накануне они с товарищем наспор с мальчишеской запальчивостью постриглись наголо...).

Через месяц, в марте, Владимир Иванов передал Николаю Благову, что Ляля, получив телеграмму от матери о тяжелом состоянии отца, выехала в Бугульму, но спасти его не удалось. После смерти кормильца семьи положение в доме девушки-студентки сложилось трудное: мать, как жена военного, имела небольшой стаж работы, а на руках остались еще дети-школьники. Незадолго до сессии Ляля вернулась в пединститут, но сразу же после ее окончания умчалась к матери и, как говорили молодожены Ивановы, собиралась перейти на заочное отделение. Однако, осиротевшей семье полковника назначили пенсию, помогли родственники, и Ляля к началу занятий на последнем курсе снова была в Ульяновске. В те дни и произошла встреча поэта с приглянувшейся студенткой, и, кто знает, не она ли повлияла на решение отказаться от отъезда в Литературный институт.

С той осени Николай Николаевич нет-нет да заглядывал в студенческое общежитие на Старом

Венце. Посторонним проникнуть туда было не просто, но поэт и раньше посещал живших в этом здании Коноваловых, и достаточно было сказать, что идет к Григорию Ивановичу, его, словно предъявившего пароль, дежурные пропускали. Сначала он заходил к Владимиру Иванову, а потом уж, вдвоем, стучались в комнату на семерых, где жила его жена Иванова и Ляля Мусина. В хорошую погоду дружной четверкой шли гулять на Венец, а иногда совершали культпоход в кино или театр. Вместе отметили такие события, как окончание зимней сессии 1955 года, выход в свет сборника "Литературный Ульяновск", в котором оказались четыре стихотворения Николая Благова: "Все ясно и просто", "Детство", "В вагоне" и "У родных".

Но настоящим радостным событием для поэта стал выход в свет долгожданного собственного сборника стихов! Получив за него гонорар, он заказал для своей дружеской компании праздничный ужин в честь Международного женского дня 8 марта. Настроение у поэта было по особому приподнятым еще и потому, что принял неординарное решение: поверив в свои силы, он окончательно рассчитался с работой в молодежной газете, ибо появилась надежда печататься не только в Ульяновске и заняться поэзией профессионально.

Первый сборник стихотворений Николая Благова "Ветер встречный", отпечатанный 5-тысячным тиражом в областной типографии, был карманного формата и выглядел скромно: обложка из серого картона, которую украшал вид березы, стоящей на обочине полевой дороги и гнущейся под напором ветра во время грозы. Вошедшие в книжку 24

стихотворения разделялись на два цикла. Первый из них ("Встречи") вобрал в себя стихи о трудовой и беспокойной жизни Волги ("Жигули", "Пароход", "У родных"), трудовых буднях колхозного села ("Вечер на току", "Осень"), картинах природы ("Осень", "В дороге" и другие). Несомненной удачей, по мнению К. Воронцова, выступившего с рецензией на первый сборник друга-поэта в "Ульяновском комсомольце" 10 апреля, является создание поэтического образа матери ("Домой", "У родных", "Мать", "Хоть нет войны", "Сын"). Бодрый ритм, образные выражения, обилие метких сравнений и точных эпитетов — справедливо отмечаются как характерные черты дарования Благова.

Пришелся по душе рецензенту и второй цикл стихов ("Сердце"), в котором поэт выступил как лирик. С помощью разнообразных приемов он сумел показать и дружную завидную жизнь супругов ("Ночью бело"), и переживания поэта, жалеющего о размолвке с любимой, а затем и заявляющего гордо и с надеждой:

*Я никогда завистливо и робко
Чужому счастью в спину не глядел.
За перевалами годов далеких
И у меня на счастье есть надел!—
И что гадать:
 любила? Не любила?
И память гнать обратно, к тем годам?!*
*Но стой, послушай, —
 а нельзя ли было
По всем дорогам
 так вот,
 вместе
 нам?!*

Константин Воронцов считает, что в своих стихах Николай Благов сумел "глубоко отразить отношение советских людей к труду, их стремление до конца выполнить свой общественный долг", "стремление к миру и созданию светлого будущего на земле". В заключение рецензент высказал убеждение, что творчество молодого поэта, представленное в сборнике, свидетельствует о его одаренности и найдет признание у читателей.

Вместе с тем молодой критик, на мой взгляд, недооценил глубоко лирическое и, можно сказать, автобиографическое стихотворение "Утро мое", написанное в середине мая 1955 года. А ведь оно как нельзя ярче раскрывало душу влюбленного поэта, и не удержусь от цитирования хотя бы части его:

*Как будто с рассветом сегодня
Лишь начал я жить и дышать.
Вон солнце кладет свои сходи
С обрыва на волжскую гладь.*

*.....
И ветер восхода любезно,
Румянясь, встречает волна.
И вся эта светлая бездна
Твоею улыбкой полна.*

*Тону я в безоблачной сини,
Сдержатъ свою радость невмочь.
Дивлюсь я, как много росинок
От счастья наплакала ночь!*

Не привлекло внимания редакции "Ульяновского комсомольца" и стихотворение, ярко отражающее презрение поэта к обывательскому взгляду на жизнь и бездуховность:

*Есть люди:
Тянут службу помаленьку —
Квартирка,
Столик,
В абажуре свет.
Шагают*

*со ступеньки
на ступеньку*

*По лестнице
однообразных лет.
В душе бесцветной —
Ни любви, ни злобы.
Глядишь,
Споткнулся —
Жизнь оборвалась.
И редкая толпа идет за гробом
С неискренней росой слез у глаз...*

Сам же Николай Николаевич весной 1955 года был полон энергии, больших планов на будущее и смело принимал судьбоносные решения. Как только Ляля сдала госэкзамены, и прошел выпускной вечер, они пригласили ближайших друзей на скромное свадебное застолье. Неординарность заключения брачного союза заключалась в том, что при подаче в загсе заявления о своем желании стать мужем и женой выяснилось, что Николай Николаевич уже несколько лет нигде не прописан, а паспорт ему надлежало еще два года назад обменять на новый. Махнув рукой на эти неурядицы, историк Мусина и поэт Благов начали семейную жизнь "незарегистрированными".

Какое-то время пожили у матушки Николая Афанасьевича в Крестовом Городище, а потом и в Бугульме, в семье родных жены Николая Николаевича; по приглашению друзей съездили в гости: к Рэму Герасимову в село Елаур Сенгилеевского

района, где он жил с семьей и трудился в школе, и к Михаилу Кошкину в Вешкаймский район. Но к концу лета с местом жительства надо было определиться, и, не найдя в Ульяновске подходящего жилья, Николай Благов, по предложению Б. А. Дедюхина, возглавлявшего радиокомитет, стал собкором комитета в Мелекессе, где вопрос с частным жильем решался легче.

Первую комнату молодожены сняли на улице III Интернационала, в большом доме, в прошлом принадлежавшем предпринимателю, занимавшемуся изготовлением кондитерских изделий и напитков. Сам хозяин был русский, а жена его — волжская немка. Жили еще одни квартиранты — китаец Ван-хей и его жена-украинка. Так что этот интернациональный дом поистине оправдывал свое местонахождение на этой улице. Но в доме частенько появлялись и какие-то другие люди, даже ночью. А вот другая квартира (на ул. Куйбышева), где жила одна пожилая женщина, а хозяйева находились на заработках на Севере, оказалась тихой и уютной. Здесь Николай Николаевич, одновременно с исполнением обязанностей собкора радиокомитета, довольно быстро написал стихотворения: "Безбилетник", "Рыжие тропы..." ("Осень играет моим настроением..."), "Враги", "Туча", "Дорога" ("Сколько лет я это знаю..."), "Подснежник", "Я зову тебя, мама", "Цветы" и другие.

В начале декабря этого же года произошел новый поворот в жизни молодоженов. Односельчанин поэта и однокурсник его жены — Анатолий Александрович Борисов, в прошлом — участник Великой Отечественной войны, был назначен заве-

дующим Чердаклинского району (при поддержке Николая Афанасьевича и Евдокии Ивановны), уговорил Лялю Ибрагимовну взять хотя бы на несколько месяцев его уроки истории в 7-м классе крестовогородищенской школы. Оставшись один в Мелекесе, Николай Николаевич выразил свои чувства в стихотворении "Подруге":

*Мы только начинаем жить с тобой
Одной семьей, одной судьбой.
И смотрит где-то посредине мира
Открытым взглядом окон голубых
И наша необжитая квартира
С одним хозяйским стулом на двоих.
Обед, накрытый листиком газетки.
Свой заселяют книги уголок.
Шушукуются за стеной соседки:
— Ну, как они?
— Живут.
— Ну дай им Бог!
И вот уж рельсы звонкие двоятся —
Как много разлучающих дорог!
Кому из нас не трудно расставаться,
Хотя б на малый, самый малый срок?!¹*

На встречу 1956 года Николай Николаевич, конечно же, приехал в Крестово Городище, чтобы встретить праздник вместе с женой, матерью и отчимом. Настроение у всех было приподнятое. Еще бы: ведь поэт 9 января должен быть в Москве для участия в III Всесоюзном совещании молодых писателей. Редактор "Ульяновского комсомольца" И. Варакин не мог пройти мимо такого неординарного события в литературной жизни области и 6 января опубликовал подборку благовских сти-

¹ Благов Н. Волга. Ульяновск, 1957, с. 28.

хов ("Туча", "Осень" и "Подруге") под общим заголовком "В добрый путь!" Во врезке к этой подборке говорилось, что стихи нашего молодого поэта пользуются успехом у читателей. И не случайно: "Теплые, проникновенные слова поэта о любви, красоте русской природы, о Волге, о простых советских людях-тружениках глубоко волнуют, заставляют по-иному взглянуть на те или иные жизненные явления". На этой же странице газеты был помещен дружеский шарж Л. Суровцевой и К. Воронцова, на котором Николай Благов со своей книжкой "Ветер встречный" под мышкой, гигантскими шагами стремительно идет вперед, навстречу сильному ветру.

Восьмидневное пребывание (впервые в жизни!) в Москве оставило у Николая Николаевича неизгладимые впечатления. На пленарном заседании в Центральном доме литераторов, где собралось 360 молодых писателей, пишущих на 50 языках, их приветствовали знаменитые мастера советской литературы. На всю жизнь запало в душу нашего поэта отеческое слово автора "Тихого Дона" и "Поднятой целины" Михаила Шолохова.

После пленарного заседания началась работа на семинарах, которыми руководили Михаил Светлов, Илья Сельвинский, Николай Рыленков, Сергей Орлов, Сергей Васильев и другие мастера. Стихи Николая Благова обсуждались на семинаре Н. Рыленкова, и с их анализом выступали поэты М. Лисянский, В. Захарченко, А. Коваленков, Ю. Друнина. Разумеется, не обошлось без критики и пожеланий, но общий вывод профессионалов был весьма одобрительным, при-

дающим уверенность в своих силах, стремление работать и работать.

Нетрудно представить, с каким приподнятым настроением Николай Николаевич делился в Ульяновске своими впечатлениями об увиденном и услышанном в Москве с Г. И. Коноваловым и В. А. Дедюхиным, со всей знакомой пишущей братией. Со столичными новостями и гостинцами навестил он жену и родных в Крестовом Городище и только после этого вернулся к месту своей работы и жилья — в Мелекесс, где его с нетерпением ждали члены местной литературной группы.

В первую очередь, это Евгений Степанович Ларин, который первые свои стихи напечатал еще до войны, в куйбышевской газете "Будь готов!" и в столичной — "Колхозные ребята". Отслужив в Красной Армии, Е. Ларин учился в Мелекесском пединституте, женился и, работая в газете, писал стихи, сказки. Профессиональным литератором был и Яков Степанович Рогачев, первое стихотворение которого появилось в альманахе "Родная Волга" (Чебоксары) в 1944 году. За прошедшие два десятилетия в печати публиковались многочисленные его рассказы, очерки и, конечно же, стихи. Николай Николаевич уважал Ларина и Рогачева как старших по возрасту товарищей, людей безупречной нравственности и беспредельной любви к литературному творчеству. Очень симпатичен был ему и студент местного пединститута Геннадий Зимняков, который имел все задатки для того, чтобы стать поэтом.

Разговоры-разговорами, а как только появилась возможность уединиться в своей комнатке, поэт

занимается доработкой своих стихов с учетом рекомендаций Рыленкова и других московских руководителей семинара и с творческим подъемом пишет новые — для второго своего сборника, главная тема которого определила и его название — "Волга".

ПОЭМА О ВОЛГЕ

Волга!

Мне, как счастье, дорога ты.

С малолетства дружен я с рекой.

Эта тесная, неразрывная дружба с могучей рекой, которая, как артерия, питала живительными соками треть Европейской части Советского Союза, была одним из истоков поэтического творчества Николая Благова. Начиная с 1950 года, когда в альманахе "Литературный Ульяновск" было напечатано стихотворение "Волга" ("Подхожу, ты с кручи..."), поэт настойчиво обращается к заветной теме в стихотворениях "Жигули", "Старый пароход", "Заволжье" и еще раз в "Волге" ("В этот год..."), "На Мамаевом кургане", в очерке "Строители порта" и в набросках некоторых других творений.

Но понадобилось пятилетие напряженных творческих поисков, пока у поэта появилось видение сюжетного стержня, вокруг которого можно было ладно расположить зарисовки и отдельные картины жизни великой реки, свои думы о ее прошлом, настоящем и будущем, показать неразрывную связь с ней народа, живущего на ее берегах, трудолю-

бие и щедрость души советского человека. И он приступил к созданию поэмы "Волга".

В свойственной ему манере, Николай Николаевич сочинял стихи большей частью на ходу, а за стол садился тогда, когда в голове сложились рифмованные строчки. И уже в феврале 1957 года, когда Ляля Ибрагимовна, получив декретный отпуск, тоже стала жить рядом, он с небывалым подъемом стал читать ей отрывки из заветной поэмы. Впечатление от услышанного было незабываемым, и скупая на похвалу жена горячо поздравила автора с первыми удачами.

Тепло отзывался о рождавшейся поэме и подъехавший из Крестова Городища Николай Афанасьевич. Но отчим был озабочен и прозаическими делами: оформлением прописки и убеждением помолодости беззаботной четы в необходимости незамедлительной регистрации своего брачного союза в загсе, чтобы ребенок не оказался "незаконнорожденным". И 10 марта (в присутствии свидетеля — студента Геннадия Зимнякова) Николай Николаевич и Ляля Ибрагимовна "расписались" в местном загсе, а через пару дней отправились к родным, в Бугульму. Здесь-то и родился 23 числа первенец Благовых — мальчик, которого нарекли Михаилом.

Счастливым отец после этого радостного события несколько часов бродил по Бугульме, пока не оказался в редакции местной "Правды", ответственный секретарь которой — 29-летний прозаик Василий Подгорнов — оказался знатоком его стихов и по памяти продекламировал "Тучу", опубликованную в прошлом году в московском журнале

"Смена". Когда же выяснилось, что теща Подгорного и его жена Валерия родом из Симбирска-Ульяновска, и тоже знакомы с благовским творчеством, то не удивительно, что первый бокал за своего сына Николай Николаевич поднял в доме Василия Подгорного, который станет его закадычным другом.

Весна тогда выдалась ранняя и теплая. Поэт несколько раз ходил в лес и приносил оттуда жене охапки медуницы и подснежников. В один из апрельских дней довелось ему побывать в Ульяновске и понаблюдать с Венца за половодьем на Волге, которое в этом году оказалось необыкновенно величественным. Свои впечатления он выразил строками, которые и стали началом поэмы:

Волга празднует нынче —

Из зимнего вырвалась плена.

Шумом, солнцем широкая пойма полна.

Снежным следом по синему — камская пена.

Подмывая плетни, в огороды заходит волна.

Поднялось и над Волгой всю расплеснулось

Удивленное небо...

И, пораженный великолепной картиной последнего половодья, когда царица русских рек, во всей своей естественной красе, своенравно заливала огромные пойменные пространства, затопляла живописные зеленые острова и косы, заставляла и растительность, и зверей, и птиц, и людей подчиняться своим весенним капризам, Николай Николаевич выразил давнюю неизбывную любовь к Волге, отождествляя ее при этом со всей великой Родиной, вот в таких вдохновенных строках:

*И когда тебя втянет
В простор этот синий,
И когда ты один
С ней бессмертной, одной,
Только выдохнешь:
Волга!
Только скажешь:
— Россия!
И умоешься вечно живою водой!*

Так сильно и прочувствованно мог сказать только такой поэт, как Николай Благов, который считал себя счастливым судьбы, наградившей его правом жить у красавицы и труженицы Волги.

Но у Благова была еще естественная гордость и за то, что он живет и трудится на родине Ильича. Этой весной, первой после XX съезда КПСС, осудившего культ личности Сталина и его последствия, резко возрос поток посетителей в ленинских местах Ульяновска. Среди них можно было встретить и Василия Дедюхина, работавшего над пьесой о семье Ульяновых, и актера драмтеатра Матвея Шарымова, и поэта Николая Краснова, других деятелей литературы и искусства. Наш поэт, не раз бывавший в музее Ленина на бывшей Московской улице (знал всех сотрудников, особенно смотрительницу тетю Лизу, работавшую в музее с первых послевоенных лет), зашел сюда и этим апрелем. В мемориальном саду сложилось стихотворение, которое назвал просто: "В доме Ленина".

*Сверкает мир, теплом весны прогретый.
Приходят гости целый день сюда.
Здесь можно встретить всех людей планеты,
Самих хозяев только — никогда.*

*По комнатам приветливым проходят,
И домик оживает, как при нем,
Когда он был для сверстников Володей,
Для горожан — лобастым пареньком.*

*Сад набирает почки, как и прежде.
Ссутившийся, старый тополь жив.
Деревья падают, как люди, только реже,
Отзеленев свое и людям отслужив.*

А он...

*Когда так много счастья стало,
Ему бы, не старея, жить да жить,
Чтобы не знать нам, как доставало...*

Да, сколько лет...

И все ж — не может быть!

*Внуши себе, что боль не подкрадется.
Прислушайся. Внимательней взглядишь —
Услышишь вдруг, другое сердце бьется,
Большое сердце у тебя в груди!*

Жене поэта и журналисту Андрею Цареву, работавшему в "Ульяновской правде", стихотворение пришлось по душе своим трепетным отношением к заветной для миллионов людей ульяновской усадьбе, стремлением Николая Николаевича как можно раскованнее и проще, без громких эпитетов передать свое преклонение перед величием Человека, возглавившего Великую революцию 1917 года.

А. Царев и предложил редакции "Ульяновской правды" это неординарное стихотворение, но там нашлись люди, которые навесили на него ярлыки: "аполитичное", "заумное и непонятное"... Как только поэт узнал об этих высказываниях, он сгоряча, как бы на спор со скептиками, послал "В доме Ленина" в "Правду". И прошло всего лишь два дня

после поступления стихотворения в центральный печатный орган ЦК КПСС, как оно появилось на видном месте праздничного ленинского номера за 22 апреля! Нетрудно представить, как ликовал в душе молодой поэт и как радовались родные и друзья столь блистательному признанию его таланта.

Майские праздники Николай Николаевич встречал в Крестовом Городище вместе с женой, которая вернулась на работу в местную школу, чтобы через три месяца получить право на очередной отпуск. Здесь поэт внес последние правки в поэму о Волге и в День печати сдал любимое свое детище в "Ульяновский комсомолец", где "с частичными сокращениями" оно появилось в номерах за 11, 13 и 15 мая. Редакция молодежной газеты (ведая об упреках Николаю Благову за "аполитичность" некоторых его творений) во врезке особо подчеркнула, что в "Волге" раскрывается идея глубокой связи народа с великой русской рекой, рассказывается о трудолюбии и душевной красоте советских людей.

А ведь в основе поэмы лежит вовсе не броский сюжет: бригада вологодских плотников из пяти человек, занимавшихся сплавом на Волге, помогает в одном из селений старой матери, потерявшей трех сыновей, обновить крышу дома. В ее доме плотник Василий узнает на фотографии своего фронтового товарища и отправляется к нему на могилу. На кладбище вологжанин встречает девушку, ухаживающую за этой могилой, и влюбляется в волжанку. Таково вкратце внешне незамысловатое содержание поэмы. И тем не менее, благодаря лирической приподнятости и, по меткому выражению

одного из критиков, "особому волжскому складу" и "высокому строю живописного мышления поэта", поэма вызовет немало восхищенных, но, к сожалению, архаичных откликов.

Поэма действительно прекрасна. По глубине проникновения в сущность жизни, по народности темы и языка, по тонкости наблюдений над природой, самобытной образности выражений, органичности своего авторского присутствия во всем и вся, о чем бы ни говорилось в поэме, стихи Благова вполне сравнимы с поэзией Есенина, Некрасова, с жизненной правдой горьковской прозы, а некоторые, точно найденные в груде словесной руды уникальные сравнения и эпитеты, сродни новаторству Маяковского.

Язык стихов поэмы поражает образностью, неожиданными, но точными сравнениями, метафорами и эпитетами, рожденными глубоким знанием природы и крестьянского быта. И кажется, что удачнее и сказать-то невозможно. Вот как Николай Благов описывает причаливание буксира, притащившего по весне пристань на ее исконное место:

*Пароход подошел,
Воду пахтая плечами,
Разутюжил зыбучие волны кормой,
Стопудовую цепь трактор тянет на кручу,
Якорь корни стальные в холодную землю пустил.*

.....
*Пристань — мать волгарей,
Пристань — дом рыбака.
Лодки стаей прижались к ней —
Выводок деревянный.
Как птенцы, под крутые набились бока.
У буксира котлы распирают дыханье.*

Красочно, сочно, картинно обрисована и сплавная работа труженицы-реки и людей:

*А поодаль от пристани
Плотничья гнется бригада.
У парней даже лоб от натуги багров.
Лес добротный на Волге.*

Лес

*— Какой тебе надо?!
Бьют в древесные туши
Железные клювы багров.*

*.....
Покоренные сосны, отшумевшие ели,
Молодые тела закандаленных пихт
Проплывают на стройки,
На рыбного Каспия мели
И в пустыни Казахстана,
К кочевьям барханов слепых.
Это — им.*

*И — не трогать!
Им больше-то где же?!
Нам и в здешнем бору лесу хватит пока.*

*.....
Нам из поймы ловить.
Что за зиму не вывезли —
Штабеля чернолесья,
Завалы берез...*

По одной лишь фразе: "Это — им. И не трогать! Им больше-то где же?" можно представить логику братских, интернационалистских, социалистических отношений, которые уже прочно укоренились в сознании, в крови народов СССР. Впечатляюще нарисована в поэме и картина коллективного труда:

*И на плесе
Работников, как на покосе.
Не работа, а праздник —
Звонят голоса!
Лодки машут скрипучими крыльями весел.*

*Будут солнечным летом
От поля до поля
Пахнуть улицы щепкой,
И крыши сочиться смолой.
Труд веселый артельный!
Разделась бригада:
Без рубашек и маек жара —
Холостежь!*

Удивительно и трогательно, что такой большой, по-русски мужиковато-неторопливый, застенчиво-скромный мужчина так чуток к теме женщины-матери и с такой убедительной и эмоциональной поэтической силой развивает эту тему в поэме "Волга". Старая женщина-мать занимает в ней центральное место. Глядит она на выловленные плотниками бревна и думает о недостроенной крыше своего дома. И с каким состраданием говорит поэт об этой тихой, опечаленной женщине:

*У тебя всей-то силы
От кровати до печки добраться едва.
Поднялась и обмолвилась, не попросила:
— Мне на крышу таких вот бревешка бы два...*

Поначалу молодой плотник отреагировал полужутливо:

*— Что, мамаша,
Видать, сыновья-то забыли?
Приласкала жена, стала мать не нужна?*

И услышал тихий, но потрясающий ответ:

*— Не успели жениться,
Они не забыли,
Да война...
Две могилы оплакала я.*

Молодые плотники, прошедшие суровую школу гражданского и нравственного воспитания в годы Великой Отечественной войны, исконно, по-русскому чутко, отнеслись к чужой беде. Без лишних слов они стали вылавливать баграми и вытягивать на берег подходящие бревна, чтобы воплотить в жизнь мечту старушки. И как скоро пошло у них дело:

*С Волгой вместе любая на радость работа,
Только чуб над бровями сваялся, промок.
На минуту горячие запахи пота
Перебьет папиросный ленивый дымок.
Волга вторит им песней весенней ответной,
То темна,
То снежицы апрельской светлей.
Никогда не бывает пустою бесцветной,
То беда в ней,
То счастье, —
Как глаза у людей.
Где подсобит волной,
Где прохладой поможет —
Как живой человек понимает она!*

До дома старушки, крылечко которого было отмечено "кленовой звездой" (таким почетным знаком пионеры-тимуровцы выделяли дома фронтовиков), выловленные из Волги бревна довез на тележке тракторист, следовавший в село на обед. И до заката ребята напилили добротный тес, настругали рубанками — гладкий, как лед, и гвоздями пришили без трещинки, плотно. "Крыша — лучше железной, сто лет проживет".

После работы бригадир Василий узнает от старушки, что с ее покойным сыном, тоже Василием, они вместе служили на Черноморском флоте. Помянув однополчанина рюмкой, бригадир со

старушкой посетил кладбище. Неизбывное горе матери, пришедшей на могилу умершего от ранений и болезни Василия, обрисовано Благовым штрихами, которые до боли трогают сердце каждого читателя:

*Мать песок разровняла, на корточках сидя.
(Как ей трудно с земли подниматься одной).
Загорюнилась, белого света не видя,
Наклонилась к сыну всею своей сединой.*

"Мать" и "Волга" — два самых святых для поэта слова, представляющих двуединую сущность, источник жизни народа:

*Волга, слава тебе
Это русское имя,
Можно матери дать!
Мы душою срослись с берегами твоими,
Весь прогретый простор твой желяя обнять!
Ты приходишь к нам тучей,
Встаешь урожаем.
Первый раз нас твоей умывали водой.
И последний умоют,
Навек провожая,
Навсегда к старикам-землякам на покой.*

Уставшие после долгого напряженного трудового дня, плотники

*Сена в ночь набросали на сеновал.
В эту пору закат приливает, рассвечен.
Воздух пенится шумным, парным молоком,
Звонко звякают ведра,
И щелкает вечер
Трехсаженным,
Ременным,
Пастушьим кнутом.*

Какой художественный и, вместе с тем, народный язык, какие самобытные, неповторимые об-

разы! Так, несколькими точными мазками сочными красками нарисована картина вечернего села.

Скупое, но с щемящей сердце трогательностью, поэт показал расставание плотничьей артели с одинокой женщиной:

— До свиданья...

Быть может, зайдем еще в гости.

— Вы хоть сколько-нибудь бы, да взяли за труд!

Улыбнулись, потупив глаза виновато,

— Нам такая работа не встанет ни в грош.

Как же будем, мамаша, мы брать с тебя плату,

Если ты нас сама же сынами зовешь?!

И уже родными казались старушке молодые ребята с топорами за поясами, уходившие своей дорогой к Волге.

А над ней

День встает,

Небосвод поднимая широкий.

Вроде ясных таких и не помнится дней.

И когда тебя втянет в простор этот синий,

И когда подойдешь к ней — бессмертной, родной,

Только выдохнешь:

— Волга!

Только скажешь:

— Россия!

И умоешься вечно живою водой!

Этим признанием как начиналась поэма, так и заканчивается. Оно не оставляет равнодушным никого, ибо затрагивает самые сокровенные чувства, помогает понять, какую огромную жизненную силу заключает в себе общность природы и человека, единство Волги и Матери — источник жизни народа-волгаря. Недаром эти проникновенные слова поэта и в наши дни используются в качестве эпиграфа на экологическом форуме.

ЛАУРЕАТ МОСКОВСКОГО ФЕСТИВАЛЯ

Появление поэмы "Волга" в "Ульяновском комсомольце" весной 1956 года было одним из радостных событий в жизни Николая Благова. Одушевленный этой публикацией, он на одном дыхании пишет стихотворение "Цветы", которое редактор Иван Варакин "с ходу" помещает в номере газеты за 6 июня. Стихотворение короткое, но яркое, красочное, раскрывающее, вместе с любовью к родной природе, душу влюбленного молодого человека:

*Луг, словно соты, пахнет медом диким.
Оставив след, здесь радуга прошла:
Ромашки, колокольчики, гвоздики —
Здесь все цветы я знаю, как пчела.*

*Любуюсь на купаву-недотрогу,
От ног вязели отвожу витье.
А сердце бьет одну свою тревогу,
Откликнется ль на зов его твое.*

*Несу тебе цветов букет тревожный.
Признательной улыбки не готовь.
Цветы тебе подскажут все, быть может.
Бери цветы! Бери мою любовь!*

Большую часть лета поэт провел вместе с женой и сынишкой в Крестовом Городище.

Лето выдалось на редкость жарким и засушливым. Вместе с односельчанами поэт с утра всматривался в безоблачное июньское небо, надеясь, что когда-нибудь да разразится оно живительным дождем и не даст погибнуть урожаю. А когда чудо

свершилось, Николай Николаевич доработал стихотворение "Туча", которое сам посчитал настолько удачным, что послал в "Комсомольскую правду". Литсотрудница довольно быстро в дружеском тоне ответила безапелляционно отрицательно: "Туча" сейчас /?!/ просто не ко времени"¹.

Но на той же улице "Правды", в одном здании с "Комсомолкой", нашелся сотрудник молодежного журнала "Смена", который настоял на публикации этого стихотворения в первом же номере. И это закономерно, ибо Благов, лаконично используя житейские штрихи, подвластные лишь сельчанину, мастерски создал драматическую картину тягостного ожидания в засушливое лето и природой, и людьми живительной влаги:

*Три недели... Четыре недели...
Ни дождинки на землю,
Трава под ногами хрустит,
Васильки, поднимаясь над рожью,
Глаза проглядели,
Голубыми их взглядами поле грустит.*

*Призатихло село,
Агроном как распятый на раме,
Все стоит у окна,
Не вздохнешь: накурил.
Счастье ходит кругом
И ворочает глухо громами,
Льет, где лил,
Не капнет... где пыль.*

Туча все-таки пришла и дождь навесной "полился, как молочные струйки в подойник у хорошей доярки, прямой, проливной", придавая жи-

¹ Молодой коммунист, 1957, № 8, с. 118.

вительную силу хлебным полям, огородам и садам, а также надежду хлеборобам, что их труд не пропадет даром. Как справедливо высказалась критик И. Денисова, каждый образ в "Туче" полновесен и незаменим, и, несмотря на простоту и сдержанность интонации, поэту удалось передать полноту и напряженность лирического переживания своего героя. "В стихотворении Н. Благова из села Крестова Городища, — заключила критик, — крепче живет традиция (а не манера!) Маяковского, чем у многих столь же талантливых, но не так глубоко "копнувших" жизнь поэтов столицы"¹.

В конце лета Василий Аполлонович Дедюхин, возглавлявший областной радиокомитет, предложил поэту должность собкора в Ишеевке, где и частное жилье можно было легче снять, и в Ульяновске можно было часто бывать по писательским и издательским делам. Нашлись в Ишеевке и работа учительницы истории для жены, и место в яслях-детсаду для сына. Николай Николаевич здесь имел возможность работать по совместительству и литсотрудником в районной газете. В целом, складывалась сравнительно благополучная обстановка для жизни и творчества.

За зиму Благов написал несколько стихотворений, и одно из них — "Песнь полозьев" — он решил послать в "Смену", надеясь заодно получить гонорар и за прошлогоднюю "Тучу". Главный редактор молодежного журнала Максим Величко 14 февраля 1957 года сам от руки написал письмо поэту и, похвалив "Песнь полозьев", предложил

¹ Молодой коммунист, 1957, № 8, с. 118.

прислать "целую подборку стихов", приложив к ней фотокарточку и коротенькую автобиографию. Примечательна концовка письма Величко к Благову: "Гонорар за "Тучу" Вам не выслали — не было точного адреса, да и послать нельзя — не знаем Вашего имени и отчества, а без этого переводы на почте не принимают"¹.

Да, в свои 26 лет Николай Николаевич все еще беззаботно подходил к житейским вопросам и мог подписать стихотворение, посылаемое в столичное издание, просто: "Н. Благов" и не указать при этом своего адреса. Впрочем, у него еще не имелось постоянного, и он стал указывать: "Главпочтамт, до востребования". Однако, к приглашению главного редактора "Смены" поэт отнесся серьезно и послал-таки и фотографию, и краткие о себе сведения, и подборку стихов, в которую вошли "Песнь полозьев", "Ворон", "Цветы", "Зима" ("Я дома вновь...") и ряд других.

Однако, Николай Николаевич и Ляля Ибрагимовна и во сне не могли предполагать о последствиях, которые наступят для них в связи с публикациями в центральной прессе. Дело в том, что с весны 1957 года во всех городах и весях Советского Союза полным ходом шла подготовка к VI-му Всемирному фестивалю молодежи и студентов, который пройдет в Москве с 28 июля по 11 августа 1957 года. По инициативе журнала "Смена" (являвшегося органом ЦК комсомола), Николай Благов по результатам публикаций был признан лауреатом конкурса поэзии и включен в состав делегации, представлявшей Ульяновскую об-

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

ласть в Москве на все время прохождения Всемирного фестиваля молодежи и студентов. В самый последний момент выяснилось, что Николай Николаевич вправе был уехать в столицу вместе с женой, и он, конечно же, воспользовался этим. Счастливая чета, оставив сына у бабушки в Бугульме, отправилась на фестиваль — празднество, равного которому в стране еще не было.

С тех пор прошло более сорока лет, но Ляля Ибрагимовна живо помнит те незабываемые две недели, когда они с мужем, получив бесплатно комнату в общежитии Литературного института, а также ворох пригласительных билетов на концерты, встречи и другие мероприятия фестиваля, с раннего утра и до позднего вечера являлись свидетелями и участниками огромного праздника. По улицам Москвы группами шли делегаты и гости фестиваля из многих стран мира в своих национальных костюмах. Повсюду возникали стихийные концерты, слышались песни разных народов, а мелодию "Подмосковных вечеров" запевали на всех языках — она стала как бы гимном молодежного фестиваля. На сотнях эстрадных площадок выступали танцоры в красочных национальных одеждах; было что посмотреть на стадионах и в спортзалах. Веселая разноразличная молодежь обменивалась значками, монетами и другими сувенирами.

Особенно радостным событием стало вручение Николаю Николаевичу в Центральном доме литераторов Леонидом Соболевым диплома лауреата и серебряной медали Всемирного фестиваля за 2-е место в литературном конкурсе (1-е занял прозаик Анвар Ходжер, представитель народов Севера,

а 3-е — поэт Павел Халов из Хабаровска). Затем был банкет в ресторане "Прага", куда направились из ЦДЛ большой компанией. Там оказалось немало литераторов-москвичей, которые поначалу выглядели такими всезнайками. Постепенно разгорелось негласное соревнование по чтению стихов Есенина, Пушкина, Лермонтова, Блока. Многих удивило, что волжанин Николай Благов знает так много стихов наизусть и очень хорошо читает. Потом, уже по просьбе окружающих, он с успехом читал свои стихи. В "Праге" Николай Николаевич познакомился с Платоном Воронько, Николаем Доризо, Владимиром Фирсовым и другими известными литераторами.

Этим памятным летом в № 26 саратовского альманаха "Новая Волга", в редакции которого главную роль играл Григорий Коновалов, была напечатана благовская поэма "Волга" (к сожалению, тоже с сокращениями), а в журнале "Молодой коммунист" "Тучу" поэта-ульяновца признали более удачным произведением, нежели сходное по сюжету "Ожидание" Р. Рождественского. Зав. отделом литературы и искусства "Комсомольской правды" А. Елкин в письме к Николаю Благову как участнику III-го Всесоюзного совещания молодых писателей просил прислать стихи и сообщить о своих планах на будущее. А планы, хотя и были весьма скромными, но и осуществлялись удручающе медленно.

Осенью 1957 года Николай Благов получит первую собственную квартиру в доме № 24 по улице Можайского (полуподвал, во дворе, с печным отоплением). Но он не роптал, ибо с жильем в городе было очень и очень трудно.

Черепашьими темпами продвигалась в издательстве "Ульяновская правда" подготовка к выпуску второго сборника Николая Николаевича, сданного еще весной, в который он включил 35 стихотворений и поэму "Волга". По заведенному тогда порядку дирекция издательства отдала рукопись на рецензирование литератором. Доцент и член Союза писателей П. С. Бейсов в рецензии на рукопись сборника дал высокую оценку главному произведению в нем — поэме "Волга", считая ее творческой удачей поэта. "В ней органически сочетаются, — писал Бейсов, — поэзия труда и поэзия глубокого интимного многообразного человеческого чувства. Все это согрето живыми поэтическими переживаниями автора. Ритмико-интонационная организация поэмы, ее поэтический стиль удачны и показывают, что Н. Благов нашел нужную форму. В поэме нет туманных, символических образов. Образы правдивы и свежи".¹

И несмотря на то, что большинство стихотворений и поэма уже публиковались в газетах и журналах (в том числе и московских), не взирая на рекомендации Н. Рыленкова, Ю. Лаптева, С. Баруздина и других руководителей Союза писателей СССР, сборник Николая Николаевича объемом всего лишь в 2,5 печатных листа, под названием "Волга", увидел свет лишь в начале 1958 года.

На выход новинки первым откликнулся давний друг поэта Константин Воронцов, который в рецензии, напечатанной в "Ульяновском комсомольце" особо выделил "обаятельность и красоту поэ-

¹ ГАУО, ф. Р-4061, оп. 1, д. 230, л. 30.

тических образов, щедро и умело используемых автором при описании родной природы. "Можно смело сказать, — продолжал критик, — что некоторые стихи Н. Благова скорее не читаются, а смотрятся, настолько живо, зримо воспроизводят они картины действительной поэзии". В подтверждение этой мысли он привел примеры из "Песни полозьев":

— Избы там, как
Впряглись в огороды,
Так и тянут — аж
рвутся плетни...
Лемехами ломти чернозема
Трактор поровну делит на всех.

Что касается поэмы "Волга", то К. Воронцов был твердо убежден, что "в авторе ее виден недюжинный поэтический талант, умение видеть в нашей жизни прекрасное, светлое, доброе... Это хорошая творческая заявка на большую литературу".

Несколько доброжелательных откликов на сборник "Волга" появилось в столичной печати. Вот что высказал поэт Ф. Фоломин со страницы газеты "Литература и жизнь": "Стихам Благова чужды позерство, туристическое воспевание природы. Поэт открывает перед читателем богатую удивительной красотой жизнь приволжского села... Голос поэта порывист без крикливых возгласов, нежен без расслабленной слезливости. Николай Благов вскормлен и вспоен ульяновской землей, Волгой и никогда, ни единым словом, не изменяет им".¹

Критик И. Денисова в рецензии, появившейся в журнале "Смена", подчеркнула как важную осо-

¹ Литература и жизнь, 1959, 24 июня.

бенность стихов Н. Благова "необычайную свежесть и богатство поэтических мыслей, меткость и выразительность деталей", которые подчиняются "работе" на идею. "Отсюда и непринужденность рассказа о родной природе, о земляках-волгарах, о счастье Родины... При этом он старается избегать лобовых решений, описательства — в книжке почти нет холодных рассуждений".¹

Не обошлось, конечно, и без критических замечаний и предложений. Авторы рецензий советовали поэту композиционно доработать поэму "Волга", сделать ее сюжет более "строгим", убрать "лишние эпизоды, особенно в начале поэмы", например, потопление рыбацкого домика.

Победа в поэтическом конкурсе в честь Всемирного молодежного фестиваля, публикации стихов в столичной прессе, выход второго поэтического сборника и письменная рекомендация Г. И. Коновалова — все это предопределило решение оргкомитета СП РСФСР 1 октября 1958 года о приеме Николая Николаевича в члены Союза писателей СССР. И сразу же после этого события главный редактор газеты "Литература и жизнь" Виктор Полторацкий прислал нашему поэту официальное поздравление и приглашение "завязать" с его редакцией "прочную и тесную дружбу".²

Предложения о сотрудничестве поступили от редакций "Смены" и "Комсомолки", саратовского и куйбышевского альманахов "Новая Волга" и "Волга". Не осталось в стороне и Ульяновское обла-

¹ Смена, 1958, № 8, с. 18.

² Личный архив Н. Н. Благова.

стное книжное издательство, которое в лице редактора Андрея Царева заключило с Николаем Николаевичем договор на издание его третьей книжечки стихов под названием "Денница" (поэт использовал устаревшее слово, означавшее понятие "утренняя заря"). Игорь Хрусталев, сменивший И. Варакина на посту редактора "Ульяновского комсомольца", тоже охотно предоставлял страницы газеты своему бывшему коллеге, а теперь, несомненно, — первому поэту Ульяновска.

Важное деловое предложение поступило от Дмитрия Михайловича Ковалева, бывшего редактора "Смены", а теперь — заведующего редакцией русской прозы и поэзии издательства ЦК ВЛКСМ "Молодая гвардия". Участник Великой Отечественной войны, автор нескольких поэтических сборников, вышедших в родной Белоруссии, Ковалев, работая еще в "Смене", почувствовал в стихах Благова близкую его сердцу безыскусственность и простодушие, свойственные сельчанину, сохранившему верность матушке-земле. Естественно, что, формируя план своего отдела в "Молодой гвардии" на 1959 год, он, не без влияния Г. И. Коновалова, предложил прислать стихотворения и поэму "Волга" для издания их книгой под его редакцией.

Словом, все говорило за то, чтобы поэт целиком отдался творческой работе, и, по настоянию жены-подруги, работавшей учительницей, а то и пионервожатой в 29-й и 1-й школах Ульяновска, он ушел из радиокомитета на "вольные хлеба" (благо членство в Союзе писателей давало на это право). Многие хозяйственные дела — такие, как колка дров, топка печки-голландки, изготовление по-

лок, оклеивание обоями стен и фанерной перегородки (делившей их квартиру на "горницу" и кухню), поэт взял на себя.

С удивительной для окружающих заботой относился 27-летний поэт к своему сынишке, порой не доверяя даже жене. При небольшом недомогании ребенка он уже говорил: "Уезжай с ним в Городище или в Бугульму, ты одна не справишься..." Он сам водил Мишу в детсадик и сам забирал его, обычно усаживая его себе на шею, а дома позволял ему делать, кажется, все, и приятели шутили: "Маленький Миша Благов командует большим Колей Благовым". Такая самозабвенная любовь к сыну и желание постоянно опекать в большой степени были порождены пониманием той большой потери, которую понес он сам от того, что не имел счастья видеть родного отца. Но так как у него был замечательный отчим, то он больше чувствовал ту потерю, которую понес его отец, не успевший испытать счастья отцовства. Эти чувства всегда подспудно присутствовали в нем и тогда, когда он уступал горьким молчаливым слезам Миши, не хотевшего оставаться в садике, и когда ласково выпускал его погулять во дворе через находящееся на уровне земли окошко.

ПЕРВАЯ КНИГА В СТОЛИЦЕ

Затаенные надежды Николая Благова на то, что членский билет Союза советских писателей и связанные с ним повышенные ставки го-

нораров обеспечат прожиточный минимум для своей семьи (с учетом того, что Ляля Ибрагимовна трудилась в школе, а затем лаборантом в пединституте, да мать с отчимом с радостью принимали у себя в Крестовом Городище на "полный пансион" и поставляли им в Ульяновск продукцию собственного подворья) — не оправдались.

В реальной жизни благовские стихи даже в местных газетах "мариновались" по нескольку месяцев и, главным образом, потому, что кому-то из штатных сотрудников казалось, что нашего поэта не вдохновляют "темы семилетки" (хотя ведь при удовлетворении подъемом экономики страны поэт мог и не иметь вдохновения для стихотворчества, скажем, о квадратно-гнездовом методе выращивания кукурузы).

И подобного рода обвинения выдвигались в Ульяновске несмотря на то, что в журналах "Смена", "Молодой коммунист", "Октябрь", "Дружба народов" и газете "Литература и жизнь" особо подчеркивалось "современное звучание" стихов Николая Благова, а пражский журнал "Свет Советов" опубликовал их в переводе на чешский язык именно потому, что считал поэзию молодого поэта-ульяновца характерной для "оттепели", наступившей после XX съезда КПСС. Типичный пример. Редактор "Ульяновского комсомольца" Игорь Антонинович Хрусталев, обладавший редкостным чутьем в распознавании истинной поэзии, опубликовал благовское стихотворение "Земля". Однако нашлись журналисты, причем, неплохо литературно подготовленные, наклеившие на это, надо сказать,

прекрасное произведение, которое мог создать только поэт, сызмальства познавший хлебопашеский труд, ярлык "заумного" и "непонятного".

А ведь Николай Николаевич по существу воспевал новь колхозного села, где земля, взятая "из-под господ", стала "кругом своя":

*Дымится под хлебами,
Июлем запеченная чуть-чуть.
Дымятся разговоры вечерами:
"Ты птицу неразумную возьми,
Возьми грача —
И он за тракторами
Летит, как в старину за лошадьми".
И любит жизнь,
Чтоб угорелый ситный
Дышал подовым жаром по столу,
Чтоб солнце, примурлыкивая сытно,
Свое сорило золото селу".¹*

Но время расставляло все на свои места. С весны 1959 года появилась реальная возможность стать слушателем престижнейших Высших литературных курсов в Москве, куда принимались только члены Союза писателей не старше сорока лет. Куйбышевское писательское отделение ввело Николая Николаевича членом редколлегии альманаха "Волга", а в начале лета вышла его долгожданная книжечка "Денница".

Константин Воронцов, выступивший 27 июня в "Ульяновском комсомольце" с рецензией на этот стихотворный сборник, сделал однозначный вывод о том, что третья книга Николая Благова свидетельствует о "возмужании его замечательного та-

¹ Благов Н. Денница. Ульяновск, 1959, с. 29.

ланта". Причем, не только как лирика, но и как публициста, "отстаивающего все новое в нашей жизни, борющегося за лучшие человеческие идеалы". К числу самых удачных стихотворений критик отнес: "Сыну", "Земля", "Осенняя серая сейка дождей".

Как и в начале своего творчества, поэт в стихотворении "Сыну" с глубочайшим уважением говорит о суровом пути отцов и матерей, всю жизнь отвоевывавших счастье для своих детей:

*Мы прорежены градом
свинцовых годов.
Выцвел вдовий,
застуженный взгляд.*

Но и в начале 1950-х годов он, обращаясь к своему сыну, воспекает старшее поколение, делавшее все, чтобы для молодой поросли солнце всегда сияло "самой светлой своей стороной".

В "Денницу" вошло и несколько стихотворений, в которых Николай Николаевич обличал негативные явления нашей действительности. Так, в памфлете "Гость" он едко высмеял горожанина-литератора, заехавшего в село, чтобы за несколько дней набраться здесь "знания жизни". А результатом стал поэтический пустоцвет, в котором автор описал себя со всех сторон, а фоном стала "новая деревня, без Марьи, без телеги, без ворон".

Сам же Николай Николаевич настолько прирос всеми корнями к ульяновской земле, что не поехал в Москву, согласившись с мнением Г. И. Коновалова, что столичные, по нынешнему выражению, "тусовки" ничего не прибавят к литературному мастерству.

Вместо этого, прекратив свой творческий отпуск (без содержания), Николай Николаевич по приглашению В. А. Дедюхина занял должность редактора литературных передач на делавшей тогда первые шаги в эфире областной студии телевидения. Не последнюю роль в поступлении на эту службу сыграло уверение Василия Аполлоновича, что теперь он получит взамен полуподвального жилья новую двухкомнатную квартиру со всеми удобствами.

Только-только Благовы обустроились в новой квартире, как по повестке Ленинского райвоенкомата 29-летний поэт, имевший отсрочку от призыва на военную службу, был направлен на 90-дневные сборы в 3-ю школу сержантского состава медслужбы, дислоцировавшегося в деревне Сельцы Рыбновского района Рязанской области.

Контингент в медшколе собрался великовозрастный, сугубо штатский (попали сюда и музыканты, и актеры). Жили и учились в палаточном лагере, разбитом в лесу. Овладевать искусством намазывания портянок, обязанностью дневального, рабочего на кухне, медбрата при санчасти и преуспевать в выполнении упражнений на спортивных снарядах, строевых приемов и в совершении марш-бросков было не так-то просто. И несмотря на то, что Николай Николаевич, в отличие от многих других курсантов, с аппетитом поедая перловые и овсяные каши, за время учебы он похудел на шесть килограммов.

Но недаром говорят, что нет худа без добра: поэт овладел профессией медбрата (недаром его мать когда-то мечтала видеть его медиком) и на-

метившийся "животик" — исчез. А главное, по словам Ляли Ибрагимовны, Николай Николаевич как-то посерьезнее, что ли, стал относиться к жизни, бережнее расходовать свободное время, стал более собранным, и, наконец, армейская служба благотворно сказалась на усилении его творческой активности. Была еще одна "польза" от пребывания на Рязанщине: на обратном пути поэт посетил село Константиново, чтобы посмотреть есенинские места. А в конце августа загорелый, в полинявшей полевой форме с погонами старшего сержанта медслужбы, в кирзовых сапогах и явно маловатой для большой головы пилотке Николай Николаевич вернулся домой.

Через несколько дней в Ульяновск приплыл из Саратова Григорий Иванович Коновалов в отпуск, с женой и сыном. Жил он у сестры, но большую часть времени проводил с поэтом: ходили на Свягу, ездили в лес за грибами, любовались Волгой с Венца. Вместе они и рассматривали сигнальные экземпляры благовского сборника "Глубинка", присланные из "Молодой гвардии" Д. М. Ковалевым, который приложил немало сил для того, чтобы эта первая книга ульяновца в Москве и внешне выглядела привлекательно, и, главное, — в лучших образцах представляла почти десятилетний его поэтический труд.

Первым, уже по традиции, в "Ульяновском комсомольце" откликнулся на это радостное событие Константин Воронцов. Отметив, что большая часть из 50-ти представленных в "Глубинке" стихотворений и поэма "Волга" впервые публиковались на страницах им обоим близкой молодежной газеты,

критик констатировал, что в московском сборнике напечатаны и новые стихи, причем, "совершенно иного направления, даже других тем", хотя художественное их решение остается благовским. "Это, — продолжал Воронцов, — все большее внимание поэта к темам и образам социальным, более злободневным". Особенно ярко проявился талант Николая Николаевича как лирика-публициста и патриота в стихотворении "Ровесники" — автобиографическом раздумье о своей судьбе и судьбе сверстников — ребят, принявших в годы Отечественной войны на свои плечи тяжелый мужской труд. Поэт страдал вместе с родимой страной, которая была "в руинах, в могилах, в дыму", и "сросся любовью" с нею:

*Так мы понимаем, как мать
дорога нам,
Дежуря впервые над нею
больной.*

Горячее чувство сыновней любви к Отчизне, стремление внести свою лепту в ее восстановление и новый расцвет, по словам московского критика Н. Пичугиной, "освещает душевным теплом весь сборник стихов молодого ульяновского поэта". И чувством хозяина, который еще в дыму военных пожаров замечал, как "кипрей распустился в безмолвье" — символом памяти и всепобеждающей жизни:

*Не цветок, не пожар!
Это память пожаров.
И повсюду, где мета пожаров видна,
он пылает.*

*Но слишком уж жарко, пожалуй,
Запылал он в лесах, где металась война.*

В сборнике "Глубинка" и поэма "Волга", обогащенная современными картинами великой реки-труженицы, стала, говоря словами редактора сборника Дмитрия Коновалова, "куда цельнее и глубже"¹. Примечателен отзыв доцента П. С. Бейсова о творчестве своего бывшего студента: "Его искренние и поэтичные произведения радуют читателя, обогащают его духовный мир. Вокруг произведений Благова спорили и спорят. И не столько, может быть, по тем проблемам, которые им поэтически решаются, сколько о подходе к жизненному материалу, о форме его стихов, он избегает пересказа событий, а, возможно, и не может быть иллюстратором... Николай Благов, как говорят в таком случае, божьей милостью поэт. Его последняя книжка "Глубинка" убедительное тому доказательство"².

Новый 1961 год и свое тридцатилетие Николай Николаевич встречал вместе с приехавшими из Крестова Городища матушкой и отчимом. Накануне своего юбилея он написал стихотворное раздумье о прожитом и настоящем, проникнутое верой в лучшее будущее:

*Я никогда так полон не был
такую ясностью сквозной, —
так просеки — текучим небом,
так проруби — голубизной.
А долго ль жить? А ну-ка, смерьте,
коль жизнью сроду не напыюсь,
и потому, наверно, смерти
знать не хочу. И не боюсь.*³

¹ Архив Н. М. Благова.

² ГАУО, ф. Р-4061, оп. 1, д. 230, л. 44.

³ Благов Н. Просыпаются яблони. Саратов, 1963, с. 91.

Сразу же после новогодних праздников Николай Николаевич отправился поездом в Сталинград, куда его усиленно приглашал в гости поэт-фронтовик Федор Григорьевич Сухов, чтобы своими глазами увидеть места, где была разгромлена армия Паулюса, посмотреть на восставший из руин красавец-город и пообщаться с тамошними литераторами. Хотя Сухов был старше его на восемь лет и успел уже окончить Литературный институт, но разговор на поэтические темы шел у них на равных: сказывалось, что оба они выросли в крестьянской среде и основные темы творчества для обоих — это труд деревни, природа родного края.

Компанию им составил поэт Освальд Лаврентьевич Плебейский, прошедший во время войны путь от Киева до Карпат, где был тяжело ранен. За участие в боях имел орден Славы III степени и медаль "За отвагу". Печатался он давно, но первая книжка его стихов вышла в Сталинграде только в 1959 году и называлась несколько отпугивающе для "деревенщиков" — "Стальной календарь"¹. Однако пафос, с которым Плебейский отстаивал внедрение новой техники, и его влюбленность в культуру не могли не импонировать любителю и лирики, и публицистике.

Впечатления от четырехдневного пребывания в Сталинграде и общения с Суховым и Плебейским у Николая Николаевича остались незабываемые, а дружеские отношения между ними сохранятся навсегда.

¹ Плебейский О. Стальной календарь. Сталинград, 1959, с. 3.

Одним из неожиданных последствий поездки в Сталинград стало решение нашего поэта съездить на свою далекую родину, в Ташкент, чтобы найти могилу родного отца, Николая Гавриловича, и людей, которые знали его. Адрес в Ташкенте (ул. Воровского, 31) дала мать. Но три десятилетия спустя там уже проживали другие люди, и поиск закончился безрезультатно. Не состоялась и заранее намеченная встреча с лейтенантом-вертолетчиком Николаем Лысовым (племянником отчима) на станции Кызыл-Орда, куда тот не сумел вырваться к своей семье из тогда еще неизвестного Байконура: ведь это был канун полета Юрия Гагарина...

Непосредственным начальником Николая Благова, как редактора литературных передач, стал Константин Петрович Воронцов, теперь — первый редактор областной студии телевидения. В добрых отношениях со студенческими времен находились и их супруги — Ляля Ибрагимовна и Римма Ивановна. Но дружба — дружбой, а служба — службой, и поэту на первых порах было нелегко, ибо пришлось иметь дело не только с местными собратьями по перу, но и с литераторами, прибывавшими познакомиться с родиной Ленина на поездах, самолетах, теплоходах и автобусах, готовить передачи с участием актеров, музыкантов, художников, краеведов, представителей ветеранских и иных союзов и организаций. В число первоочередных тем, которые Николай Николаевич включил в перспективный план своей работы, вошли передачи о Волге, о великом художнике-земляке Аркадии Платове и герое-революционере Александре Ульянове.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ОРБИТЕ

Конец зимы 1961 года ознаменовался для Николая Благова заключением с Андреем Царевым — редактором Ульяновского областного книжного издательства — договора на сборник стихов под названием "Маковое поле". Получение половины причитающегося гонорара позволяло ему уйти в творческий отпуск и оставить должность редактора литературных передач студии телевидения. Поэт не преминул воспользоваться такой возможностью, чтобы пожить на "вольных хлебах". Как бы в подтверждение серьезности своих намерений, он 2 апреля опубликовал в "Ульяновском комсомольце" отрывок из поэмы "Изба", в котором рассказывалось о братьях-близнецах, проявивших трогательную заботу о старушке-матери, которая была не в силах расстаться со своей ветхой избушкой.

Сенсационное сообщение ТАСС (телеграфного агентства Советского Союза), прогремевшее 12 апреля о часовом полете майора Юрия Гагарина вокруг нашей планеты, Николай Николаевич, как и все окружающие, встретил с ликованием и гордостью за свою Отчизну, выигравшую напряженнейшее соревнование с США — лидером капиталистического мира — в освоении землянами космического пространства. Все человечество воочию убедилось в высоком уровне развития науки и техники первого в мире социалистического государства, сумевшего, благодаря плановому характеру своей экономики, стать пионером в осуществлении многовековой мечты обитателей нашей планеты.

Николай Благов, глубоко веривший в творческие силы своего народа, еще в стихотворении "Наш век" предвещал:

*Уже мечта не за горою:
Как строки светлых телеграмм,
Мы наш, мы новый мир построив,
К далеким ринемся мирам.¹*

Теперь же, вдохновленный полетом Юрий Гагарина, он в стихотворении "Первому космонавту" создает картину всемирно-исторического события:

*И с долгим громом распахнулись двери
В покои сокровенные светил.
И свергнуто куриное неверье
Большим размахом человеческих крыл.
Летишь —
Ты слышишь сердце и дыханье,
Ты, сын Земли, остался жив-здоров
В безветрии глухого мирозданья,
Под пристальными взглядами миров.²*

В приподнятом настроении Николай Николаевич совершил двухнедельное путешествие по Суре с Василием Подгорновым. И не случайно — с ним: прежде чем стать литератором, Василий Михайлович двенадцать лет проработал агрономом-пчеловодом и был таким великолепным знатоком природы, что даже Благов, коренной сельчанин, мог многое узнать о тайнах лесов, "широкошумном языке деревьев, о золотых пчелиных трассах", о жизни и повадках других многочисленных обитателей лесов, лугов, рек и озер.

¹ Благов Н. Маковое поле. М., 1962, с. 9.

² Там же, с. 10.

Оставшуюся, большую часть лета Благов вместе с женой и шестилетним Мишуткой провел у ма-тушки в Крестовом Городище. Здесь, на родных просторах, окончательно сложились образные стро-ки стихотворения "Проводы", которое 23 июля на-печатала "Ульяновская правда":

*Хлебом жнитво, как птицам осень:
Наружу торкнулось зерно,
И стали гнездами колосья,
В которых вывелось оно.*

*.....
Ты это назови, как хочешь:
Страда, уборка, обмолот,
Но я-то слышу —
Днем и ночью
Идет великий перелет.*

Этой же порой родились известные лирические стихотворения "К чему придраться бы разлуке", "Жила-была..." — все о любви, о сложностях ее существования, о ее непобедимой силе, об украденном войной счастье молодой женщины; сти-хотворение "Бунт яблонь" — с большой художест-венной силой клеймит человеческую скупость.

Деловой настрой поэта продолжался осенью и зимой в Ульяновске, где были созданы: "Сад" (о подмерзших, обрубленных и вновь зацветших яб-лонях, сравнимых с образом невесты...), "Зима сто-ит — такая россиянка!" (с россыпями поэтических находок, например: "склонившись, как над про-рубью крестьянка, луна полощет длинные снега"), "Памятник" (со словами, от которых — мороз по коже: "Да если б сын, да встретил мать глазами, да разве б он на месте устоял!") и, наконец, "Ма-

ковое поле", давшее название сборнику. Здесь вдруг проявившаяся красота земли в виде цветущего макового поля выражена чудесными образами: "...как будто девушка прошла и красотой неусмиримой, любовью землю подожгла" или: "Сумела все ж принарядиться, всю душу мне разбередить земля, привыкшая трудиться и хлеб, единый хлеб родить!"). Эти и другие стихи позволили Благову с чистой совестью сказать Андрею Цареву, что теперь от него зависит срок выхода сборника.

Впрочем, авторитет нашего поэта после выхода в Москве первого сборника — "Глубинка" — и похвальных отзывов о нем в центральной прессе заметно стал расти и в родном Ульяновске, где Благов формально возглавил поэтическую секцию. За короткое время Николай Николаевич дважды выступил в "Ульяновском комсомольце" (25 октября 1961-го и 1 января 1962 года (с обзорными статьями, в которых с удовлетворением отметил активность большой группы молодых поэтов — Владимира Пыркова, Юрия Кононенко, Владимира Карасева, Геннадия Зимнякова, Геннадия Левина).

Как отрадную примету дня Благов признает, что литактив меняется в лучшую сторону. Если раньше он преимущественно состоял из учителей литературы и русского языка, то теперь среди авторов преобладают люди "богатых судеб". К их числу он отнес инженеров-конструкторов Анатолия Певко и Виталия Масюкова, считая, что сама специальность помогла им отказаться от тех слащавых, надоедливых ручейков, соловьев, воспоминаний семнадцатилетних стихотворцев о давно минувшей юности, от сентиментальной "ласточкиной слю-

ны", слепившей не одно гнездо халтуры, против которой восставал еще Маяковский". Что касается упреков в адрес А. Певко, что он находится под влиянием стихов Е. Евтушенко и А. Вознесенского, то Николай Николаевич выразил надежду, что лирик-инженер избавится от "родимых пятен". И, как бы подбадривая, заметил: "Стихи Евтушенко и Вознесенского сами изобилуют литературными реминисценциями (отзвуками чужих произведений. — Ж.Т.)..."¹ Благов мог позволить себе такое публичное высказывание в адрес новомодных московских поэтов, ибо сам еще в ранней молодости сумел освободиться из плена подражания великим...

В этом же январе 1962-го Василий Аполлонович Дедюхин, возглавлявший в Ульяновске писательскую организацию, сообщил Николаю Благову, что в середине февраля им двоим надлежит отправиться в Горький, где состоится трехдневное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР. Поэт, конечно же, обрадовался самой возможности встретиться со старыми знакомыми, причем не только волжанами, но и из уральских и сибирских областей, повидать и именитых деятелей литературы.

Неожиданно для себя Николай Николаевич оказался одним из героев представительного заседания, проходившего под председательством Леонида Соболева. Уже в первый день работы Рыленков в своем докладе "Поэзия Поволжья" с похвалой отметил поэму "Волга", заявив, что Николаю Благову удалось в ней "с согревающим душу челове-

¹ Ульяновский комсомолец, 1962, 1 января.

ским теплом" на будничном случае — помощи бригады сплавщиков старушке-матери фронтовика — раскрыть "высокую поэзию советского гуманизма". Одобрительно отозвался докладчик и о других лирических стихах ульяновца, в которых он старается по-новому осветить "привычные примелькавшиеся явления и тем самым как бы заново обжить принятый в сердце и душу мир".¹

Молодогвардейский редактор его книжечки "Глубинка" Дмитрий Ковалев с гордостью говорил о том, что многие стихи Благова знает наизусть, ибо в них "есть нечто такое, что остается в душе надолго, если не навсегда". Ведь иногда в его "одной-двух строках открывается многое — не только образ природы, но и человеческое в ней". И Волга в благовских стихах "такая великая и новая и, главное, такая сильная, так по-хозяйски трудится для всей России". "Многие пишут у нас о любви, — продолжал Ковалев. — Подчас так, что обидно за нее, за любовь-то. Вроде бы она ничем не отличается от прочих маловажных дел. А у Благова это так робко, так непридуманно, так грустно-радостно..."²

Корреспондент газеты "Литература и жизнь" (органа правления Союза писателей РСФСР) в своем отчете о заседании в Горьком привел слова челябинской поэтессы Людмилы Татьяничевой: "С чувством большой радости прочитала я сборник стихов Николая Благова "Глубинка". Хочется, чтобы эту радость разделили со мной не только писа-

¹ Литература и жизнь, 1962, 21 февраля.

² Там же, 1962, 25 февраля.

тели-волжане, творчество этого настоящего талантливого русского поэта должно стать достоянием широкого читателя Российской Федерации". Далее в газетном отчете говорилось: "Участники совещания попросили Н. Благова прочитать свои произведения. И когда он прочел удивительно емкие, образные, какие-то ароматные и по-хорошему земные стихи, зал долго аплодировал молодому поэту".

"Литература и жизнь" сочла необходимым опубликовать все четыре стихотворения, прозвучавшие из уст Благова на писательском форуме. Это — уже упомянутые выше ошеломляющие "Зима стоит — такая россиянка!" и "Памятник". Другие два — тоже шедевры. "Не все трезвон свой сыпать по кладовым" — это своеобразный, по-благовски образный гимн солнцу. Достаточно только привести строки: "Вздремнуло солнце на пеньке сосновом, живицы мед стекает по усам" или: "Мы шли и расступился перед нами послушных сосен медногрудый строй". И можно представить, как мог буквально пронзить зал раскатистый голос поэта словами, полными оптимизма, простого, ясного и вместе с тем глубокого философского смысла: "Ведь если бы вся жизнь была не чудо, так кто бы согласился жить тогда?!" А стихотворение "Плотник" — гимн человеку труда, его творческой и романтической души ("Из каждого бревна цветы навстречу рвутся, и птицы неба ищут, — просят жить. Они, как клад, лишь мастеру даются. Их на наличник надо усадить!"). С душой нараспашку, щедро прозвучали заключительные строки об умельце-плотнике, плотнике-художнике:

— Эх, строитель!
Зачем нам терем?
Ведь у нас гроши...
Скажу:
Не надо ничего.
Живите.
Я для себя работал.
Для души.

О небывалом в поэтической среде успешном выступлении Николая Благова свидетельствуют письма, которые стали поступать к нему от главного редактора всесоюзного сборника "День поэзии. 1962" Михаила Луконина, зав. отделом московского журнала "Знамя" Станислава Куняева, главного редактора журнала "Юность" Бориса Полевого. Письмо автора знаменитой "Повести о настоящем человеке" начиналось с весьма любопытного сообщения: "Мои земляки — калининские поэты (среди них был Андрей Дементьев. — Ж.Т.), — возвращаясь из Горького, с большой симпатией рассказывали мне о Вас и Ваших стихах, которые по их словам читали Вы им целый вечер. Все это очень меня заинтересовало.

Василий Дедюхин, гордившийся успехами Благова, не преминул представить его всему московскому писательскому начальству, а также С. Баруздину, М. Прилежаевой, С. Бабаевскому и другим маститым знаменитостям. Считая себя по возрасту как бы опекуном Николая, он вовлек его в осмотр достопримечательностей Нижнего — Кремля, домика Каширина, связанного с детством Алексея Пешкова, дома Добролюбова на бровке волжского Откоса, здания губернской гимназии, где жила семья Ульяновых и 31 марта 1866 года родился их сын Александр.

Не без влияния Василия Аполлоновича — автора всесоюзно известной пьесы "Нет прекрасней назначенья..." (о симбирском периоде жизни Ульяновых), напряженно трудившегося в это время над пьесой об Александре Ильиче, Николай Николаевич знакомится с книгами о жизни героя-революционера, написанными ленинградцем Сергеем Семановым ("Во имя народа") и киевлянином Владимиром Канивцом ("Александр Ульянов"). Под впечатлением от прочитанного поэт пишет прощикновенную рецензию для "Ульяновской правды" (под названием "Брат вождя"), где она и была напечатана накануне 75-летия гибели Александра Ильича и его товарищей, которые 1 марта 1887 года "жертвенным подвигом своим нарушили погребное молчание России той поры и разбудили новое поколение революционеров"¹.

Этой весной, в связи с приближением годовщины со дня рождения Владимира Ильича, в местной печати появилось особенно много публикаций на ленинскую тему. Доцент П. С. Бейсов 4 марта поместил в "Ульяновском комсомольце" очерк "Поэзия Пушкина в семье Ульяновых". Молодой журналист Геннадий Демин опубликовал репортаж с состоявшегося в Ульяновске заседания секретариата Союза художников РСФСР с рассказом о том, как наш город будет выглядеть в недалеком будущем. Так, согласно проектам ленинградских архитекторов, "от Краеведческого музея до общежития пединститута лицом к Волге встанут светлые корпуса университета. Там, где стоял дом, в кото-

¹ Ульяновская правда, 1962, 1 марта.

ром сто лет назад родился Владимир Ульянов, будет гореть вечный огонь. Здесь же встанет обелиск, символизирующий родину Ильича... Около парка им. Свердлова будет построено здание, в котором разместится новый филиал Центрального музея В. И. Ленина"¹. А 22 апреля, под заголовком "Ленин — это весны цветенье", молодежная газета опубликовала статью Владимира Пыркова, о том как набирают силу "ростки коммунистического завтра" в комсомольской организации СENGилеевского цемзавода. Словом, ульяновские литераторы шли в ногу со своим временем, как и их столичные собратья, скажем, Андрей Вознесенский, который убеждал всех своих коллег по перу, что "сейчас основное в нашей жизни — это борьба за коммунистическую душу человека".

А Николай Благов в апрельские дни завершил корректуру сборника "Маковое поле" и сразу же после майских праздников выехал в Москву, а оттуда в Ростов-на-Дону — на очередное выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР. До начала этого форума литераторов юга России, на который прибыли Леонид Соболев, Лев Кассиль, Сергей Михалков, Семен Бабаевский, Анатолий Сафронов, Сергей Смирнов, Василий Федоров, Аркадий Первенцев, Анатолий Калинин, Роберт Рождественский, Дмитрий Ковалев и другие известные писатели, Николай Благов совершил поездку в станицу Вешенскую, где Михаил Шолохов рассказал гостям о творческих планах, недавнем посещении Англии и охарактери-

¹ Ульяновская правда, 1962, 1 апреля.

зовал работу своих земляков-писателей "Донской роты". Общее настроение на писательских встречах по-деловому выразил Виталий Закруткин, призвавший собратьев показать в своих очерках, рассказах, повестях и поэмах "во весь рост наших кормильцев, мастеров полей"¹.

Вещественным напоминанием об этой поездке Благова является братина (большая керамическая кружка) с медалью — печатью Войска Донского, которую Ляля Ибрагимовна хранит дома как дорогую реликвию.

Вскоре, после возвращения в Ульяновск, Николай Николаевич получил у А. Царева сигнальный экземпляр своего сборника "Маковое поле". Радость автора разделили как старые знакомые — Константин Воронцов, Игорь Хрусталеv, Анатолий Ивлиев, Петр Бейсов, Василий Дедюхин, — так и новые, работающие в редакции "Ульяновского комсомольца" — Александр Путин и Станислав Романовский.

В конце лета Василий Аполлонович добился для четы Благовых семейной путевки в Дом творчества в Гаграх, и с остатком авторского гонорара Николай Николаевич и Ляля Ибрагимовна отправились поездом через Москву впервые в жизни к Черному морю и познали прелести бархатного сезона в субтропиках. Все оказалось приятным: и Дом творчества (расположенный в трехэтажном старинном особняке, рядом с пляжем), и очень теплая погода, и, главное, тихое и ласковое море. Было с кем и поговорить, и сыграть в шахматы; побывали

¹ Литературная газета, 1962, 12 мая.

на экскурсиях в Сочи и на озере Рица. Но, как это ни странно, черноморская экзотика не вызвала у поэта-волжанина прилива вдохновения, он не воспел ее в стихах.

Приятным сюрпризом во время пребывания в Гаграх стал номер "Литературной газеты" от 16 октября с откликом Егора Исаева на сборник "Маковое поле". Главный вывод: о чем бы ни писал Благов — "образы его объемны, красочны и конкретны. Во всем чувствуется острый глаз художника, знающего цену точного слова... Книга радуется свежестью звучания и глубиной мысли".

А в Ульяновске Николая Николаевича ждала приятная весть от Григория Коновалова о том, что Саратовское книжное издательство готово издать томик его избранных стихов, в который неплохо бы поместить и что-нибудь из новых произведений. Начались трудовые будни — работа по выводу нового сборника на поэтическую орбиту.

С ЛЮБОВЬЮ К ПЛАСТОВУ

Как-то глубокой осенью 1962 года Анатолий Петрович Ивлиев, которого Николай Благов сначала знал как журналиста районных газет и поэта, а потом и режиссера областной студии телевидения, пригласил на просмотр документального фильма "Народный художник", создаваемого им к 70-летию со дня рождения Аркадия Александровича Пластова.

Николай Николаевич, по его признанию, со школьных лет полюбил живопись этого замечательного мастера, а в студенческие — уже был глубоко убежден, что "нет другого художника, который с такой поэтической силой и широтой рассказал бы о русском крестьянстве, о людях колхозной деревни"¹. Сам поэт не отваживался навестить Пластова в его родной Прислонихе, ибо из рассказов Василия Дедюхина знал, что Аркадий Александрович — великий труженик и не очень-то жалуется литераторов-экскурсантов. Поэтому он с интересом отнесся к фильму Ивлиева о Пластове, тем более, что знал о профессионализме своего приятеля, основательно овладевшего технологией создания документальных лент во время заочной учебы во ВГИКе (Всесоюзном гос. институте кинематографии).

Просмотр короткометражки, а также комментарии Ивлиева и его соавтора — оператора Анатолия Горшкова — дали обильную пищу Николаю Благову для глубоких раздумий о великом художнике-земляке и поэтических наметок. После одухотворенной работы над каждой строкой родилось стихотворение, которое он назвал "Хозяин (художнику А. А. Пластову)". Редактор "Ульяновского комсомольца" Станислав Романовский, тоже страстный поклонник Аркадия Александровича, высоко оценил новинку Николая Благова и поместил ее в праздничном номере газеты за 1 января 1963 года.

Это стихотворение — одно из его довольно сложных произведений. Оно не воспринимается при беглом чтении, с лету. Когда же не торопясь вчита-

¹ Ульяновский комсомолец, 1966, 1 января.

ешься в каждую глубокую и емкую его мысль, почувствуешь каждую образную строку, то поймешь, что это — не просто посвящение Аркадию Платову размышлений поэта, а прием автора раскрыть образ великого художника, обращаясь к читателю от лица его героя, выражая его словами его мысли, чувства, мироощущение. Но чтобы, как говорится, предметно рассуждать об этом произведении с читателем, наверное, не лишне привести его полностью. Ведь стихотворение — уникально, написано большим поэтом о большом художнике, и, право, заслуживает этого.

*Жить на миру — совсем не для
огласки.*

Опять мне утро, день — какая честь!

*Пчелой в цветок вползает солнце
в краски,*

Как будто солнце — это я и есть.

Сейчас, поди, все кисти обнажили,

Не зная сами, что у них в руках,

Художества чистюли пристяжные —

Вовек им не ходить в коренниках.

О, памятники!

Въедливый мой опыт

Разъял ваш блеск:

Когда вокруг вас галдят,

Ползут из меди лампы рудокопов

И камнебойцы из камней глядят.

Работают работники,

Чтоб с ними

Мир возникал из нового литья,

Пока их праха не погаснет иней

На черных атомах небытия.

Я сам-то к ним, как родинка,

причастен,

Как пятерня, как все, на что гожусь.

Мне ходкий плуг вывихивал запястья,

Горн искрой сек — уменьем я горжусь.

Да кинь меня в лесу, на бездорожье,
Лежневку проложу через тростник,
Поставлю дом, засею карту рожью,
Привью деревья, сруб спущу в родник.
И вырежу, и выбью, как кресалом,
Ножом, а нет, так ногтем

из корней

В безумии хохочущих русалок,
Осокою поросших упырей.
И эти деревяшки рты разинут,
Когда сквозь березь грезя, сквозь

камыш,

Создам тебя, входящую в картину,
Такой и лучше,
Чем сейчас стоишь,
Раскрыта вся (нет красоты зазорной!),
И бьются груди (с кулачок пруды),
И взгляда не боишься, как озерной,
Все тело забирающей воды.

Поэт видит в великом художнике "хозяина", но не в том, меркантильном смысле, который так грубо пронизал нашу теперешнюю жизнь. Он рисует в его образе не собственника или деспота, а труженика и умельца, знатока и ценителя в отношении и природы, и искусства, и естества самой жизни, "хозяина" — творца, созидателя, владеющего богатством таланта и секретами проникновения в сущность красоты природы и искусства. Ему подвластны и любой крестьянский труд, и тайны природы, с которой он, сельский житель, представляет единое целое, и которой он благодарен за каждый новый день, ему подвластен и мир красок и художественного творчества. Именно в этом смысле он — "хозяин". В то же время отметим, что в образ Пластова Благов вводит и такую его принципиальную черту, как неприятие искусства без-

душных мастеров-ремесленников — "художества чистюль пристяжных", которым "вовек не ходить в коренниках".

Работа над поэтическим образом "академика из Прислонихи", как окрестили журналисты члена Академии художеств и народного художника СССР А. А. Пластова, настолько сблизила Николая Благова с Аркадием Ивлиевым, что они решили объединить свои силы для создания об Аркадии Александровиче нового фильма, который по своим художественным достоинствам имел бы право выйти на всесоюзный экран. Этот творческий замысел сыграл не последнюю роль в том, что поэт в марте 1963 года занял пост старшего редактора литературных передач областной студии телевидения.

А академик Пластов, в феврале награжденный в связи с его 70-летием орденом Ленина — высшей наградой страны, задержался в Москве дольше обычного и прибыл в родное село только с наступлением апрельского тепла. Каждый погожий день он шел в лес "колдовать" над своими картинами. Николай Благов знал об этой привычке и отправился с Ивлиевым в Прислониху в дождливый день. Но Аркадий Александрович уехал куда-то на мотоцикле, и гости, узнав от его жены, Натальи Алексеевны, что муж вернется только через часок, использовали это время для посещения прекрасного парка в Языкове, где когда-то гостил у своей "родни по вдохновенью" Александр Пушкин.

О том, как произошла потом встреча в Прислонихе с Аркадием Пластовым, Благов, как всегда, сочно, колоритно рассказал в очерке "Солнце ху-

дожника", появившемся 1 мая 1963 года в "Ульяновской правде".

"Семидесятилетний художник выглядел крепко и постависто. Говор — чисто крестьянский, необычно сгущенной образности. Чувствовалось, что художник находится в том высшем состоянии духа, когда уже ничто не способно отвлечь от работы. Руки его, крестьянина, жесткие и налитые, не терпеливы. Он томится — оттого ли, что нет солнца, оттого ли, что нагрянули гости. Он и в серые дни постоянно за работой. На полках мастерской расселись бесчисленные сказочные фигурки различных леших, русалок, фей, вырезанные из корней деревьев в такие серые дни. Вернее, эти фигурки созданы самим лесом. Художник только подглядел и "дорисовал" их.

— Будь я абстракционистом, — смеется Аркадий Александрович, — так сделал бы выставку этих корней. Глядишь, на весь мир прославился бы. Как нынче-то бывает?.. Деревянный скоморох на полке покатывается со смеху. А художник показывает нам свои слепящие солнцем эскизы, где любой капельный цветок дышит и радуется. Лицо деревенской девочки (художник называет имя ее и фамилию), лица прислонихинских колхозников (и художник рассказывает о их жизни, характерах — это друзья детства). Во всем — своеобразное толкование красоты трудового человека. А этого старика уже нет в живых, — печально вздыхает художник.

Среди многих эскизов чистой жизнерадостности "Смерть дерева" веет толстовским раздумьем. Листва падающей, спиленной березы кипит и све-

тится, хотя из коры по резу капельками крови сочится и густеет сок. Невольно начинаешь думать о назначении искусства, о его истоках".

Резко осудив произведения, в которых за броской формой скрывается бессодержательность, Благов продолжает: "И радостно было лишний раз сознать, что реалистическое искусство не умерло на передвижниках. И картины Пластова в высшей степени правдивые, спокойные, без всякой суеты, были протестом всему надуманному, формалистическому, суетливому. И в бревенчатой мастерской, поставленной руками художника, незримо присутствовали и Павел Корин, и Сергей Коненков, и Михаил Шолохов, и Александр Твардовский.

Было понятно, что формализм рождается на том пустыре, где нет ясного понимания народной жизни и постоянного участия в ней. Пластов наперечет знает всех своих сельчан. И опытен в любом крестьянском деле. Картины его — одна из самых красочных сторон художественной автобиографии века..."¹

Околдованные талантом самобытного художника, красотой и естественностью его искусства, Благов и его спутники на пути к Ульяновску сделали остановку и попытались в похожем на пластовские пейзажи лесу найти хотя бы один корень, подобный заселившим полки его мастерской фигуркам. Увы, безуспешно, и поэт сам объяснил почему: сказочные клады даются только в руки мастера.

¹ Ульяновская правда, 1963, 1 мая.

Несомненно, что Николай Николаевич, находясь под сильным впечатлением от пребывания в Прислонихе, продолжил бы постижение чудесного искусства Пластова, но неотложные семейные дела потребовали отдачи всего себя. Зимой шестилетний сынишка Миша простудился и переболел пневмонией. Врачи настоятельно рекомендовали вывезти его на поправку в Крым. Союз писателей выделил путевку в Дом творчества в Коктебель, и после майских праздников Николай Николаевич отправил на отдых с Мишей Лялю Ибрагимовну, ожидавшую второго ребенка. В июле, когда уже жена с сынишкой вернулись в Ульяновск, поэт получил прибывшую из Саратова бандероль с авторскими экземплярами своего сборника "Просыпаются яблони". А 2 сентября в семье Благых произошло грандиозное событие: появились на свет девочки-близнецы Марина и Светлана!

Вспоминая через три с лишним десятилетия этот незабываемый день, Михаил Благов рассказывал: "Частенько я просил у родителей "купить мне сестричку, чтоб с ней играть". Второго сентября (первое было воскресеньем) отец проводил меня в первый класс. После школы прихожу к нему на работу, на студию телевидения. Отец и с радостью, и с жестом "ну вот, приехали" объявляет, что у меня сразу две сестрички".

Родные и близкие знакомые оказывали Ляле Ибрагимовне всяческую помощь в уходе за новорожденными и по хозяйству. Но и поэту в первый год жизни дочурок нашлось немало дел. И если раньше, проснувшись среди ночи, он любил присесть за стол у окна и при свете настольной лампы наб-

росать только что родившиеся строки, то теперь нередко приходилось приспосабливаться к обстановке так, чтобы хоть как-нибудь выспаться и с утра быть в состоянии приступить к работе на телестудии. Продолжалась непростая, но счастливая семейная жизнь.

Беда пришла с неожиданной стороны. На ноябрьские праздники из Москвы прибыл Василий Подгорнов, занимавшийся там на Высших литературных курсах. Внешне казалось, что все у него благополучно: в 34 года — автор двух книг; любимая жена, Валентина Дмитриевна, трое детей; интересная работа в радиокомитете; двухкомнатная квартира, которую он получил в 1960 году при переезде из Бугульмы; Приволжское книжное издательство приняло к изданию рукопись его книги "Тропинки в волшебный мир". А через три дня после приезда из Москвы, ночью 2 ноября 1963 года, он свел счеты с жизнью... Гроб с телом друга сопровождали в Зеленодольск на автомашине Николай Благов и журналист Анатолий Ильин, близкий товарищ по работе на радио. Холодным ноябрьским днем — шел мокрый снег — вернулся домой Николай Николаевич, с простуженным горлом и кашлем. На вопрос жены, почему без шарфа, ответил: "Я его Василию отдал, уходил с кладбища, оглянулся, так грустно стало, обмотал шарфом памятник..."

Почти полгода после случившейся трагедии Николай Николаевич почти не писал стихов. И только летом 1964 года, после участия в экспедиции, в которую его взял преподаватель пединститута Виктор Степанович Шустов, исследовавший ареал распространения ясеня в волжском бассейне, вплоть

до костромских лесов, поэт создаст "Клич журавлиный", "Песнь великих лесов", "Упала, упала планета..." "Было не было", "Стволов березовых, радужных..." и другие прекрасные стихотворения.

Седьмого января 1965 года Ляля Ибрагимовна подарила мужу второго сына — Ивана, и теперь в семье сложилось равновесие по числу мальчиков и девочек. Руководство и местком комитета по радио и телевидению в тот же радостный день вручило главе многодетного семейства ордер на четырехкомнатную квартиру, по улице с поэтическим названием — Маяковского (д. 15, кв. 31).

Жена, работавшая с 1961 года в филиале Центрального музея В. И. Ленина, по окончании декретного отпуска осталась дома, посвятив следующие четыре года полностью семье. Муж и старший сын были опорой в многочисленных заботах.

Однако в марте Николай Николаевич был вынужден ненадолго оторваться от семейных дел и поехать в Москву: ему выпала честь участвовать во II съезде писателей РСФСР, на который собрались и все выдающиеся литераторы многонационального Советского Союза. Естественно, что впечатления от этого форума и многочисленных встреч с коллегами дали поэту свежую пищу для раздумий и творческих планов.

В начале лета 1965 года поэт вплотную принялся за работу над сценарием документального фильма, который они с Анатолием Ивлиевым называли "Художник-академик Аркадий Пластов", а потом остановились на более лаконичном: "Земля Пластова".

Памятуя, что Аркадий Александрович поначалу вообще не давал согласия на этот фильм, ибо знал, что черно-белая пленка не позволяет передать лиричность и выразительную силу красок, присущую живописным полотнам, Благов и Ивлиев решили сосредоточить основное внимание на показе художника в жизни, в быту, за работой. Перед зрителями проходят кадры глубинного приволжского села Прислониha, его живописные окрестности, усадьба Пластовых, мастерская в доме академика, он сам за работой или в кругу своих родных.

Картина "Сенокос" возникает на короткое время, а затем зритель видит реально работающих косарей. Или после показа пластовского полотна "Купание коней" на экране появляется живое озеро с лошадьми — так, будто это осталось после умчавшихся всадников. Лесная поляна, на которой пасутся коровы, овцы, ходит мальчик-пастушок — как в картине "Витя-подпасок". Что-то предшествующее картине "Фашист пролетел". Но вот наваливается гул немецкого самолета, раздается пулеметный треск... Снова картина "Фашист пролетел", где запечатлено: воющая в черное небо собака, стадо без пастушка, кровь на траве...

С самого начала фильм сопровождает голос диктора, озвучивающего благовский текст. Он напоминает зрителям, что Аркадий Александрович Пластов за серию картин "Люди колхозной деревни" выдвинут кандидатом на соискание Ленинской премии 1966 года. Его замечательные картины экспонируются в Третьяковской галерее, музеях Еревана, Ташкента, Свердловска, Новосибирска, Ир-

кутска, Ростова, Курска, в музеях многих стран мира. Аркадий Александрович — лауреат Государственных премий, золотых медалей Брюссельской и Венецианской художественных выставок. Узнают зрители и о том, что год назад Всеиндийское общество покровителей искусств вручило Пластову, первому советскому живописцу, Золотой орден Белого лотоса.

По ходу фильма диктором озвучивается поэтически одухотворенный рассказ Благова о Прислонихе, о ее уроженце-художнике, который живет и работает здесь в теплую половину года и в медовую пору сенокоса вместе с земляками трудится на лесной поляне, а в ненастную погоду вырезает фантастические фигурки из корней деревьев, о знаменитых картинах, радующих сердца миллионов людей "стройной гармонией живописи".

В завершение фильма Николай Благов напоминает о поразительной трудоспособности академика и о его завете молодым художникам: "Идти на повторные атаки натуры, еще и еще раз советовать с ней, черпая ее богатства, беря спасительную правду ее подсказа".

В новогоднем номере "Ульяновского комсомольца" за 1966 год Николай Благов выступает с большим очерком "Земля Пластова", в котором, припоминая этапы создания одноименного фильма, с восхищением подчеркивает, что этот художник с мировой известностью, академик, ничем не отличается и по виду, и по разговору от своих односельчан, но "какая громадная культура, какой могучий темперамент за этой простотой, мужицкой сдержанностью и неторопливостью". Выразив на-

дежду, что за серию картин "Люди колхозной деревни" Аркадий Александрович будет удостоен Ленинской премии, поэт отметил "редкую художественную и гражданскую совесть" великого мастера, который "немало картин и тем более этюдов задерживает у себя". В Ульяновске же не проявляют настойчивости в организации персональной выставки Пластова. "А случись это, как сказал гостивший у нас В. А. Серов (президент Академии художеств. — Ж.Т.), Ульяновск стал бы мировым центром культуры... На восьмом десятке лет не покидает Пластова творческая дерзость. Идет пора самых зрелых его творений. Видимо, природа все-таки платит великим труженикам здоровьем и бодростью духа".

А как реагировал Аркадий Александрович на столь восторженные отзывы 35-летнего поэта? У Ляли Ибрагимовны оказалась лишь одна записка академика от 24 апреля 1966 года, адресованная Николаю Благову, но проливающая свет на многое: "Пользуюсь случаем сердечно поблагодарить Вас за те теплые слова по моему адресу, которые Вы по доброте сердца недавно поместили в газете, а я вот до сего времени не ухитрился сказать Вам в ответ и единого слова."

Еще раз спасибо Вам, пусть я далеко и не такой хороший, как Вы меня так показали, но я постараюсь стать лучше, чтобы не заела меня совесть, что я не тот кусок съел, какой заслуживал. Искренне Ваш Арк. Пластов". На обороте записки (тем же мягким карандашом) крупно начертано: "Николаю Николаевичу Благову (хорошему человеку)".

Мягкий юмор и удивительная скромность маститого художника навсегда упрочили давнюю любовь к нему поэта.

"ВСЕ, ЧТО ЛЮБЛЮ"

Заметным событием в деятельности литературно-драматической редакции, возглавляемой Николаем Благовым, стала телепередача о старейшине литературного краеведения Константине Алексеевиче Селиванове. Почти все 70 лет его жизни прошли в родном селе Карлинском Майнского района и связаны с тамошней школой: когда-то он сам в ней учился, затем преподавал, был завучем и директором. Здесь стал коммунистом, заслуженным учителем РСФСР, кавалером двух орденов Ленина, автором книг "Русские писатели в Среднем Поволжье" и "Замечательные места Ульяновской области", сотен статей о деятелях литературы и искусства родного края.

Николаю Благову было ведомо и профессиональное кредо Селиванова, которому он твердо следовал более полувека: "Учитель не только сеятель знаний, но и воспитатель патриотов своей Родины, творец человеческих характеров". Ярким подтверждением этому служит признание прославленного летчика Ивана Полбина. В поздравлении с наступающим 1943 годом, присланном Константину Алексеевичу, он писал: "Я горжусь, что был учеником Карлинской школы (в 1922—1926 годах. — Ж. Т.), горжусь за Вас, мои учителя. И в том, что

мне присвоено высокое звание Героя Советского Союза, ведь есть доля и Вашей "вины!"¹

В создании передачи об энциклопедически образованном интеллигенте, глубоко убежденном в том, что "нигде не нужны так культурные и преданные делу люди, как в деревне, как там, где народ работает под голубым потолком", Николаю Николаевичу помогали режиссер студии телевидения Юрий Александрович Ершов и оператор Борис Григорьевич Тельнов, тоже загоревшиеся таким благодатным сюжетом. Работать с ними было приятно, ибо они, каждый по своему, являли собой неординарные личности.

Ершов был на пять лет старше Благова и ему, офицеру-танкисту, довелось немало пройти по дорогам войны, до рокового 1 мая 1945 года, когда невдалеке от Берлина он был тяжело ранен. Со временем молодой организм сумел одолеть недуг, и Юрий, хотя и прихрамывая, стал ходить без палочки. И смог после окончания учебы в студии при Оренбургском драмтеатре осуществить заветную мечту — стать профессиональным актером. Его приняли в состав труппы драмтеатра родного Ульяновска, где он с успехом играл на сцене и Дмитрия Ершова в "Братьях Ершовых", и матроса Рыбакова в "Кремлевских курантах" Н. Погодина, и Александра Ульянова в пьесе "Нет прекрасней назначения" В. Дедюхина.

Но больной позвоночник и искалеченная нога давали о себе знать при исполнении некоторых ролей, и Юрий Александрович вынужден был сме-

¹ Ульяновская правда, 1990, 6 октября.

нить профессию актера на телережиссерскую¹. За прошедшее с тех пор пятилетие он по праву считался высококлассным знатоком своего дела.

Борис Тельнов по образованию был лесоводом и уже успел в должности инженера-таксатора десятилетие отработать в лесах Поволжья, Урала и Сибири. Одним из увлечений в то время была фотография, а позднее и киносъемка, которые и привели его в 1962 году на ульяновское телевидение. Когда в руки Благова попал дружеский шарж на этого кинооператора, он с лету сделал подпись:

*Из болот и из лесов
Прибыл к нам Борис Тельнов.
Всех поднимет на дыбы —
Пленка, сосны да дубы.*

Вспоминая о поездке в Карлинское, Б. Тельнов писал о радушии, с каким принял их К. Селиванов, который сам после обеда показал им в школе классы, актовый зал, библиотеку и главную достопримечательность — музей. Здесь были многочисленные письма воспитанников школы, в том числе дважды Героя Советского Союза генерала И. С. Полбина, писателей Корнея Чуковского, Николая Пиксанова, Дмитрия Благого, Григория Коновалова, редкостные фотографии и литературно-краеведческие рукописные журналы. Пока режиссер и оператор производили натурные съемки села и школы, поэт с пристрастием расспрашивал учителя о его жите-бытье и планах на ближайшее будущее. "Весь обратный путь, — по словам Б. Тельнова, — прошел в разговорах об этой встрече. Ки-

¹ Ульяновская правда, 1990, 20 октября.

номатериал получился добротный, зрелищный, телепередача заинтересовала многих и была отмечена как одна из лучших"¹.

Почти три года продолжалась редакторская деятельность поэта на студии телевидения. В целом она была интересной, но обязательное восьмичасовое присутствие в служебном кабинете, участие в планерках, заседаниях, собраниях и рецензирование литературно-драматической продукции почти не оставляли времени для собственного поэтического творчества.

И только в начале 1966 года у Николая Николаевича появились реальные возможности для увольнения со студии телевидения. С этого времени в Саратове стал выходить литературно-художественный и общественно-политический журнал Союза писателей России "Волга", и Благов был введен в состав его редколлегии. Весной же, в связи с уходом Василия Дедюхина в творческий отпуск, Николай Николаевич на полтора года становится ответственным секретарем ульяновской областной организации Союза писателей РСФСР.

Основное его время на этом посту уходило на беседы с молодыми авторами, рецензирование, а затем — и помощь в публикации. Наряду с безусловно одаренными, рукописи присылали и люди недостаточно образованные, и Николай Николаевич, со свойственной ему доброжелательностью, разъяснял: "Даже большие поэтические дарования проявляются не сразу, а после длительного упорного труда... Чем больше писатель, тем больше труда.

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

Кто работал более Пушкина в поэзии, более Льва Толстого в прозе?! А ведь Пушкин и Толстой — это люди, в которых воплотился величайший взлет человеческого гения". Вопросая, что нужно для того, чтобы стать писателем, Благов сам же давал ответ: "Во-первых, надо, наверное, очень много знать для того, чтобы говорить читателю новое, а не повторять прописные истины. А самое главное — надо иметь литературные способности... Талант же держится на крыльях знаний, которые рождаются в труде"¹.

Профессиональную редакторскую работу поэт осваивал в ульяновском отделении Приволжского книжного издательства, где с весны 1968 года он занял штатную должность. В это время, как бы в награду за добросовестный труд над чужими рукописями, в Саратове вышел в свет стихотворный сборник Николая Благова, который вначале назывался "Все, что люблю", а спустя четыре года мытарств по различным инстанциям, со значительными изменениями по содержанию, приобрел название "Имя твое".

Познать причину метаморфоз помогает рецензия от 21 февраля 1964 года, написанная по просьбе издательства С. Олендером. Отметив "превосходный язык, русский язык во всей его красе и мощи" и любовь Благова к людям, критик заявил, что ему понравились "по настоящему 15—20 стихотворений, т. е. почти половина книги". Обращаясь к автору, С. Олендер сетует: "В книге мало стихов о сегодняшнем дне, о наших людях... Вы больше говорите о деревьях и полях, чем о человеке...

¹ Ульяновский ЦДНИ, ф. 600, оп. 1, д. 68, л. 40.

Мы не требуем от Вас так называемых "актуальных" стихов с лобовой темой, скажем, о Большой химии. Но и для этой темы, новой и трудной, можно найти живые краски, если только получше их поискать".

Другой столичный критик, М. Муравник, которому издательство послало эту же рукопись, в рецензии от 20 марта 1965 года сумел по достоинству оценить талант ульяновского автора: "Родная земля — ее воды, леса, поля — любимы поэтом с такою силой, что в его стихах как бы теряют нео-душевленную сущность — обретают язык свой и нрав... В творчестве Благова люди неотделимы от природы и становятся как бы ее продолжением. Без земли нет людей, но без людей и земля не земля. Образы людей сельского труда — полеводов, комбайнеров — Благов рисует скупыми, но очень насыщенными штрихами... Всей направленностью творчества Благов говорит, что именно на этих людях держится земля, что главный человек на ней — труженик"¹. М. Муравник заметил и другую ведущую тему сборника — человек и война как исключяющие друг друга начала: "война — погубительница, война — разлучница".

Кроме московских, находились и свои, ульяновские критики-чиновники, причастные к изданию литературы, которые настоятельно советовали поэту включить в сборник стихи на ленинскую тему и, в частности, показать разительные преобразования, происходившие на родине Ильича в связи со столетием его рождения.

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

Николай Благов, опираясь на поддержку Григория Коновалова и Василия Дедюхина, отстаивал свое право на самобытное творчество, и в книгу "Имя твое" вошло лучшее, что он написал за полтора десятилетия. Усилиями редактора Д. М. Гусевой и художника А. В. Учаева это издание и внешне выглядело весьма привлекательно. Да и тираж для поэтического сборника, выпущенного в провинции, оказался редкостно большим — 35 тысяч экземпляров.

На радостях поэт выполнил давно обещанное сыну-шестикласснику — отдых в Доме творчества писателей в Коктебеле. Михаил Благов, вспоминая эту незабываемую их поездку вдвоем на юг, рассказывал: "С известными и не столь известными ныне писателями (среди них были Е. Долматовский, Б. Окуджава и Н. Краснов. — Ж. Т.) мы лазили по горам, обследовали укрепления, сработанные "еще рабами Рима", заплывали в гроты, собирали камешки, сердолики и халцедоны, любовались зеркально-тихим вечерним морем.

Представляю, каких бы собак спустил отец на нынешние власти, узнав, что Крым сегодня — граница"¹.

Вскоре после возвращения домой Николай Николаевич встречает в печати отклики на свою новую книгу. В рецензии В. Кириллова, напечатанной в "Ульяновской правде" 26 июля 1968 года, указывалось, что любители поэзии найдут в сборнике Н. Благова много яркого, заветного. "Можно от души подивиться сплетению слов, которое не ожи-

¹ Град Симбирск, 1997, 31 мая, с. 6.

данно для всех просветит явление изнутри. В самом деле! Волчья ягода у него, как покрасневшая от стыда девушка-дурнушка, оставшаяся одиноко в лесу. Луна, словно крестьянка полощет в проруби длинные снега. Яблоки стучат о землю, подобно босым ребятишкам... "Верю, — говорит в заключение рецензент, — что Благов еще не раз порадует своих читателей новыми открытиями".

Для саратовской журналистки Л. Бельдюгиной "Имя твоё" — это восторженный гимн земле русской, "голубой России"... Черты нашего времени, по ее мнению, проступают в стихах Благова четко и прозрачно, как, впрочем, и гражданская поэзия самого автора. В них он — лирик, художник, публицист". Завидным достоинством поэта рецензент считает его "глубокое чувство художественной меры", нелюбовь к голым в своей прямолинейности выводам"¹.

И. Гринберг, выступая 30 августа 1968 года в "Литературной России" с весьма благоприятной рецензией на сборник "Имя твоё", опять-таки, подчеркивает умение Благова добиваться предельного сближения с природой, оставаться рядом с нею: "Оттого-то он видит и цветок ("на что уж скромн: накрыл ладошкой и погас"), и тропинку, которой "пугливо прошнурован бор", и дубы, под которыми "березы кажутся дымком из деревенских труб..."

Станислав Романовский, рецензируя на страницах "Молодой гвардии" (1968, № 11) новый сборник Николая Благова, подчеркивал, что герои его стихов "трудолюбые" описаны "не натужно,

¹ Заря молодежи, 1968, 19 сентября.

не заданно, а пропеты так, как поет птица, — свободно, иначе не может, заслушаешься... Поэты, — продолжал бывший редактор "Ульяновского комсомольца", — во всяком случае, с которыми мне приходилось толковать, Благова знают — одни менее, другие что-то и наизусть помнят..."

"Николай Благов, — говорилось в рецензии Сергея Викулова, напечатанной в столичном журнале "Наш современник" (1969, № 3), — мне кажется, меньше всего думает о славе. Ему просто некогда о ней думать: он работает. Он слушает гулы своего сердца, в котором столько сокровенного и важного... Ах, сколько доброты к людям разлито во всей поэзии Николая Благова! И еще восхищения ими! И еще сыновней любви". Высоко оценивая мастерство поэта-волжанина, Викулов считает, что если его душа "закипит в лирическом волнении, то в карман за словом он не полезет. Он умеет почувствовать и передать не только тончайшие движения души человеческой, но и звуки, цвет, запахи родной природы". В заключение Викулов выразил мнение, что Н. Благов мог бы с честью представлять русскую советскую поэзию за рубежом.

В списке публикаций произведений, составленном женой поэта за 1968 год, значатся четыре стихотворения: "Ты стала мной", "Иван да Марья", "Упала, упала планета" и "Спи — полоротых спросонок...", а за 1969-й — лишь одно произведение — поэма, которая вначале называлась "Брату брат", затем — "Тракт" и, наконец, "Поэма о матери". Литературный редактор "Волги" В. Шабанов, информируя 7 июня 1969 года читателей "Ульяновской правды" о предстоящей публикации этой новинки

в журнале, писал: "Известный ульяновский поэт Николай Благов заканчивает поэму о матери Владимира Ильича. Новая поэма — итог кропотливого и длительного изучения огромного исторического материала, ее отличает высокое поэтическое мастерство".

Справедливость этого суждения подтверждается фактами. В 1965—1966 годах Николай Николаевич принимал непосредственное участие в подготовке телепередач об Александре Ульянове, выступал в печати с рецензией на книги о герое-революционере, в рукописи знакомился с пьесой В. Дедюхина "Нет прекрасней назначенья", в своем сборнике "Имя твое" опубликовал стихотворение "Памяти А. Ульянова". И несмотря на его небольшой объем, поэт сумел выразить глубокие раздумья о тяжелой участи народа в царской России, о трагической судьбе героев-одиночек в борьбе за свободу, их попытках поднять массы против своих угнетателей¹.

В очерке "Всем сердцем", приуроченном к 60-летию со дня рождения В. Дедюхина, рассказывая 20 декабря 1968 года читателям "Ульяновской правды" о работе старшего собрата по перу над пьесой об Александре Ульянове, Благов заметил, что в ней будет масштабно показан и характер Марии Александровны. Характер этот, по мнению поэта, "настолько благодатный для художника и так певуче сливающийся с представлением о многострадальной русской матери, что кажется невероятным, как это он в литературе не стоит до сих пор рядом с горьковской Ниловной, рядом, если брать в символическом плане, с Ярославной?.."

¹ Благов Н. Имя твое. Саратов, 1968, с. 180—182.

Николай Николаевич при этом ни словом не обмолвился о том, что сам давно работает над заветной темой. Отчасти это объясняется тем, что в связи с приближавшимся столетием со дня рождения Ленина уж очень многие организации и творческие союзы объявили конкурсы на лучшие произведения о Владимире Ильиче. Только в Ульяновске в конкурс включились В. Дедюхин, Д. Дудкин, А. Кузнецов, А. Макаров, Е. Мельников, А. Царев, Л. Фомин и другие литераторы.

Этой осенью областной драматический театр взялся за постановку пьесы московского писателя В. Осипова "Апрель начинается в марте", сюжетом которой стали трагические события 1887 года — арест и казнь Александра Ульянова. А уфимский театр оперы и балета поставил на ульяновской сцене оперу Ю. Мейтуса "Братья Ульяновы", в центре которой, по мнению репортера, оказались "горе матери, горе всей семьи, горе Владимира и его возмужание"¹.

А сколько в городе появилось "летучих" корреспондентов, которые, побыв здесь денек-другой, строчили статьи и очерки, стихи и песни об Ульяновых и Ульяновске... Вот почему в те годы, когда идеологи всех рангов призывали художников слова, кисти и резца включиться в создание Ленинианы, Николай Благов даже как будто отошел от некогда волновавшей его темы. Для понимания душевного состояния поэта уместно привести строки из письма С. Романовского от 27 апреля 1969 года, когда работа над "Поэмой о матери" была близка

¹ Ульяновская правда, 1968, 3 октября.

к концу: "Я верю, что об Ульяновых у тебя написано хорошо, и ты напрасно как бы стесняешься ленинской темы — вот, мол, и меня грех попутал. Стесняться надо не тебе, — у тебя все от сердца, — а бездарям и халтурщикам, жучкам, которые превратили эту светлую тему в кормушку... Ты живешь в Симбирске, пусть он не тот: и Волга не та, но живы еще деревья — они помнят Ульяновых с самого их приезда... Погоди, пройдет лет сто — и твое поэтическое свидетельство самовидца, близко отстоящего от ленинских лет, будет величайшей драгоценностью"¹.

Но, несмотря на похвалы друзей, Николай Николаевич не торопился отдавать поэму в печать. В конце мая ему посчастливилось стать участником III-го Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. Хозяева показали гостям достопримечательности Пскова, организовали поездку на автобусе в Печеры, провели торжественное заседание в областном театре им. А. С. Пушкина, а потом отвезли в Пушкинские горы. С трепетным волнением наш поэт знакомился со всеми пушкинскими местами, участвовал в возложении венков на могилу любимого с детства великого поэта, а также в митинге в Михайловском. На память о посещении заветных мест Николай Николаевич бережно сохранил номера газет "Псковская правда" и "Пушкинский край", Программу праздника поэзии, путеводители, буклеты, открытки и медаль с изображением Александра Сергеевича. Пребывание в Пушкиногорье не сразу, но отразится в благов-

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

ских стихах, скажем, таких, как "Арине Родионовне".

В конце лета Игорю Хрусталеву, ведавшему в "Ульяновской правде" вопросами культуры, удалось убедить редактора Константина Порфирьевича Гайдашенко в необходимости публикации "Поэмы о матери", и 10 октября земляки поэта первыми в стране смогли познакомиться с его новым творением, которое по праву займет почетное место во "всем, что любит".

ПОЭТИЧЕСКИЙ РЕДАКТОР "ВОЛГИ"

Вслед за "Ульяновской правдой" в конце октября 1969 года "Поэма о матери" была опубликована в журнале "Волга". А вскоре к Николаю Благову стали поступать первые отклики читателей и критиков. Прежде, чем приводить из них наиболее характерные суждения, обратимся к содержанию поэмы.

Учитывая, что многие читатели знают главное о жизни семьи Ульяновых, о деле 1 марта 1887 года (попытке покушения группы народовольцев на жизнь Александра III) и что по нему привлечен в качестве обвиняемого старший сын недавно скончавшегося директора народных училищ Симбирской губернии И. Н. Ульянова — студент Петербургского университета Александр Ульянов, поэт посвящает свое произведение в основном кульминационным событиям трагической весны 1887 года: посещению Марией Александровной своего сы-

на, заключенного в Петропавловскую крепость, ее разговору с ним (в присутствии прокурора), прощению матери на имя царя о смягчении наказания сыну, известию о казни Александра и горестному возвращению матери домой, в Симбирск.

Поэма, простирающаяся на 24 журнальных страницы (около 1000 стихотворных строк), написана лаконичным, но полным глубокого смысла благовским образным народным языком и, как всегда, усыпана уникальными поэтическими находками. Вот незабываемое начало первой и второй частей поэмы:

Тракт Симбирский.

Ветер — свист разбойный.

Булькают и булькают тяжи.

Ты нарви, ямищик, травы убойной —

Матери на сердце положи.

Образ Марии Александровны Ульяновой, возвращающейся после казни сына домой, автор, как бы обращаясь к вознице, начинает рисовать такими штрихами: "ненароком с барыней не спутай женщину, которую везешь". И: "темный храм — сейчас она, в котором служба погребальная идет".

Перед затуманенным взором убитой горем матери проплывают тяжелые картины свидания с Сашей в Петропавловской крепости и всего того, что ей пришлось пережить в Петербурге.

Автор вместе с ней погружается в жуткую атмосферу этих дней. Страшна камера узника, заключенного сюда за участие в подготовке покушения на жизнь самодержца:

Холодны, как смерти опахала,

Крылья перепончатые тьмы.

*Лампа, сонно чмокая, сосала
Кровь жильца, чтоб осветить углы.*

Сцена свидания матери с сыном настолько трогательна, насколько и возвышенна в проявлении ими заботы друг о друге и мужества.

Александр: *"Мама! Светлая моя! Прости меня!..."*
"Мне — и обездолить свет твой чистый!
Это страшно...
Где ты сил найдешь?!
Но священный долг перед Отчиной!..
Я не мог иначе.
Ты поймешь!..."

На мысль матери о том, что он пренебрег широкой дорогой в науку, которая раскрывалась перед ним, Александр ответил, что не мог посвятить себя только науке, когда "мужичишка пятками босыми месит грязь и сам земли черней", а о судьбе ученого говорит:

Кто у нас он?
Да лакей со свечкой —
Светит господину своему.

Выслушав аргументы сына о том, что в условиях царского деспотизма иного пути к свободе пока нет, и о необходимости хотя бы с народа "снять гипноз", мать говорит: "Ясен мне твой путь. В том, что сделал, — как это ни страшно! — не могу тебя я упрекнуть". Умоляя мать простить его за причиненное ей горе, Александр отказывается просить прощения у царя и, обрекая себя на смерть, мужественно говорит матери, наверное, самые трудные слова в своей жизни:

Надо примириться.
Там — семья.

*На себя весь груз возьмет Володя,
Он практичней и трезвей меня.
Пошатнусь — его обезоружу.
Если вдруг покаюсь, уступлю —
Гибельную тяжесть я обрушу
На него, на Родину свою.*

Несмотря на прошение матери на имя царя с просьбой о смягчении наказания ее сыну, он был повешен... В поэме передаются переживания измученной горем матери и ее символическое обращение к гербовым орлам. Для характеристики этого образа царской самодержавной власти поэт находит такие слова:

"Запад — мой!" — из клюва брызнул клетот.

Клюв другой открылся: "Мой — Восток".

Мать: *"Пропустите! Пропустите, люди!*

Пристрелите! Грохните ружьем!..

Медные, стальные ваши груди!.."

Гербовые орлы: "Мы людей не слышим! Мы — клеюем!" — подмечено точно.

Во второй части поэмы автор рисует то горе народное, которое и порождает причины революционных выступлений самых смелых, лучших сынов России. Узнаем мы это через судьбу ямщика, вспоминающего голодную, бесправную и беспросветную жизнь своих односельчан: "Покрутил посевы суховея, осыпал на глазах, зиму дети ползали в сусеках, как синицы в избяных пазах". Пробовали даже глину подмешивать в остатки муки.

Идохнул тогда, подул, как ветер,

Голод, индевеющей в избе:

"Мужики, да вы отцы ли детям?

Смерть уже неволит их к себе.

*А зато у барины на калде,
И на гумнах, и по всем полям
Хлеба третьегодничные кладь.
Это — крышки гробовые вам".*

Голодный крестьянский бунт и расправа с эксплуататором-помещиком закончились трагически: "растянули меж коней на вожжи и кнутах по распятым — а-ах!.. Всю одежду впаклевали в кожу: ключья кожи — с ключьями рубах". Затем угнали в степь и расстреляли. Чудом оставшийся в живых один из бунтовщиков, бежавший на Волгу, после долгих скитаний сидит теперь на козлах и в дорожных грезах видит свое деревенское прошлое, являя собой в поэме символ народного горя. Так что поэма эта не только о горе и мужестве сына и матери Ульяновых, но и о самой России. Недаром последняя, третья часть, начинающаяся, как и предыдущие, уже знакомой строфой — "Тракт Симбирский. Ветер — свист разбойный. Булькают и булькают тяжи...", в последней строке своей имеет отличие: "Ты нарви, ямщик, травы убойной — родине на сердце положи".

Конец поэмы дорисовывает светлый образ стойкой женщины-матери. Вот мысли Марии Александровны, вернувшейся к родному порогу:

*"Ну, иду... Теперь как можно глуше
Все — в себя. И до последних дней.
Только б не обрушить, не обрушить,
Не обрушить горе на детей!
Тяжестю не рухнуть им на плечи,
Но служить опорой до конца!
Дай мне мудрость, чтобы не зажечь их
Местью, искажающей сердца!
Но и материнским опасеньем*

*Не отвлекать от лучезарных вех.
Горе, будь последним... Будь последним...
Ну, иду!.. Отныне и вовек".*

Эту поэму и теперь полезно прочитать каждому — и умудренному жизненным опытом пожилому человеку, и незадачливому школьнику, чтобы можно было благодарно сказать "никто не забыт, ничто не забыто" в отношении и этих далеких страниц нашей истории, и этих, одухотворенных идеями борьбы за свободу народа мужественных людей. "Поэмой о матери" Николай Благов талантливо, самобытно и щедро вписал собственную страницу в священную книгу памяти народной.

Первым откликнулся на "Поэму о матери" Юрий Васильевич Грунин, проживавший в казахстанском Джезказгане. Он на целое десятилетие был старше Благова и стихи свои начал печатать будучи ульяновским школьником. Во время войны попал в немецкий плен, а после ее окончания пришлось побывать в лагерях и своей страны. В 1956 году был реабилитирован, какое-то время пожил в родном Ульяновске (Николай Благов помогал в обнаружении его стихов по областному радио и в печати), а затем вновь оказался в Казахстане. Работал архитектором, печатал свои стихи и переводы с казахского, украинского и турецкого. Репрессии не ожесточили Грунина и он остался горячим сторонником советской власти, увлекался и ленинской темой. Изготовленная им деревянная скульптура "Ленин", по словам его биографа Б. Бызова, получила в Москве добро комиссии ВДНХ, а поэма "Лениния" заинтересовала различные редакции.¹

¹ Ульяновская правда, 1992, 14 ноября.

В своем большом письме к Николаю Николаевичу от 24 октября 1969 года Ю. Грунин, в общем, высоко оценил "Поэму о матери": "Хороший русский язык, отнюдь не простая простота, образность, очень искусные, но не выпирающие рифмы. Текст Прощения из первой части, вторая и вся третья часть хороши. С таким размахом надо писать о России — наверное, о Разине, что ли, или об Отечественной войне 1812 года, то есть о более крупных событиях. Этой поэмой я просто констатирую продолжение твоего восхождения в русскую поэзию".

Вместе с тем Юрий Васильевич высказал "несколько слов о форме и содержании" поэмы. Ему казалось, что название "Поэма о матери" — "неопределенное", и "это ощущение остается и после прочтения поэмы: в ней лучшая часть — вторая, о ямщике и мужиках, а не о матери". И в создании образа Марии Александровны, точнее в содержании ее прощения на имя царя с мольбой о сохранении жизни сыну, Грунину не по душе пришлись слова "Милости прошу я и пощады", а также обращения к Саше: "Покайся!", "Надо повиниться!" и он восклицает в заключении письма к Благову: "Может быть, такой и была госпожа Ульянова, — но не такой должна быть мать Ленина!"

Если такой доброжелательный приятель-поэт взял на себя смелость указывать, какой именно должна быть Мария Александровна в поэме, то можно представить, как отнеслись в Ульяновске апологеты "Краткого курса истории ВКП(б). И, наверное, не без их влияния в "Ульяновской правде" и "Ульяновском комсомольце" не появилось в юби-

лейном 1970-м году ни одной рецензии на поэму, посвященную М. А. Ульяновой. Забегая вперед, замечу, что на целых три года застопорилась попытка Николая Николаевича опубликовать поэму отдельным изданием...

Однако, авторитет Николая Благова как поэта медленно, но неуклонно рос в Москве. Это легко прослеживается по лаконичным строкам его биографической хроники, составленной Лялей Ибрагимовой:

"Январь 1970 г. Избирается по рекомендации Л. Татьяничевой в состав редколлегии сборника "День поэзии России".

24—27 марта 1970 г. Участник III-го съезда писателей РСФСР.

27 апреля 1970 г. Участник вечера российской поэзии в Центральном доме литераторов (Москва).

1 мая 1970 г. Приглашен на работу в Саратов, заведующим отделом поэзии журнала "Волга".

Должность эта была довольно престижной, ибо журнал являлся самой почетной трибуной для литераторов региона, включавшего в себя все области и автономные республики Поволжья, а также прилегающие к нему Башкирию, Мордовию и Оренбургскую область. Правление Союза писателей России ("Волга" являлась его органом) самим фактом назначения признавало 39-летнего Николая Благова первым поэтом огромного края. Не случайно, что и руководство первым же зональным семинаром молодых литераторов Поволжья будет возложено Ю. Бондаревым именно на него. Словом, произошло точно по пословице. "Большому кораблю — большое плавание".

Начало работы поэта в Саратове было омрачено несчастным случаем во время купания в Волге: осколком бутылки он сильно порезал ступню. Из-за потери крови пришлось лежать в больнице, пока приехавшая супруга не отвезла долечиваться в Ульяновск. А 28 сентября родные вызвали его, уже из Саратова, телеграммой: в Крестовом Городище скоропостижно скончался от кровоизлияния в мозг отчим, Николай Афанасьевич Лысов, которого Николай Николаевич всегда любил и почитал. Матушка, Евдокия Ивановна, с этих пор на зиму перебиралась в семью сына, а окна и двери дома в Крестовом Городище заколачивали до весны. Так что, встреча 1971 года, совпавшая на сей раз с 40-летним юбилеем поэта, когда еще была свежа горечь утраты дорогого человека, была отнюдь не безмятежно радостной.

Настроение в новом году омрачилось и тем, что Николай Николаевич до получения обещанной квартиры по-прежнему был вынужден жить то на даче Григория Ивановича Коновалова, то в квартире Бориса Дедюхина (пока тот находился в отпуске), то в гостинице (редакция только частично оплачивала проживание там). Да и жить на два дома семье, состоявшей из семи человек, на весьма скромную зарплату было тоже не просто. Поэтому Благов старался использовать каждую возможность (командировку, творческий отпуск, праздники, а то и получение гонорара) для того, чтобы вернуться в Ульяновск и недельку побыть с родными, подновить свой гардероб и до сыта покушать любимых блюд.

Направляясь домой, заботливый отец четверых детей старательно выполнял заказы на покупки по списку, который на всякий случай составлялся Лялей Ибрагимовной, и, кроме того, привозил какие-нибудь лакомства — большие яблоки, апельсины, мандарины, а при возможности — огромный арбуз или дыню. И не было большей радости наблюдать, как ребята, нахваливая, расправляются с гостинцами.

Угнетающе действовало на Николая Николаевича бездушие чиновников, заправлявших московскими издательствами. Ведь со времени выхода в 1960 году, благодаря энергии Дмитрия Ковалева, в "Молодой гвардии" сборника стихов "Глубинка" прошла целая вечность — 10 лет! И только в последнее время издательство "Современник" взялось за подготовку второй книги поэта-волжанина в Москве — "Звон наковальни". В такой обстановке Ляля Ибрагимовна, главным помощником которой был 15-летний Миша, в апреле 1971 года вернулась на работу в филиал Центрального музея В. И. Ленина, размещавшийся в новом громадном здании Мемориала на Венце. Летом, наконец-то, вышла книжечка "Звон наковальни", но небольшим (10-тысячным) тиражом, в тоненькой бумажной обложке. Вместо предисловия редактор Алексей Меньков поместил теплую аннотацию: "Стихи русского поэта Николая Благова — звучная, раздольная песня о великой реке Волге, о ее прошлом и настоящем. Любовь к России, глубокое уважение к ее истории, судьбы людей, переживших Великую Отечественную войну, образы тружеников деревни получили конкретное воплощение во многих его стихах".

С авторскими экземплярами нового сборника и небольшим гонораром Николай Николаевич отправился на родину в свой очередной отпуск, чтобы провести его с женой и детьми у матушки в Крестовом Городище. В своем саду, где все пространство между яблонями стало настоящим лугом, с клеверами, мятликом, одуванчиками, а в дальнем углу разрослась лесная земляника, ребятам было чем полакомиться и где порезвиться. Несколько раз отец водил их за село, в лиственничный лес по ягоды и грибы. А 1 сентября проводил в школу № 45 дочерей Светлану и Марину, которые стали первоклассницами.

Стоило только Николаю Николаевичу появиться в Ульяновске или в Крестовом Городище, как по-одиночке, а то и группами приходили в дом литераторы. И конечно, не только для того, чтобы засвидетельствовать почтение, но и с неизменными просьбами взглянуть на плоды их творчества и содействовать их обнародованию в "Волге". Ко всем просьбам Благов относился доброжелательно, но увозил в редакцию лишь те рукописи, которые, на его взгляд, были достойны появления в журнале.

И никто не мог упрекнуть Николая Николаевича, что при этом он отдавал предпочтение своим старым знакомым, как, например, А. Бунину, Н. Рябинину или Н. Краснову. Если с его приходом в "Волгу" поэзия вообще стала занимать больше места на страницах журнала, то удельный вес поэтической рубрики "голоса молодых" вырос еще значительнее. Такие молодые ульяновцы как Владимир Пырков, Владимир Дворянсков, Евгений Мельников и Николай Полотнянко тоже оттачивали свое мастерство на страницах "Волги".

В марте 1972 года наш поэт, наконец-то, получил временно трехкомнатную квартиру в Саратове (ул. Советская, № 20/28, кв. 97). Через месяц он сам приехал в Ульяновск с Григорием Коноваловым для проведения литературного вечера поэзии во Дворце книги им. В. И. Ленина и договорился с женой, что она выберется в Саратов, чтобы решить на месте проблему дальнейшего местожительства. Когда же в мае Ляля Ибрагимовна с младшими детьми приехала на волжском теплоходе, они, посоветовавшись и все взвесив, решили с переездом подождать.

Дело в том, что в трехкомнатной квартире с четырьмя детьми и пожилой Евдокией Ивановной, которую по состоянию ее здоровья нельзя было оставлять в Ульяновске, затруднительно разместиться так, чтобы Николай Николаевич имел свой уголок с рабочим столом. Опасались, что это тесное "временное" жилье может стать постоянным. Кроме того, было нецелесообразно Мише менять школу за год до ее окончания. Да и вообще было очень жаль расставаться с Ульяновском, который давно стал для всех Благых родным...

"И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН..."

Баталии Николая Благова с критиками, рецензировавшими по поручению Госкомиздата РСФСР "Поэму о матери", продолжались и летом 1972 года. В личном архиве поэта сохранился отзыв столичного литератора Д. Дажина, который

помогает представить характер претензий, предъявлявшихся третий год к поэме. Д. Дажин нашел в ней "немало поэтических находок, сильных строк и впечатляющих образов", но упрекал Благова за то, что тот не нашел возможности "осмыслить и выразить вызревание и рост революционных сил в народе и, прежде всего, в рабочем классе, во главе которых станет Владимир Ильич Ленин".¹

Николай Николаевич, разумеется, не стал в поэме "осмысливать" то, что подробно изложено в школьном учебнике по истории СССР, но написал вступление к ней, где с нескрываемой симпатией нарисовал образ первого председателя правительства Советской России. И после того, как главный редактор "Волги" Николай Шундик пообещал отдать это вступление в набор, поэт поспешил в Ульяновск, чтобы 1 сентября возглавить поход своей ватаги ребят в 45-ю школу: Миша шел в выпускной класс, Света и Марина — во второй, а Ваня — в первый. Может быть в этот ясный и волнующий день Николай Николаевич особенно полно ощущал неизбывную радость от того, что является отцом многодетного семейства.

По возвращении в Саратов он узнал, что редактор "Волги" Николай Елисеевич Шундик отдал в набор вступление к "Поэме о матери" и уже в ноябрьской книжке журнала оно будет опубликовано. Теперь и руководство Приволжского книжного издательства дало зеленую улицу для выпуска поэмы в свет отдельной книжечкой. Правда, отныне она называлась иначе: "Тракт. Петербург — Сим-

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

бирск. 1887 г." На титульном листе появилось и пояснение: "В основе поэмы — драма Марии Александровны, матери Александра Ульянова, в дни суда над ними его казни... В рамках этих событий — разгул реакции, бесправная жизнь народа при самодержавии." Книжечка вышла в свет незадолго до нового, 1973 года, под редакцией Г. В. Соколова, с хорошими иллюстрациями художника В. С. Успенского, на мелованной бумаге и небывалым тиражом — в 50 тысяч экземпляров! И в это же время издательство "Советская Россия" выпустило в свет (тоже после трехлетних мытарств) книгу Николая Благова "Ладонь на ладони" (редактор А. А. Богданова, художник И. Д. Зайцев), но без "Поэмы о матери" и только 10-тысячным тиражом. В аннотации кратко, но высоко оценивалось творчество нашего поэта: "Стихи Н. Благова пленяют богатством русского языка, глубиной чувствования работающего человека, слиянием с природой и умением видеть ее красоту. В стихах главенствует наше время — трудное, молодое, полное всяких повседневных работ".

А вот как высказывался об этом сборнике известный поэт Сергей Смирнов: "Так и видишь человека русского, он положил свою сильную ладонь на ладонь собеседника, посмотрел ему в глаза и завел речь-беседу обо всем — самом дорогом, кровном, заветном. Да так завел, что у собеседника дух захватило от простора земного, от Волги, текущей по самой середине земли, от неба, с горячим и щедрым солнцем, от красоты природной и людской, от многоцветья жизни, от силы жизнелюбия... Общие формулы — труд, гордость, друж-

ба, любовь, ненависть, патриотизм — всего не перечеистишь, — обретають в творчестве этого поэта свою реальность и подлинную правду жизни. Вот почему я не мог оторваться от рукописи "Ладонь на ладони", пока не дочитал ее от начала до конца. Никакой необходимости нет для цитирования удачных строк и строф..."¹

В июне 1973 г. старший сын Михаил получил аттестат зрелости, да еще с приличными оценками, и отец не раз в разговорах по душам склонял его пойти по своим, гуманитарным стопам. Но годы, проведенные в Крестовом Городище, породили у старшего сына поэта иные наклонности, и он поступил на I курс агрофака Ульяновского сельскохозяйственного института, учебный корпус которого и общежития находились в Заволжье (откуда совсем недалеко до милого сердцу Крестова Городища...). А после самоопределения старшего внука и бабушка, Евдокия Ивановна, заявила, что не поедет из своего села в Саратов.

С учетом сложившейся обстановки, Николай Николаевич и Ляля Ибрагимовна принимают решение о переезде с младшими детьми в Саратов (свою же ульяновскую квартиру они помогли получить вдове и детям Василия Подгорного). Так, в марте 1974 года семья Благых, наконец-то, капитально обосновалась в Саратове.

В творческой жизни поэта в 1974 году главным была подготовка к печати сборника "Поклонная гора", который должен был выйти в свет к 30-летию победы в Великой Отечественной войне. Часть

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

стихов ("Военкомат образца 41—45 гг.", "С войны вернулся", "Иван да Марья") Николай Николаевич опубликовал в апрельском номере "Волги". И по-прежнему в этих стихах о военной поре не чувствуется слащавого юбилейного глянца. Николай Благоев и его лирический герой, как справедливо подчеркивал С. Косович, — "словно какую-то свою, личную ответственность чувствуют перед солдатом, искалеченным войной, перед матерью, потерявшей сыновей, перед девчонкой, так и не успевшей полюбить, перед сиротами..." И как поэт благоговеет перед великим подвигом своего народа, сумевшего разгромить иноземных захватчиков, выдвунуть в тылу под непосильной ношей, а затем сделать все, чтобы Россия жила и процветала.

Правление Союза писателей России и лично его председатель Сергей Михалков числили Николая Благоева в своем активе и привлекали его к проведению дней советской литературы. Так было в ноябре 1974 года, когда такие дни проводились в Саратовской области. А в середине декабря 1974 года Николай Николаевич стал участником выездного заседания секретариата Союза писателей РСФСР в Смоленске, посвященного поэзии.

Примечательно, что докладчик — секретарь Союза писателей Сергей Смирнов, воздав должное творчеству маститых поэтов, затем заявил, что в 1970-х годах появились стихотворные сборники, без которых нельзя представить характер современной поэзии — это книги М. Львова "Живу сегодня", Л. Васильевой "Одна земля — одна любовь", Н. Благоева "Звон наковальни", В. Солоухина "Аргумент",

В. Гордейчева "Пути-дороги", Н. Старшинова "Осинники".¹ Выступивший в прениях вологодский поэт А. Романов, в числе немногих собратьев по перу, живущих вдалеке от столиц, но внесших заметную лепту в литературу, первым назвал Николая Благова. Секретарь правления СП РСФСР Людмила Татьяничева тоже отметила "Звон наковальни" Николая Благова как книгу, характеризующую "уровень и нравственный климат сегодняшней поэзии".

В конце марта 1975 года Николай Николаевич участвовал (вместе с Н. Е. Шундиком) в работе Всесоюзного совещания молодых писателей, где наряду с 337 молодыми присутствовали Н. С. Тихонов, Л. М. Леонов, Г. М. Марков и все другие маститые, за исключением М. Шолохова, который не смог приехать в Москву по состоянию здоровья.

Майские праздники поэт со всей семьей провел у матушки в Крестовом Городище — тянули родные места.

В это время пожилая соседка, в связи с переездом к детям, предложила купить у нее избушку и участок. Избушка была ветхая и состояла из сеней и комнаты в два окна, с большой русской печкой. Николай Николаевич, которому давно хотелось иметь уединенное место для работы, приобрел это "имение" за 400 рублей. Позже, правда, пришлось доплатить бывшей хозяйке 50 рублей за созревшую малину и столько же за две больших березы на границе участка, чтобы она не спилила их на дрова.

¹ Литературная Россия, 1974, 20 декабря.

Эти расходы стали возможными благодаря тому, что в Саратове вышел давно лелеянный поэтом сборник стихотворений и поэм "Поклонная гора" (редактор Ю. И. Никитин, художник В. С. Успенский), причем в престижной всероссийской серии "Подвиг" и массовым 50-тысячным тиражом. Сергей Викулов в своем предисловии дал высокую оценку таланта Николая Благова, его добросовестности, с какой он "глубоко пашет свои поэтические гектары, его доброты к своим современникам, восхищения ими, и сыновней любви к ним. Это, я думаю, — продолжал Викулов, — оттого, что слишком рано пришлось ему приобщиться к труду народа, и к скорби его, и к терпению, и к мужеству, а одним словом — к его великому подвигу". И от "глубокой убежденности в том, что душевные силы и вдохновение надо черпать у народа, в народной жизни".¹

Свидетельством уважения к Николаю Благову собратьев по перу стало избрание его, наряду с секретарем Саратовской областной писательской организации Григорием Коноваловым и главным редактором журнала "Волга" Николаем Шундиком, делегатом IV съезда писателей РСФСР.

На открытие этого небывалого по размеру писательского форума, состоявшегося 15 декабря в Большом Кремлевском дворце, прибыло шестеро членов Политбюро ЦК КПСС и, можно сказать, все известные литераторы. В двухчасовом отчетном докладе Сергей Михалков, как водится, воскурил фимиам Л. И. Брежневу, назвал поименно почти

¹ *Благов Н. Поклонная гора. Саратов, 1975, с. 7, 16.*

всех лауреатов Ленинских и Государственных премий, а также авторов наиболее крупных произведений о Ленине, о Великой Отечественной войне и т. п. В числе же девяти авторов, широко использующих "фольклорные богатства и краски народного языка", он называл и... Николая Благова! Имя нашего поэта называлось и в выступлениях Н. Шундика и С. Викулова.¹ Николай Нилаевич как член избранной съездом ревизионной комиссии присутствовал на пленуме нового правления СП РСФСР, а вечером 18 декабря — и на банкете в Кремлевском дворце съездов.

В гостинице "Россия", где Благова с женой разместили в номере с видом на Кремль, можно было без особых хлопот приобрести необходимые промышленные товары, продукты, фрукты и сладости. Так что на сей раз гостинцев для детей было привезено больше, чем когда-либо. Да и повод для покупок вообще был солидный — ведь 2 января 1976 года поэту исполнялось 45 лет.

Константин Воронцов и Игорь Хрусталеv, с которыми Николай Николаевич поддерживал тесные отношения, соотнеся приобретение поэтом в Крестовом Городище избушки-кабинета и категорический отказ престарелой Евдокии Ивановны переезжать в Саратов, стали усиленно уговаривать его вернуться в родной город. При этом друзья брали на себя хождение по самым высоким инстанциям с просьбой о предоставлении поэту четырехкомнатной квартиры.

Для Благова грибоедовские слова "и дым отечества нам сладок и приятен..." точно выражали

¹ Литературная Россия, 1975, 18 декабря.

его сыновние чувства к Ульяновску, кстати, заметно выросшему и похорошевшему за последние годы. И после мучительных раздумий и обсуждений с женой он дал принципиальное согласие на возвращение, тем более, что Владимир Пырков, возглавлявший областную писательскую организацию, готовился к переезду в Саратов и освобождал место ее секретаря, которое мог занять Николай Благов. Окончательное же решение откладывалось до той поры, когда появится приемлемое жилье для большой семьи. Предлагавшиеся квартиры в Киндяковке или на Севере не устраивали площадью или качеством, а главное, отстояли далеко от центра города, где Благову предстояло работать.

Развязка наступила весной, когда произошли два важных для поэта события. Вместо прозаика и драматурга Николая Шундика, который почти не вмешивался в дела отдела поэзии, возглавляемого Благовым, главным редактором "Волги" стал поэт Николай Палькин, вкусы и пристрастия которого не всегда совпадали со взглядами Николая Николаевича. И это обстоятельство в той или иной мере повлияло на ускорение решения о возвращении в Ульяновск. Окончательно же оно созрело в августе, когда стало известно, что ульяновское областное руководство решило выделить Николаю Благову четырехкомнатную квартиру в центре города в доме, недавно возведенном на средства облисполкома на углу улиц А. Матросова и К. Либкнехта (Матросова, д. 5, кв. 1).

Под кабинет Николая Николаевича отвели дальнюю, просторную, самую тихую комнату. Обста-

новка была простая и состояла из самого необходимого: стол, стулья, тахта и книги, расставленные на стеллажах от пола до потолка.

15 сентября ульяновская областная писательская организация, основу которой составляли ветераны-фронтовики Василий Дедюхин, Петр Бейсов, Андрей Царев, Евгений Ларин и Николай Рябинин, избрала Николая Благова своим ответственным секретарем. А через неделю, 23 числа, на семидесятом году жизни скоропостижно скончался Петр Сергеевич Бейсов. Николай Николаевич, для которого почивший был и студенческим учителем, и подвижником служения родной литературе, и гражданином в самом высоком смысле этого слова, глубоко переживал смерть этого замечательного человека.

И одним из первых горячо поддерживал усилия учительницы Е. Р. Морозовой по созданию в Новоульяновской средней школе № 1 литературного музея им. П. С. Бейсова. Николай Благов сделал и первый вклад в увековечение памяти своего институтского учителя, опубликовав 8 октября 1976 года в "Ульяновской правде" очерк о Петре Сергеевиче "Чистота сабельной стали". И только поэт-гражданин мог с такой сыновьей влюбленностью написать 30 лет спустя после великой Победы своего народа над фашистской чумой о Бейсове и его товарищах-фронтовиках: "Как мы благоговели перед ними, как задорило нас их неумное трудолюбие, как понятна была жестокая обожженность их лиц, как ласкала нас мудрая прищуренность их глаз..."

Эти строки глубокой признательности участникам Великой Отечественной войны, которых от-

личала, по словам Николая Николаевича, "отто-
ченная фронтовыми ветрами кованная медальная
чеканка", рождались в деревянном домике на ули-
це Минаева, с мемориальной доской, гласившей,
что в нем в 1887—1889 годах жил поэт Д. Д. Минаев.
Здесь, в обители областной писательской органи-
зации, осенью 1976 года начались мои регулярные
встречи с Николаем Благовым.

Часть вторая

ИЗ ЛИЧНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Первая моя встреча с Николаем Благовым состоялась летом 1963 года в кабинете нашего общего знакомого Игоря Антониновича Хрусталева, заместителя редактора "Ульяновской правды". Я был тогда майором, преподавателем цикла (кафедры) социально-экономических дисциплин в Ульяновском военном училище связи им. Г. К. Орд-жоникидзе и в главной областной газете выступал в роли автора публикаций, посвященных симбирским годам жизни Ульяновых.

В глазах Николая Благова, автора поэтических сборников, вышедших в Ульяновске, Саратове и Москве, я выглядел начинающим публицистом. Но тем не менее он был наслышан о моем докладе на межвузовской конференции (проходившей в мае того года в пединституте им. И. Н. Ульянова), посвященной общественно-педагогической деятельности Ильи Николаевича, о котором с похвалой отозвалась приезжавшая на конференцию Мариэтта Шагинян. Наверное, что-то обо мне как о лениноведке рассказывала ему и жена Ляля Ибрагимовна, сотрудник местного филиала Центрального музея В. И. Ленина. Во всяком случае, Николай Николаевич с нескрываемым интересом отнесся к моим попыткам внести что-то новое в Лениниану.

Я, в свою очередь, несмотря на то, что был старше его на шесть с лишним лет, был польщен вниманием самобытного поэта, который своим могучим внешним видом, добродушным выражением лица, неторопливой манерой разговора, без тени любования своей известностью являл собой как бы образец волгара, унаследовавшего многое, что было присуще вольнице времен Степана Разина.

Была у нас с Николаем Николаевичем встреча и в кабинете Петра Сергеевича Бейсова, проректора по научной работе пединститута, но и она оказалась эпизодичной, ибо осенью 1963 года меня перевели по службе в Группу советских войск в Германской Демократической Республике. Однако, уже через год, в связи с необходимостью завершить работу над кандидатской диссертацией по теме "Классовая борьба и общественное движение в Симбирской губернии в 70-80-х годах XIX века", мне удалось (причем с большим трудом) вернуться в Ульяновск, где получил должность преподавателя прославленного гвардейского танкового училища им. В. И. Ленина. А наладившиеся мои творческие связи с Анатолием Петровичем Ивлиевым, возглавлявшим киногруппу областной студии радио и телевидения, естественным образом способствовали новым встречам с Николаем Благовым — редактором художественно-драматических передач той же студии, старым приятелем А. Ивлиева.

Правда, в связи с моей учебой в Москве на курсах повышения квалификации при Военно-политической академии им. В. И. Ленина и последующим переходом на преподавательскую работу в Ульяновское военно-техническое училище им. Б. Хмель-

ницкого, в наших встречах был перерыв до осени 1965 года. В это время, в самый разгар завершения работы над диссертацией, возникла серьезная конфликтная ситуация, связанная с открытием мной дома, в котором забилося сердце Володи Ульянова, и нежеланием областного руководства считаться с этой сенсационной находкой...

Острота конфликта усугублялась тем, что в Москве уже был утвержден проект Ленинского мемориального центра в Ульяновске, предусматривающий помещение в его дворике только известного двухэтажного деревянного дома с мемориальной доской. Мне же удалось установить, что, вопреки тексту на этой доске, гласившему о том, будто бы Володя Ульянов родился в несохранившемся флигеле во дворе этого дома, там такового никогда не было, и доказать, что через двор, в бывшей усадьбе Прибыловской, стоят и флигель, и дом, в которых Ульяновы квартировали в 1869—1871 годах. Естественно, я настаивал, чтобы это историческое домовладение было сохранено и должным образом увековечено.

После публикации в апрельском номере московской "Недели" за 1966 год моего очерка "Первая симбирская квартира" это открытие получило всесоюзную известность. Понятно, что оно оживленно обсуждалось среди творческой интеллигенции Ульяновска. Внимательно следил за всеми перипетиями этой небывалой для нашего города истории и Николай Благов. А в узком дружеском кругу он дотошно расспрашивал меня о всех деталях поиска и о руководителях разного ранга, препятствовавших обнаружению открытия колыбельного дома Ильича.

Весна 1966 года памятна мне и тем, что к 100-летию со дня рождения Александра Ульянова мы с Николаем Николаевичем подготовили телепередачу об этом герое-революционере, а также тем, что на телеэкран вышел документальный фильм "Последняя симбирская весна", созданный режиссером Анатолием Ивлиевым при моем участии как сценариста и консультанта. Благов, напряженно работавший над образом Александра Ильича, консультировался со мной по тем или иным фактам и событиям трагической для Ульяновых весны 1887 года.

В связи с этим уместно привести эпизод из заметки Н. Яценко, появившейся в "Ульяновской правде" 12 июня 1994 года под названием "Мой Благов": "Я спрашиваю у Ляли Ибрагимовны: не по заказу ли написана "Поэма о матери"? — Что, вы, нет, конечно. Сейчас меня об этом многие спрашивают. Я ведь работала в Доме-музее В. И. Ленина и сама выбрала себе тему по изучению жизни Александра Ульянова. Читала и воспоминания Анны Ильиничны о нем. Чем больше я узнавала об Александре, тем больше хотелось знать о нем. И дома рассказывала Коле о своих находках об этом неординарном человеке. Коля увлекся этой темой, стал ходить в архив. А затем и решил написать поэму о взаимоотношениях матери и сына в трудное для них время".

С начала 1966 года в Саратове стал выходить новый литературно-художественный журнал "Волга", являвшийся органом правления Союза писателей РСФСР. Николай Благов, как член редколлегии журнала, отрекомендовал меня главному ре-

дактору "Волги" Николаю Елисеевичу Шундику, и тот немедленно обратился ко мне с письменным приглашением к сотрудничеству. А прибывший в Ульяновск заместитель Н. Шундика Борис Васильевич Дедюхин взял у меня несколько очерков о семье Ульяновых для публикации в "Волге".

Однако, столь многообещающее сотрудничество было ослаблено летом 1967 года, когда после защиты мной экстерном кандидатской диссертации в Казанском университете я был назначен приказом начальника Главного политуправления Советской Армии и Военно-Морского Флота старшим преподавателем знаменитых офицерских курсов "Выстрел", дислоцировавшихся в подмосковном Солнечногорске. Николай Благов был в числе тех близких для меня людей, кто отлично понимал, что меня, хотя и с почетным повышением, убирают из Ульяновска — чтобы "не мешал" здесь при строительстве Ленинского мемориального центра. Николай Николаевич был и в курсе того, как через год редакция "Волги" вынуждена была разобрать типографский набор моего документального повествования о Владимире Ульянове "В первые семнадцать лет" после требования ульяновского руководства.

Николай Николаевич, как известно, с 1970-го по 1976 год возглавлял отдел поэзии в журнале "Волга" и, конечно, находился большею частью в Саратове, но часто и подолгу бывал в Ульяновске. Я же во время службы в Солнечногорске, а потом и в Ленинграде, и в Пензе регулярно наведывался в приволжские города и при первой же возможности встречался с Благовым как в Ульяновске, так

и в Саратове, куда я приезжал в связи с публикацией своих материалов в "Волге" и подготовкой в Приволжском книжном издательстве книги "И. Н. Ульянов в Пензе" (в соавторстве с О. М. Савиным).

Мои статьи и очерки о Симбирске 1860—1880-х годов, о гимназической учебе Владимира Ульянова, о просветительской деятельности Ильи Николаевича, о шести медалях, которыми награждались Ульяновы за успехи в учении, о круге их чтения, их друзьях и знакомых время от времени публиковались в "Неделе", "Литературной России", "Молодой гвардии", "Неве", а также в областных газетах Поволжья. Не все из них попадали в поле зрения поэта, но с большинством публикаций в центральной прессе он был знаком.

Николай Николаевич весьма благожелательно относился к моему труду историка, литературоведа и публициста. Я никогда еще не приводил в печати его письменных высказываний обо мне, но на сей раз считаю нужным привести хотя бы некоторые дарственные надписи, сделанные Благовым на своих книгах, и не столько для своей характеристики, сколько для высвечивания образа самого поэта. На сборнике "Имя твое", подаренном мне 8 октября 1971 года, он с присущей ему непосредственностью начертил черными чернилами: "Дорогому Жоресу Александровичу, — который проник с лампой первопроходца в далекие, но забываемые потемки и осветил все затененные уголки истории Симбирска, — доброму человеку и ученому на дружбу". 26 июня 1973 года в Саратове поэт подарил мне изящно изданную книжечку "Тракт.

Петербург-Симбирск, 1887 г." с такой многозначительной надписью: "Самому великому знатоку темы, которой посвящена поэма, — Жоресу Александровичу Трофимову с дружбой и почтением. Н. Благов."

Летом 1975 года я, уже подполковник запаса, обменял жилье в Пензе на двухкомнатную квартиру на южной окраине Ульяновска (по ул. Варейкиса) и с тех пор уже навсегда стал гражданином самого близкого для меня города Советского Союза. В ноябрьском и декабрьском номерах "Волги" за тот год был напечатан большой очерк "Последняя симбирская весна" — чуть ли не половина будущей моей книги "Гимназист Владимир Ульянов". Эта очень важная для меня публикация произошла не без участия Николая Благова и Григория Коновалова, и мне теперь было легче отражать нападки своих высокопоставленных оппонентов, которые шельмовали меня то за лояльность к народникам, то за игнорирование высказывания Н.К. Крупской о том, что после ареста Александра Ильича все знакомые Ульяновых от них отвернулись, то за новое объяснение причин появления четверки по логике в аттестате Владимира Ульянова.

Николаю Николаевичу были по душе мой исследовательский подход к освещению жизни Ульяновых в Симбирске, смелость в отстаивании своей точки зрения и преданность главной теме своего творчества, ради которой я отверг возможности проживания в столицах. Вот, наверное, чем объясняется появление 25 марта 1976 года дарственной надписи поэта на главной его книге "Поклонная

гора": "Человеку редкого благородства, мужества и таланта с давней сердечной дружбой и поклоном. Н. Благов".

Летом того же года у меня было несколько деловых поездок, и последняя из них выпала на начало сентября, когда поэт, покинувший Саратов, обживал новую квартиру в Ульяновске (на ул. Матросова) и брал в свои руки бразды правления областной писательской организацией. Узнав о том, что я плыву на туристическом теплоходе "И. Крылов" (приписанном к Ульяновску) в Астрахань, чтобы увидеть своими глазами домик на Косе, где родился Илья Ульянов, гимназию, где он учился, поработать в тамошних архивах, музеях и библиотеках, Николай Николаевич набросал рекомендательное письмо к руководителю Астраханской писательской организации и вручил его мне (не помешает, пояснил он).

Что правда, то правда. Небольшие записки, которыми он снабжал меня при поездках и в Горький — к поэту Федору Сухову, и в Москву — к Валентину Сорокину, если и не имели каких-то практических результатов, то помогали знакомству с незаурядными друзьями Николая Благова. Как правило, он приглашал меня на встречи с приезжавшими в Ульяновск писателями: Григорием Коноваловым, Яковом Ухсаем, Борисом Дедюхиным.

Мало-помалу бывший дом поэта Дмитрия Минаева, где размещалась областная писательская организация, в котором самая большая комната (из имевшихся трех) являлась кабинетом Николая Николаевича (и залом приемов и заседаний), стал для меня самым желанным из присутственных мест

города. Заходил я обычно в послеобеденное время, когда поэт-секретарь бывал свободнее, и мы могли без помех поговорить о последних событиях в жизни Ульяновска и страны, обменяться мнениями о книжных и журнальных новинках.

Кстати, несмотря на скудный бюджет областной писательской организации, она выписывала лучшие столичные литературно-художественные журналы и еженедельники, и Николай Благов читал "Волгу", "Новый мир", "Дружбу народов", "Москву", "Знамя", "Октябрь", "Наш современник", "Молодую гвардию", "Литературную газету" и "Литературную Россию" регулярно и очень внимательно, и в этом отношении ему не было равных в городе. Меня приятно удивляло, что поэт вдумчиво знакомился с проблемами различных областей знаний, весьма далеких от Парнаса, скажем, с трудами В.И. Вернадского по ноосфере или с новейшими достижениями японских ученых по кибернетике.

Вблизи дома Минаева находился один из лучших книжных магазинов Ульяновска с отделом подписных изданий. Неоднократно мы вместе заходили сюда, чтобы выкупить очередные тома собраний сочинений. Несмотря на ограниченность своего бюджета, деньги на подписки Николай Николаевич находил. Из его поисков на букинистических полках мне запомнились настойчивые усилия по приобретению разрозненных томов академического собрания сочинений Л. Н. Толстого (в 90 томах).

Бывали такие дни, когда бессменная заведующая делами писательской организации Нина Оси-

повна, завершив работу, уходила домой, а мы начинали очередное сражение за шахматной доской. Играли в "быстрые шахматы", но без учета времени, со строгим соблюдением правила: взялся за фигуру — ходи. Случалось, что в пылу азарта мы успевали сыграть до позднего вечера чуть ли не полтора десятка партий. Так как у меня опыт в этой мудрой игре был побогаче (еще в 1940 году в Ташкенте получил 2-й разряд), да и шахматную теорию я знал получше, то перевес в счете складывался обычно в мою сторону. Но с завидным упорством Николай Николаевич снова и снова расставлял фигуры на доске и рвался в бой.

Время от времени мы с Николаем Благовым оказывались рядом то на творческих встречах с читателями, то на совещаниях и собраниях, проводившихся городским или областным руководством для деятелей литературы и искусства. Об одном из таких мероприятий — Пушкинском дне поэзии, состоявшемся 6 июня 1977 года в бывшем имении одного из лучших лириков России Николая Языкова, напоминают два фотоснимка, запечатлевших Николая Николаевича и меня на фоне легендарной "пушкинской ели".

В этом же году произошла наша встреча в Москве, где в издательстве "Советский писатель" готовился к выходу в свет его сборник "Стихотворения" с предисловием В.И. Кочеткова. Я же прибыл в столицу для заключения договора с издательством "Молодая гвардия" на издание книгой моих документально-художественных очерков о гимназических годах Владимира Ульянова. Возвращались домой вместе, в купейном вагоне фирменного поез-

да "Ульяновск". В то время такой комфорт был доступен любому бюджетнику и пенсионеру. Обычным было и то, что Николай Николаевич загрузил свой чемоданчик и сетку апельсинами и крупными яблоками — гостинцами для семьи.

СЕКРЕТАРЬ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

При довольно тесном общении, какое сложилось у меня с Николаем Благовым с осени 1976 года, я вольно или невольно был в курсе многих его дел и забот, связанных с должностью ответственного секретаря Ульяновской областной писательской организации. Ежемесячно напоминало о себе из Москвы Правление республиканской организации: по почте и телефону — с обращениями с различными рекомендациями и запросами, вызывало на пленум Правления или заседание секретариата Союза писателей. Время от времени поступали от городских и областных властей приглашения на заседания и конференции.

Но главным и желанным делом для себя Николай Николаевич, конечно же, считал встречи с коллегами по перу, работу с начинающими авторами, рецензирование стихийно поступающих рукописей и конкретную помощь тем перспективным литераторам, за счет которых могла бы прирастать областная писательская организация.

Последней задаче он, пожалуй, уделял больше всего времени. Ведь какой-то злой рок витал над

нашей организацией. В Ульяновске жили и трудились Анна Караваева, Арсений Рутько, Елизар Мальцев, Григорий Коновалов, Анатолий Жуков, Станислав Романовский, Борис Дедюхин, Владимир Пырков, но, как только появлялась возможность устроиться в Москве или Саратове, — уезжали туда и, как правило, навсегда. Другие, скажем, Николай Краснов, расставались с родным городом по семейным обстоятельствам, а Василий Подгорнов и Петр Бейсов безвременно ушли из жизни. В итоге же получилось так, что писательская организация на родине Ленина оказалась одной из самых малочисленных в Российской Федерации.

Сам-то Николай Николаевич хотел бы твердо следовать принципу "лучше меньше, да лучше", но, согласно бюрократическим порядкам, утвердившимся в Союзе писателей, областная организация, состоявшая менее чем из 15 членов, не имела даже своего бюро пропаганды. А без наличия такой "штатной единицы" трудно было организовать систематические выступления писателей в городах и весях области, а следовательно, и немного помочь им материально.

Но создание бюро — это все-таки второстепенное дело, ибо для литератора гораздо большее значение имел членский билет Союза писателей: ведь он давал право на бесплатную дополнительную жилплощадь, на путевки в Дома творчества, на повышенные ставки авторского гонорара, а также право на рост трудового стажа даже в том случае, если он покинет службу и перейдет на "вольные хлеба". Если же возникала какая-то острая необхо-

димось, то республиканское правление Союза писателей выделяло порой и небольшую материальную помощь.

Понятно, что литераторы, добивавшиеся признания в Союз писателей, рассматривали членство в нем как официальное признание своих творческих способностей и дарований. Не удивительно, что желающих пополнить ряды областной писательской организации всегда находилось более чем достаточно.

Николай Благов, несмотря на свою природную доброту, прием новых членов вел весьма осмотрительно. Первым на очереди он бесспорно считал 32-летнего Евгения Зиновьевича Мельникова, выпускника местного пединститута, плодотворно трудившегося в редакции "Ульяновского комсомольца". В свое время Николай Николаевич давал добро на публикации его стихов в журналах и альманахах, а также повести "Угол прицела" — уже отдельным изданием. Словом, Евгений Зиновьевич состоялся и как поэт, и как прозаик, и Благов с чистым сердцем добился, чтобы Мельников без особых проволочек получил членский билет Союза писателей.

Выражая по этому поводу свое глубокое удовлетворение, Николай Николаевич в заметке "Всеми окнами в жизнь", опубликованной 17 мая 1988 года в "Ульяновской правде", с похвалой отзывался о поэтическом таланте Владимира Дворянского, чей голос, "освободясь от заемных интонаций", заметно окреп. "Трудно и не без перебоев, — продолжал Н. Благов, — складывалась литературная судьба Анатолия Наумова". Но после перерыва в

несколько лет он подготовил второй стихотворный сборник, который может оправдать "самые лучшие надежды".

Насколько глубоко вникал Николай Николаевич в творчество каждого автора, наглядно говорят строки этой заметки о стихах 50-летнего Петра Трофимовича Мельникова. "Это — поэт редкой и нелегкой судьбы. Выдержит ли тонкая стихотворная ткань жизненных впечатлений — покажет время. Думается, не случайно Петр Мельников всерьез берется за прозу. Его рассказы и две повести, которые еще не дошли до читателя, проходят последний обжиг, обещают появление писателя глубоко своеобразного".

Нашлись у Н. Благова теплые слова в адрес лауреата областной журналистской премии имени М.И. Ульяновой Евгения Ларина, автора нескольких детских книжек, который написал "талантливую историческую поэму", а также — Ольги Крыловой и Виктора Авдеева, Виктора Сергеева и Анатолия Марасова, подготовивших свои первые книги повестей и рассказов, и Юрия Соколова, чей поэтический сборник уже принят издательством. "В жанре очерка, — продолжал Николай Николаевич своеобразный отчет работы писательской организации за последние два года, — плодотворно работают ульяновские писатели Жан Миндубаев, Владимир Трофимычев, Владимир Карнаухов. Широко известны книги нашего талантливого публициста Жореса Трофимова, чьи исследования симбирского периода жизни Ульяновых отличаются четкой выверенностью каждого исторического факта. Научная добросовестность, ши-

рокоохватное историческое мышление отличают работы этого ученого и писателя".

Мне несколько неловко приводить такие чересчур лестные высказывания о себе, но они были опубликованы в главной газете Ульяновска. И если я решился привести полностью этот абзац, то, главным образом, для того, чтобы оттенить деловую основу наших с Николаем Николаевичем отношений: он видел во мне не только ученого, но и собрата-писателя. И это было не только его личное мнение: еще 19 января того же 1978 года общее собрание Ульяновской писательской организации в составе Н. Н. Благова, В. А. Дедюхина, А. И. Царева, Е. З. Мельникова, Д. К. Дудкина, А. Д. Чеховской Н. А. Рябины, Л. Л. Фомина и В. И. Пыркова, единогласно проголосовало за прием меня в члены Союза писателей РСФСР. В моем архиве сохранился черновик протокола прений на этом знаменательном собрании, написанный самим Благовым.

Вот выдержки из выступлений, которые он счел нужным зафиксировать в протоколе. В. Дедюхин: "Я понимаю, что Ж. А. Трофимов проделал огромную работу. Работа его очень важна и особенно нужна нашей организации, нашему городу. Такой человек очень нужен в рядах нашего Союза". Д. Дудкин: "Ж. Трофимов не только отличный писатель, но и очень строгий историк и будет очень хорошим, очень нужным членом СП." Н. Благов: "Очень высокую оценку работе Ж. А. Трофимова дала в своих письмах М. Шагинян... Всей душой буду голосовать за прием Ж. А. Трофимова." А. Царев: "Я очень давно знаю Ж. А. Трофимова как автора книг и многих публикаций в центральной и мест-

ной печати. Разработку ленинской темы он ведет всегда со скрупулезной точностью... Большая заслуга автора и в умелой подаче материала. Тут сказывается дарование Ж. А. Трофимова как писателя". В. Пырков: "Это — серьезный писатель, со всей ответственностью разрабатывающий ленинскую тему в литературе... Я голосую за его прием в Союз".

С учетом этих выступлений, а также зачитанных Благovým рекомендаций, представленных секретарем правления Союза писателей РСФСР Г. И. Коноваловым (считавшим, что мои произведения "кроме научного содержания, являют собой факт художественной прозы и эстетическую ценность"), секретарем Воронежской писательской организации Е. Д. Люфановым (заявившим, что в последних работах исследователь Ж. Трофимов "проявил и талант писателя, живописуя прошлое Пензы, Симбирска, дела и дни своих героев"), и саратовским прозаиком В. Б. Казаковым (убежденным в том, что "для широкого круга читающих произведения историка Ж. А. Трофимова еще и художественны"), и состоялось единодушное решение собрания писателей о принятии меня в свои ряды.

Увы, тогда существовал такой порядок приема, когда решающее слово принадлежало приемной комиссии при правлении Союза писателей РСФСР, а большая часть ее состава не всегда считалась с решениями провинциальных организаций. Николай Николаевич прекрасно отдавал себе отчет в том, что возможны осложнения, и не устал напоминать находившимся в Москве Н. Е. Шундику и В. И. Кочеткову о том, чтобы они поясняли

кому следует, что я не "чистый" историк, а публицист и литературовед, произведения которого охотно публикуют и столичные литературно-художественные издательства и т. п.

Однако, не дожидаясь решения Москвы, поэт повел дело так, будто я уже являюсь полноправным членом писательской организации. И не без его влияния руководство издательства "Молодая гвардия", формируя в октябре 1978 года писательскую бригаду для выступлений в Ульяновске и области в связи с открывающейся Всесоюзной неделей молодежной книги, включило в ее состав и меня. За те четыре дня, которые мне довелось провести в Ульяновске, Димитровграде и Ивановском детском доме им. А. Матросова с известным поэтом Николаем Старшиновым, автором художественной биографии "Гончаров" Юрием Лощицем, лауреатом всесоюзного конкурса волгоградским поэтом Михаилом Зайцевым, я постоянно слышал из уст именитых гостей добрые отзывы о Николае Благове как о человеке и поэте. О тех незабываемых днях сейчас зримо напоминает фотография, запечатлевшая сцену провода "молодогвардейцев" литераторами Ульяновска во главе со своим лидером.

Впрочем, мне о них напоминают еще и две книги: сборник стихов Николая Старшинова "Ранний час", с авторской надписью: "Дорогому Жоресу Александровичу Трофимову — с сердечным уважением", и "Гончаров" (серии ЖЗЛ) Юрия Лощица, со словами на титульном листе: "Ж. А. Трофимову — мастеру биографического поиска — с пожеланием новых творческих успехов".

А вскоре я узнал, что именно во время пребывания в Ульяновске у Николая Старшинова выкристаллизовались чеканные и емкие строки, характеризующие самобытную личность тезки-друга: "Глубокое знание жизни, истинная заинтересованность в судьбах людей, чуткость к родной речи, вдумчивое, подвижническое отношение к поэтическому труду и, конечно, талант — все это делает Николая Благова одним из самых интересных поэтов России".¹

Эта высокая оценка, принадлежащая замечательному поэту-фронтовику, одному из основателей журнала "Юность" и альманаха "Поэзия", многолетнему руководителю семинара в Литературном институте имени М. Горького, вошла в его вступительную статью, открывавшую сборник стихов и поэм Николая Благова "Поклонная гора", который летом 1979 года вышел в московском издательстве "Современник".

Помнится, как только Николай Благов подарил мне авторский экземпляр изящно оформленного сборника, я сразу же после дружеского поздравления обратил взор на чрезвычайно престижную серийную эмблему на шмуцтитульном листе с надписью: "Библиотека поэзии "Россия". Показывая на несущийся в космосе советский краснорезный спутник, я с бокалом шампанского в руке воскликнул: "С выходом, Николай Николаевич, на космическую орбиту!".

И это, действительно, было так. В связи с 50-летием Николая Благова в Саратове был издан сбор-

¹ Благова Н. Поклонная гора: Стихи и поэмы. М., 1979, с. 7.

ник "Было — не было", в аннотации к которому указывалось, что читатель вновь встретится со многими традиционными для "известного советского поэта" мотивами: "темой войны и трудового подвига народа, стихами о русской женщине и великой реке Волге, со всеми звуками, красками и запахами родной природы, изображение которой проникнуто у поэта истинно народным пониманием красоты".¹

А "Молодая гвардия" отметила этот юбилей изданием сборника "Свет лица". В эту книгу, — говорилось в аннотации, — вошли лучшие стихи известного поэта, лауреата Всесоюзного фестиваля молодежи, написанные почти за тридцать лет работы в поэзии. Заключает книгу поэма "Тракт", рассказывающая о судьбе старшего брата В. И. Ленина — Александра Ульянова".

Критик Виктор Кочетков свою вступительную статью к этому сборнику "Несуетное слово" снабдил обстоятельным обзором творчества любимого им поэта-волжанина. Вот некоторые из его итоговых наблюдений, сохранившие свою ценность и в наши дни: "Поэтический материк Николая Благова не отличается обширностью. Но зато это один из самых удивительных миров в нашей российской лирике, поистине заповедная земля, полная красоты "неусмиримой", свежести, буйства красок, счастливого гомона жизни".

Главным достоинством поэзии Николая Благова, дающим ему право на читательское внимание, В. Кочетков считает высокую концентрацию об-

¹ Благов Н. Было — не было. Саратов, 1981, с. 4.

разного материала его стихов: "Строка Благова насыщена таким художественным знанием жизни, страстей и печалей человека, какое мы не часто встречаем в современной лирике, даже в той ее части, которая носит маршальское звание философской, "интеллектуальной" поэзии".

Но благовскую поэзию полюбит только тот читатель, которому есть что вспомнить в своей жизни. Именно в этом случае иногда "одним только найденным словом, одним-единственным образом поэт пробуждает в читателе пласты пережитого... Николай Благов умеет рождать в нас этот душевный отклик, эту потребность пить из родника памяти".

Для вдумчивых читателей встреча с благовской поэзией — это всегда праздник: так привлекают "серьезность раздумий о жизни, органичность поэтического мира, крепость и пружинистость строки". И мнение таких книголюбцев выразилось в заключительном выводе В. Кочеткова: "Николай Благов ведет нас сельскими проселками, полевыми стежками, лесными тропами, улицами и проулками российских деревень и городов, знакомит нас с людьми совершенно обыкновенными с виду, рассказывает нам самые обыкновенные житейские сюжеты, но делает это с таким трепетным чувством ко всему прекрасному, что мы невольно восклицаем: да это же чудо!"¹

К сожалению, власти в родном городе Николая Николаевича не смогли понять, что его поэзия уверенно занимает место среди значительных явле-

¹ Благов Н. Свет лица, с. 14.

ний современной русской лирики", и относились к нему, мягко говоря, без должного внимания. Правление Союза писателей РСФСР, желая отметить заслуги Н. Благова к его пятидесятилетию представлением о награждении его орденом, заблаговременно известило об этом власти Ульяновска. Руководство обкома и облисполкома после долгой волокиты лишь 31 декабря 1980 года, в самый канун юбилея творца поэтического чуда, вынесло постановление: "За многолетнюю и плодотворную деятельность в области советской литературы, активную общественную работу и в связи с пятидесятилетием со дня рождения просить Президиум Верховного Совета РСФСР наградить ответственного секретаря Ульяновской писательской организации тов. Благова Николая Николаевича почетной грамотой".¹

Судьба этой просьбы с большим опозданием, все-таки, сложится положительно для поэта, но ни 1 января 1981 года, ни в последующие дни "Ульяновская правда" и "Ульяновский комсомолец" ни словом не упомянули о юбилее выдающегося поэта-земляка, хотя на первой же странице органа обкома КПСС и облисполкома новогоднего и других номеров публиковались фамилии десятков передовиков сельского хозяйства, строителей, других тружеников, награжденных орденами и медалями за успехи в выполнении очередной пятилетки.

И все-таки, в новогодней "Ульяновской правде" есть фамилия Николая Благова. Это Игорь Хрусталеv, чтобы как-то отметить юбилей поэта, и

¹ ЦДНИ, ф. 8, оп. 76, д. 30, л. 141.

организовал к знаменательному дню статью самого Николая Николаевича "Ответственность слова". Это был рассказ о прошедшем недавно в Москве съезде писателей РСФСР и ходе выполнения постановления ЦК КПСС "О работе с творческой молодежью". С удовлетворением отметив творческий рост Е. Мельникова, В. Дворянского, В. Сергеева, О. Крыловой и Ю. Соколова, он добрым словом упомянул и о ветеранах — Ю. Куликове, М. Небыкове, С. Осипове, В. Дедюхине, Н. Рябинине, А. Цареве, А. Кузнецове, А. Гарипове, И. Хмарском, Е. Ларине, А. Бунине, К. Воронцове, И. Квятковском, Е. Лобашове.

Ответственный секретарь не считал нужным говорить о собственных делах и планах, зато чеканно сформулировал главную задачу коллег-литераторов: "всемерно укреплять родство писателя с целительной реальностью жизни, заботиться о том, чтобы никогда не прерывалась энергетическая связь: писатель — жизнь, жизнь — писатель".

Кстати, связь между нами с осени 1980 года стала особенно тесной, ибо при непосредственном участии Николая Благова горсовет выделил мне взамен двухкомнатной квартиры в Киндяковке (откуда мне было очень далеко добираться на общественном транспорте и до редакции "Ульяновская правда", и до Дворца книги, и до архивов, и до Ленинского мемориала, и до Краеведческого музея, и до дома писательской организации — мест, с которыми я был связан творческой работой) равную по площади квартиру в только что возведенном девятиэтажном доме по ул. К. Либкнехта. Те-

перь с окна ли своего кабинета, или с лоджии, выходящих на ул. Матросова и расположенных напротив благовского дома, я ежедневно видел большое окно квартиры поэта, часто светившееся до поздна. Вот чем объясняется его дарственная надпись на вышедшей в 1981 году книге "Было — не было": "Жоресу Трофимову — по-соседски — с добрыми пожеланиями". А на сборнике "Свет лица" Николай Николаевич со свойственным его широкой натуре эмоциональным всплеском начертал: "Талантливейшему земляку и прекрасному человеку".

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ РОССИИ

Последняя из приведенных выше дарственных надписей сделана Николаем Благовым 23 октября 1981 года, то есть через три недели после появления в центральной печати сообщения комиссии Президиума Совета Министров РСФСР в области литературы, искусства и архитектуры о том, что после рассмотрения работ, представленных на соискание Государственных премий республики этого года, она приняла решение допустить к участию в конкурсе следующие кандидатуры: "В области литературы: 1. Благов Н. Н. Книга стихов и поэм "Поклонная гора". Представлена Государственным комитетом РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Союзом писателей РСФСР".

Из представленных еще пяти кандидатур Горбачев Н. А., Дементьев В. В. и Семенов Г. В. являлись прозаиками. Непосредственными конкурентами Николая Николаевича были поэты Доризо Н. К. и Машбаш И. Ш. Они, как и Благов, имели такие же высокие рекомендации, да еще вдобавок — редколлегии журнала "Москва" (Н. Доризо) и Краснодарского крайкома КПСС и крайисполкома, Адыгейского обкома КПСС и облисполкома, Адыгейской писательской организации (И. Машбаш).

Сам факт того, что правительственная комиссия из сотен претендентов на высшую литературную награду России допустила Николая Благова к финишному этапу конкурса, не мог не радовать как самого поэта, так и его друзей, всех почитателей его таланта.

Вместе с тем было ясно, что легкой победы в конкурсе быть не может. Ведь имя Николая Доризо было постоянно на слуху — его песни распевались по всей стране, и в Москве имелось немало высокопоставленных ходатаев в пользу его кандидатуры. Что касается И. Машбаша, то в многонациональном СССР представителей автономных образований было принято поддерживать на всех уровнях. Вот почему Николай Николаевич довольно спокойно отреагировал на появившееся 29 декабря в газетах постановление Совета министров РСФСР о присуждении Государственных премий 1981 года, согласно которому лауреатами стали Н. Доризо и И. Машбаш.

Как ни в чем не бывало, в эти дни Н. Благов составляет план работы писательской организации, в который вновь вносит пункт о приеме в члены

Союза писателей поэта Е. Ларина и публициста Ж. Трофимова. По его предложению в мае 1982 года я выслал в приемную комиссию при правлении СП РСФСР вышедшие в 1979—1981 годах в Москве и Саратове свои четыре книги ("Великое начало", "И. Н. Ульянов", "Отец Ильича" и "И. Н. Ульянов в Пензе"), а также рецензии на них, опубликованные в центральной и местной печати.¹

13 октября 1982 года "Советская Россия" опубликовала сообщение известной комиссии при Совмине РСФСР о допуске к участию в конкурсе на Государственные премии 1982 года пяти литераторов. Опять первым шел Н. Н. Благов, а за ним — С. А. Баруздин, В. В. Дементьев, А. Ю. Кривицкий и Н. Н. Низмутдинов. А 24 декабря стало известно, что лауреатами стали В. В. Дементьев и Н. Н. Низмутдинов. Можно ли, как это представляется некоторым литераторам, говорить, что Николай Николаевич сетовал, будто его "снова обошли", что повторный отказ — это "элементарное унижение" и причисление его "к второстепенным литераторам" и т.п.?²

Отнюдь нет. Ведь он отлично понимал, что конкурсная комиссия в Москве не могла не считаться с тем, что Валерий Дементьев — это фронтовик, издавший еще в 1947 году свой стихотворный сборник, а его монографии о поэзии А. Прокофьева, Я. Смелякова, Л. Мартынова и А. Твардовского свидетельствовали о мастерстве поэта и как критика. Что касается 65-летнего поэта Н. Н. Низмутдинова

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 118, л. 48.

² Ульяновская правда, 2000, 12 августа.

(известного под псевдонимом Назара Наджми), бывшего в прошлом председателем правления Союза писателей Башкирской АССР, то он 45-летним служением литературе заслужил общероссийскую награду. И если уж и нуждался Николай Благов в конце 1982 года в моральной поддержке, то — в связи с трагической кончиной своей матушки Евдокии Ивановны, наступившей 16 октября в результате несчастного случая (сильных ожогов, полученных ею в Крестовом Городище при попытке разжечь в печи отсыревшие дрова керосином).

Немало нервотрепки испытывал поэт в то время и по квартирному вопросу. Какому-то сановному чиновнику приглянулось жилье, занимаемое многодетным Благовым в элитном доме, и время от времени ему стали предлагать различные варианты переселения в другое место. Во время длительной болезни своей матери Николай Николаевич наотрез отказывался от всех вариантов, а после ее кончины в откровенной беседе признался мне, что, наверное, вынужден будет согласиться, если на семью дадут трех-и однокомнатную квартиры в центральной части города.

Однако, события развернулись по совершенно иному сценарию. Из-за некоторых публикаций критика М. Лобанова в журнале "Волга" главный редактор Николай Палькин решением правления СП РСФСР был освобожден от работы, и в начале 1983 года, по рекомендации Григория Коновалова и Николая Шундика, эта должность была предложена Николаю Благову, который, как известно, шесть лет возглавлял в журнале отдел поэзии. В. Дворянсков в связи с этим предложением писал

12 августа 2000 года в "Ульяновской правде": "Он какое-то время раздумывал, подсчитывая все плюсы и минусы. Но, в конце концов, согласился. И тут же злые языки зашелестели, что выбор он сделал исключительно из-за премии. Мол, солидная должность обеспечит ее присуждение, так как "свободный художник" в таких ситуациях не котируется.

С этим объяснением трудно согласиться, ибо Николай Николаевич был штатным ответственным секретарем областной писательской организации, а во-вторых, отъезд в Саратов позволял ему сохранить на какое-то время обжитую квартиру. А вот с мыслью о том, что поэт имел "свои пристрастия, свою концепцию, которые мечтал воплотить на страницах толстого журнала", можно согласиться. Как бы то ни было, а 30 марта 1983 года состоялось отчетно-выборное собрание Ульяновской писательской организации, которое, заслушав и обсудив доклад Николая Благова, удовлетворило его просьбу об освобождении от должности секретаря. Это собрание приняло решение и о приеме в члены Союза писателей А. М. Наумова.

Готовясь к отъезду, Николай Николаевич с понятным вниманием подбирал у земляков-литераторов произведения, достойные публикации в ближайших же номерах "Волги". С небывалой дотошностью просматривал он и у меня рукописи для использования в журнале. И уже осенью 1983 года "Волга" опубликует "Симбирские страницы биографии В. И. Ленина" — костяк будущей моей книги "Дух революции витал в доме Ульяновых" (которую в 1985 году "Политиздат" выпустит в свет 300-тысячным тиражом).

В октябре 1983 года в прессе появилось очередное сообщение комиссии Президиума Совмина Российской Федерации, в котором фамилия Николая Благова вновь открывала список кандидатур, отобранных к конкурсу на Государственную премию РСФСР. Наш поэт, наверное, был единственным, кто трижды подряд допускался к подобному финишу. И никто из болельщиков Николая Николаевича не сомневался, что уж на сей раз ничто не остановит его движения на поэтический Олимп. И вот он настал, волнующий день 23 декабря, когда центральные газеты опубликовали постановление правительства России "О присуждении Государственных премий РСФСР 1983 года в области литературы, искусства и архитектуры". Первым из четырех литераторов, ставших лауреатами литературной премии им. М. Горького, значился Н. Н. Благов — за книгу стихов и поэм "Поклонная гора".

А 28 декабря "Литературная газета" напечатала портреты новых лауреатов и интервью с ними. Первым из них публиковалось интервью с Николаем Благовым, в котором он заявил, что счастлив и горд тем, что "Поклонная гора" получила столь высокую оценку. "Писал о том, что близко, дорого сердцу каждого, — о Родине, России, о людях гордых, трудолюбивых и талантливых. Самому, по возрасту, на фронте быть не пришлось, — продолжал поэт, — но в моей приволжской деревне Андреевке, где остались только женщины, старики да малолетние, испытал вместе с ровесниками, каково нести нелегкую тыловую ношу. Хотелось сказать и о наших русских женщинах,

которые трудились от зари до зари, получали похоронки, оплакивали родных и, все же, не теряли доброты, оставались душевно щедрыми, благородными". В заключение Николай Николаевич сказал, что продолжит работу над темой, близкой к "Поклонной горе": "Ведь любовь к своей земле, ее людям, раздумья над их неразрывно переплетенными судьбами нельзя однажды выплеснуть и считать, что все об этом уже сказал".

Из пачки поздравительных телеграмм, сохранившихся у Ляли Ибрагимовны, обращают на себя внимание телеграммы от имени литераторов Российской Федерации за подписями С. Михалкова, Ю. Бондарева, Н. Доризо, А. Алексина и других руководителей правления СП РСФСР, редколлегии журнала "Наш современник", Ульяновского обкома КПСС, учителей и учеников Новоульяновской средней школы, коллектива Ульяновского телерадиокомитета, группы писателей-горьковчан. Особо примечательно послание собрата по мытарствам на конкурсе Валерия Дементьева, который лаконично, но емко выразил свои сердечные чувства: "Понимаю все переживания. Радуюсь торжеству справедливости. Желаю новых поэтических свершений".

Невозможно представить, сколько людей со всех концов России, да и из-за ее пределов, звонили в редакцию "Волги", поздравляли ее главного редактора-лауреата и желали ему творческих успехов. За час до наступления нового, 1984 года Николай Николаевич поздравил нас с женой Натальей Михайловной. По телефону чувствовалось его приподнятое настроение. Он обещал в первых числах января прибыть в Ульяновск на побывку к семье.

Нетрудно представить, сколько нашлось желающих лично засвидетельствовать земляку-лауреату свое почтение, как только Благов появился в родном городе. Находились среди них любопытные, которых интересовала денежная составляющая Госпремии России. А когда Николай Николаевич говорил, что ее не хватит даже для покупки "Жигулей" (тогда цена такой машины была менее шести тысяч рублей), то шумно выражали удивление, а то и возмущение. В узком же кругу поэт поведал о более важной привилегии, которую имеют лауреаты: издательство "Советская Россия" немедленно переиздает его наградную книгу в специальной серии "Государственная премия РСФСР имени М. Горького", за которую автор получает повышенный гонорар. И, действительно, уже весной 1984 года "Поклонная гора" вышла в свет с эмблемой лауреатской серии, в изящном переплете и с прекрасным портретом поэта.

Итак, история с Государственной премией окончилась благополучно. И это сказалось и на росте авторитета Николая Николаевича в глазах власть имущих в родном городе (во всяком случае, никто уже не досаждал ему предложениями сменить квартиру). Но попытки заметно улучшить содержание журнала "Волга" отнимали столько сил, что сердце поэта стало пошаливать. При этом сказывалась и неустроенность быта, ибо вопрос о переезде семьи в Саратов требовал времени и согласия всех членов семьи. Естественно, что Николай Николаевич отпуск свой проводил с родными в Крестовом Городище и использовал всякую возможность, чтобы хоть на недельку заехать в Ульяновск к семье.

Во время одной из таких встреч весной 1984 года Благов, узнав, что я по договору с издательством "Советская Россия" подготовил рукопись документального очерка о Марии Александровне Ульяновой, попросил дать для "Волги" сокращенный вариант этого жизнеописания. В ноябрьском номере журнала очерк был напечатан, и решением редколлегии в начале 1985 года автор был назван в числе лауреатов премии "Волги".

И все-таки, несмотря на все старания, из Николая Николаевича, говоря его же словами, не получилось редактора. И не столько из-за трудностей творческого характера (ему постоянно досаждали авторы, чьи рукописи не представляли ценности ни по форме, ни по содержанию), сколько из-за скудости бюджета, не позволявшего по-настоящему работать с одаренными литераторами. И когда он еще раз попал в больницу, твердо решил возвратиться домой, в Ульяновск.

Конечно, непрестанно тревожила мысль об источнике содержания большой семьи: ведь даже такая скромная должность, как ответственный секретарь областной писательской организации, является выборной и пока занята А. М. Наумовым. Нельзя было твердо рассчитывать и на гонорары, ибо сборники стихов, если бы они даже издавались ежегодно, приносили бы известному поэту доход, равный зарплате среднего рабочего. Но на практике получалось, что книги выходили не каждый год. Хорошо, что Приволжское книжное издательство (не без хлопот Григория Коновалова) взялось выпустить в свет благовский сборник "Створы".

Сразу после возвращения поэта в Ульяновск, 13 сентября 1985 года, состоялось собрание областной писательской организации, на котором с отчетным докладом выступил А. М. Наумов. Несмотря на серьезную критику, прозвучавшую почти во всех выступлениях, А. Наумов вместе с Н. Благовым, Е. Лариным, Е. Мельниковым и В. Дворянковым был снова избран в состав бюро, а затем и ответственным секретарем (результат мог быть иным, если бы на собрание прибыли заболевшие ветераны А. Царев и Н. Рябинин). Впрочем, Николай Николаевич не проявил никакого рвения в борьбе за этот пост.¹

На исходе 1985 года, к 55-летию Николая Благова, саратовцы издали сборник "Створы", вобравший в себя как старые, уже известные стихи, так и созданные поэтом в последнее время. Только располагались они в книге не в той последовательности, в какой создавались и публиковались, а той чередой, которой хотелось самому поэту. "Створы" — это книга, по образному выражению автора рецензии на нее Н. В. Чернышевой ("Ульяновская правда", 1986, 12 января), будто "распахивающая перед читателем двери в жизнь, что вырастила поэта, что покоряет его вечной, непостижимой красотой, буйством красок и за которую порою бывает так страшно в этом меняющемся, неустойчивом, хрупком мире:

*Земля — зелененькая крошка
На тонких стебельках орбит.*

Сколько в этом любви и какое щемящее чувство незащищенности".

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 110, л. 1.

Оказавшись, как говорится, на "вольных хлебах", но оставаясь членом редколлегии "Волги", Николай Николаевич принимал посильное участие в ее работе. По давней своей традиции он продолжал скрупулезно знакомиться с рукописями, поступавшими на рецензию в областную писательскую организацию. Насколько требовательными и вместе с тем доброжелательными были его письменные разборы, можно судить по рецензии, написанной 10 марта 1986 года после завершения чтения стихов С. Матлиной, подготовленных для издания отдельным сборником.

С удовлетворением отметив наличие в рукописи "счастливых откровений", Николай Николаевич по-отечески строго посоветовал "избавляться от архаики в чувствах — от всяких прабабушек, от уверенности на избранничество, от надоедливости бабьих печалей, от строк без какой-либо нагрузки". Но и при столь серьезном разговоре поэт не терял чувства юмора. Ведая, что как-то В. Пырков (заведовавший отделом поэзии в Приволжском книжном издательстве) порывался издать стихотворный сборничек С. Матлиной, Благов не преминул заметить: "Может быть, воспользоваться этим порывом и добратся к нему с такой просьбой? У Светланы Матлиной есть право на такую издательскую надежду".¹

А на следующий день, 11 марта 1986 года, по настоянию Николая Николаевича, собрание Ульяновской писательской организации вновь рассмотрело вопрос о принятии меня в члены Союза пи-

¹ ЦДНИ, ф. 6001, оп. 1, д. 110, л. 62.

сателей, и все девять человек, участвовавших в тайном голосовании, сказали свое "за".¹

Забегая вперед, замечу, что вследствие происков наших общих с поэтом недругов приемная комиссия при правлении СП РСФСР вновь отклонит решение писателей Ульяновска: "телефонное право" действовало почти безотказно. Власть имущие в то время предпочли растить областную организацию за счет приглашения "готовых" членов Союза писателей из союзных и автономных республик. Желающих сразу же по приезде в Ульяновск получить квартиры находилось более чем достаточно.²

Этой весной Николай Николаевич намеревался отдохнуть в писательском Доме творчества (в подмосковной Малеевке), но врачи воспротивились и взамен предложили лечь в больницу. Сообщая об этом 10 апреля Дамиру Исмагиловичу Шарипову, секретарю Чердаклинского райкома КПСС, которому обещал написать очерки о передовых хлеборобах, поэт с горечью поведал: "Правду сказать, я еще с 82-го года почувствовал, что катастрофически теряю здоровье, вынужден был после четырех госпитализаций в предынфарктном состоянии подать заявление об уходе с должности главного редактора журнала "Волга". С тех пор началась потеря зрения... Два последних номера я подписывал, не сумев вычитать как следует мелкого шрифта.

А сейчас вот вся свора болезней, видимо, накинута на меня с новой свирепостью. И вообще — душа неспокойна.

¹ Там же, л. 42.

² Там же, д. 118, л. 26.

У меня к Вам есть одна просьба, дело, с которым и сам я мог бы справиться, будь я сколь-нибудь практичным. Вот в чем оно состоит. Не могли бы Вы, Дамир Исмагилович, позвонить директору совхоза Матренину Ал-ру Павловичу, чтобы он хотя бы к Дню Победы повелел привести в порядок могилу моего отца. Надо поставить ограду и привинтить звездочку, все в пределах приличного стандарта. Оплату, разумеется, я гарантирую.

И последнее. В связи со своими хворями я до сих пор не оформил права на наследство, считая это само собой разумеющимся. Все сделаю сразу же по выходу из больницы. Избенка в Городищах не ахти какая, но для меня она дороже всяких денег памятью родства и просто большой деревенской и вообще человеческой памятью".

"ЖАР-СЛОВО"

Врачи бывшей областной спецбольницы (на улице Карюкина, теперь она обслуживала и творческих работников, и ветеранов Отечественной войны, да и жителей близлежащих кварталов) в течение мая подлечили Николая Благова, после чего он предпочел вместо подмосковного Дома творчества отправиться вместе со всей семьей в Крестово Городище. Родная природа и повседневное общение с близкими людьми помогли подкрепиться могучему организму поэта, и уже в конце июня 1986 года он будет участвовать в работе очередного, VIII съезда писателей СССР.

Перед самым отъездом в Москву пришло письмо из Саратова от Григория Ивановича Коновалова, который, несмотря на свои 78 лет и тяжкие хвори, выпавшие на его долю в последнее время, трудился над завершением романа "Воля". "Будешь на съезде, — просил Коновалов, — поклонись от меня нашим общим друзьям, по твоему выбору. Они молодцы, пишут отлично, правдиво. Но и этой правдой я сыт. Сыт бормотанием "красота спасает мир". Дурь это, кокетство, двуличие. Надоели разговоры о "совести"... Удивляют деревню лаптями. Разве что бескультурность, умственная лень, жирный опыт и жирная мораль торгашей, воров, чиновников смогли так обескровить человека, что он теперь диву дается, услышав простейшую мудрость..."¹

Работа съезда писателей началась во вторник, 24 июня, в Большом Кремлевском дворце в присутствии М. Горбачева, Г. Алиева, В. Воротникова, Н. Рыжкова, Э. Шеварднадзе и других руководителей КПСС и Советского государства. В отчетном докладе председателя правления Союза писателей СССР Георгия Маркова "Быть в гуще жизни, служить интересам народа" после короткой констатации успехов многонациональной литературы прозвучало немало критических слов по поводу появления "серых и конъюнктурных произведений". В духе перестройки звучали и призывы бороться за "подлинно человеческую нравственность, против консерватизма и эгоизма, пьянства и взяточничества, бесхозяйственности и вещизма, клеветы и очернительства..." Писательская аудитория полно-

¹ Из личного архива Н. Н. Благова.

стью разделяла суждение докладчика, что "по вине правящих кругов США возникла реальная опасность термоядерной катастрофы".

Справедливости ради надо сказать, что даже литераторы, которые преуспевали в эпоху Брежнева, говорили, будто наступило "время прозрения" (С. Михалков), что общество ждет произведений, которые "будят нашу совесть" (А. Чаковский), призывали "стряхнуть с себя благодушие и чиновничество, разъедающие здоровую мораль" (Ф. Кузнецов). Анатолий Алексин (проживающий теперь в Израиле), напомнив слова В. И. Ленина о необходимости того, чтобы "все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали", горячо убеждал в необходимости "дать бой праздному суесловию, отчуждающему слово от дела, цинизму, жестокости, тунеядству..."¹

Кроме пленарных, происходили заседания делегатов съезда по секциям, где в общей сложности выступило около полутора сотни ораторов. Николай Благов привез с собой все стенограммы заседаний VIII съезда. Но ульяновцы имели возможность познакомиться с основными материалами и по публикациям в "Литературной газете". Поэтому, когда Н. Чернышева брала у Николая Благова интервью для "Ульяновской правды", поэт ограничился заявлением, что ему по душе пришлось выступление В. Распутина, В. Белова, П. Проскурина, С. Залыгина, Г. Бакланова, Д. Гранина, страстно призывавших коллег-литераторов к бес-

¹ Советская Россия, 1986, 25, 26 и 27 июня.

корыстному служению родине и народу, к неодолимой приверженности правде, к доброте, справедливости. Одобряя наступление ораторов на серость и косность, Николай Николаевич в заключение самокритично признался собеседнице: "Конечно, теперь уже иначе смотришь на себя, на все, что задумано, будет делаться. Многое можно говорить и о нашем областном отделении писателей, но это уже тема специального разговора... Я хотел, чтобы и мои товарищи заразились тем же созидательным настроением, заболели необходимостью коренной перестройки".¹

Увы, этот призыв поэта, являвшегося на протяжении трех десятилетий фактическим лидером ульяновских литераторов и помогавшего им в совершенствовании мастерства и публикации произведений, а также во вступлении в Союз писателей, не нашел душевного отклика у А. Наумова и его ближайшего окружения, которых объединяли узко групповые, эгоистические интересы.

Эта мысль нашла отражение в статье "С позиции высокой гражданственности" Андрея Царева, появившейся 20 ноября 1988 года в "Ульяновской правде". По его твердому убеждению, неблагоприятная обстановка в писательской организации сложилась по вине А. Наумова, давно привыкшего "сидеть в кабинете и писать "нетленные" произведения". Не мудрено, что во время его секретарства в писательской организации "не была создана творческая атмосфера". "Здесь мы, — продолжал Царев, — много сил и времени тратим на "выясне-

¹ Ульяновская правда, 1988, 30 июля.

ние отношений", на сведение личных счетов, на постыдные распри. И как итог — творческое бесплодие".

Не желая выносить сор из избы, А. Царев не раскрыл, кто и с кем именно сводит личные счета. Это сделал другой — литератор-фронтовик Сергей Осипов, который, выступая 26 февраля 1989 года в "Ульяновской правде" со статьей "Пишу с болью в сердце", сказал и о расколе в областной писательской организации, и о накале страстей "поистине гамлетовских", которые разгорелись там по вине А. Наумова и его приближенных. "И страсти не безболезненны, — продолжал С. Осипов. — Они устроили настоящую травлю крупнейшему поэту не только нашей области, но и всего Поволжья — лауреату Государственной премии имени А. М. Горького Николаю Благову".

Нет необходимости в популярном очерке воскрешать все подробности этой травли поэта, серьезно больного, который официально был признан инвалидом 2-й группы. Замечу только, что когда мы с ним состояли на учете в парторганизации при редакции "Ульяновской правды", помнится, на одном из собраний редактор А. И. Миронов позволил себе едко иронизировать над некоторыми строками вступления к поэме "Тракт". Был случай, когда комиссия, проверявшая правильность уплаты членских взносов, выявила группу коммунистов, которые забыли включить какой-нибудь гонорар в общую сумму зарплаты. В числе "нарушителей" оказался и Николай Благов. Под благовидным предлогом поэт перешел в парторганизацию при областном управлении по делам печати, издательств и

книжной торговли. Но недруги старались и там "достать" его придирами за какую-либо оплошность (поступил сигнал о том, что во время нелицеприятного разговора, по поводу чая, с проводницей поезда "Москва-Ульяновск", Николай Благов якобы был в нетрезвом состоянии).

Слухи о невзгодах, выпавших на долю Николая Николаевича, доходили и до Григория Коновалова, который находил в себе силы, чтобы поддерживать его теплыми письмами. 25 октября 1986 года он писал поэту: "Береги себя, очень прошу, береги... Божественное творческое спокойствие пусть царствует в душе твоей".

"Думал о тебе, вернее, не столько думал, сколько переживал, — говорится в письме от 8 декабря 1986 года. — Надо бы гневаться на тебя, да не могу, потому что люблю. И все-таки, скажу — зачем ты толкуешь о поэзии с ульяновскими мещанами? Гневаться не могу, но скорблю. Неужто ты не можешь держать себя на высоте своего таланта? Сказали мне, что лай на тебя был в Симбирске. Подальше от них. То есть не толкуй с ними о том, чего они никогда не поймут. Они только обижаются. Да еще печатно. Береги свое здоровье. Грех трать его на стычки. Пиши стихи. Наконец, заметки, дневники".¹

Увы, эти строки Григория Ивановича, который на протяжении почти сорока лет был учителем и старшим другом Николая Благова, оказались и последним ему завещанием: 19 апреля 1987 года сердце этого талантливого и самобытного худож-

¹ Личный архив Н. Н. Благова.

ника слова, коммуниста с почти шестидесятилетним стажем перестало биться. Смерть Г. И. Коновалова была большой потерей для поэта. Об этом замечательном писателе и человеке Николай Николаевич писал не раз, в том числе очерк "Приближение к тайне", приуроченный к его 70-летию.¹

Кстати, и в этом юбилейном очерке, как и в других, сам Благов проявлял свой собственный недюжинный талант прозаика. Вот только несколько строк из этого очерка, как всегда пронизанных острым благовским мироощущением и выраженных только ему присущим особым образным языком.

"Долгое время живя в ощутимой близости от этого человека, — писал Благов о Коновалове, — а то и под самым его странноприемным крылом, не раз я видел его и в порывах разгоряченной безудержным буйством таланта гордыни, и в приступах беспросветного отчаяния, то есть в те редкостные минуты, когда душа, не прикрытая ничем житейским, благоприобретенным, освобождается, кажется, во всей первозданной своей истинности". Поэт писал и о глубоком проникновении творчества писателя в историю своего народа, и о богатстве напоенного фольклором языка его произведений, отмечал, что через всю его жизнь "просвечивается незарастаемой стезей примагниченность писателя к ленинской теме..." Свой очерк к 70-летию Г. И. Коновалова поэт не мог не украсить стихотворной строкой. Он и начал его с поэтического выражения своих чувств и мыслей:

¹ Ульяновская правда, 1978, 30 сентября.

*Я чувствую, как ноют половицы,
Как жизни продолжается размол,
Как топчешься ты, глядя на страницы,
Рабочий свой обхаживая стол.
Мне кажется: хоть годы прахнут снегом,
Ты не усвоил, где пригнуться, чтоб
Не размозжить о притолоку века
Высокий свой, открытый правде лоб.
Гудишь себе, неслышный, невеликий,
Как шмель на индивеющем лугу,
Лучом, неразличимой шелковинкой,
Привязанный к последнему цветку.*

В полном виде это стихотворение поэт включит впоследствии в сборник, предварив его посвящением "Памяти Г. И. Коновалова".

В эту трудную для поэта пору конца 80-х годов поддержка Ляли Ибрагимовны, всех родных и добрых знакомых помогла ему хоть немного, но творить и даже помогать другим. Вот один из примечательных фактов. 9 ноября 1989 года саратовский поэт Александр Гнутов прислал Николаю Николаевичу рукопись (6 печатных листов) своих стихотворений "Черный конь с белозубой улыбкой" с просьбой написать рецензию и вступительную статью к сборнику. "Ценя и уважая Вас, — говорилось в письме, — как мастера и одного из наиболее ярких современных русских поэтов, я считаю для себя огромной честью получить Ваше отеческое благословение... Не скрою, мне так же, как и Вам, нелегко жить и работать в окружении врагов, мелких завистников и просто равнодушного непонимания".

В считанные недели Николай Николаевич выполнил эту просьбу, и 21 декабря А. Гнутов выражает глубочайшую признательность: "Практиче-

ски в рецензии Вашей заложено и предисловие и вообще так много ценного и важного... Показал рецензию В. И. Азанову (директору Приволжского книжного издательства. — Ж.Т.). Он сказал: "Узнаю в Благову ту мощь и силу, что всегда в нем любил и уважал".

В невыносимо трудных условиях Николай Николаевич еще нашел в себе силы для того, чтобы вдвое расширить свою рукопись избранных стихов, которые с конца 1989 года саратовцы стали готовить к изданию в виде юбилейного сборника к 60-летию поэта. К чести В. И. Азанова, взявшегося написать и предисловие и не посчитавшегося с набравшей силу кампанией наветов на КПСС и Ленина, включил в состав сборника не только антикультовое стихотворение "Сталин", но и "Поэму о матери", и написанное недавно стихотворение "Шушенская тишина", где с теплым чувством автор воссоздает эпизод из сибирской ссылки В. И. Ленина, напряженно трудившегося над "родником проклятых, руганых, сосланных книг".¹

С некоторым опозданием, но все-таки в юбилейном для Николая Николаевича 1991 году томик его стихотворений и поэм объемом в 13 печатных листов, в хорошем оформлении и жестком переплете под названием "Жар-слово" вышел в свет. От души приветствуя появление книги своего любимого поэта, Лев Бурдин в рецензии, опубликованной 2 июля 1991 года в "Ульяновской правде", присоединился к словам В. Азанова о том, что Н. Благов "по своему поэтическому уровню входит

¹ Благов Н. Н. Жар-слово. Стихи и поэмы. Саратов, 1991, с. 31.

в обойму пяти лучших российских поэтов нашего времени", и выразил твердую уверенность, что книга "войдет в классику русской советской литературы" и ее "еще долго будут изучать филологи, читать люди, любящие настоящее поэтическое слово".

Льва Бурдина особенно порадовало, что в новом сборнике оказались собранными воедино все четыре благовские поэмы — "Волга" (она "стала давно хрестоматийной, ее с охотой цитируют, ее читали по Центральному радио, использовали в литературных композициях"), "Изба" (она "актуальна, ибо пустеют села, зарастает земля, сделались никому не нужными старики"), "Тяжесть плода" ("глубоко философская поэма о смысле жизни...") и "Поэма о матери" (она "делает честь автору в наше смутное время... Большой поэт поставил на первое место трагедию матери, ее нравственную чистоту и величие, ответственность перед детьми").

Семь лет спустя в "Ульяновской правде" (1998, 14 февраля) Владимир Дворянсков тоже воздал хвалу Н. Благову, за то что в "Поэме о матери" рассыпано "множество драгоценных строк: ярких, точных, просто классических", а затем сделал неожиданный вывод о том, что содержание поэмы ныне, мол, "потеряло актуальность и значение...". Разве можно с этим согласиться? Уверен, что "Поэма о матери", как и некрасовские поэмы "Дедушка" и "Русские женщины", вызывающие и до сих пор восхищение перед подвигом декабристов и их подруг, будет волновать всех честных людей многие годы. Впрочем, кто из нас прав, можно судить

только при наличии анализа самой "Поэмы о матери", хотя бы такого краткого, какой сделан в главе "Поэтический редактор "Волги" настоящего очерка.

С сожалением приходится констатировать, что во всем большом потоке откликов с искренними словами признания и восхищения высоким уровнем поэзии Н. Благова трудно найти в печати конкретного разбора каждой его поэмы и хотя бы самых выдающихся его стихотворений. Эта работа еще ждет специалистов-литераторов. Понятно, что в историко-биографическом очерке о нашем поэте я не мог ставить себе такой всеобъемлющей задачи. Однако, обращаясь к творческой стороне жизни своего героя, как говорится, по ходу действия предлагаю читателям хотя бы краткие анализы его поэм и главных стихотворений.

Итак, обратимся же к стержневому стихотворению последнего сборника поэта "Жар-слово", определившему и общее его название. И хотя оно осталось вне поля зрения критиков, думается, что именно на нем следует остановиться подробнее.¹ Право, оно заслуживает этого.

Читая стихотворение "Жар-слово" и вдумываясь в каждую мысль, в каждый образ, понимаешь, что чем дальше с годами, тем, пожалуй, еще емче и сложнее пишет поэт, уходя в глубокие раздумья о судьбах родины, народа, о предназначении отечественной поэзии. "Жар-слово" — это одно из но-

¹ Анализ стихотворения "Жар-слово", как и ряда других стихотворений и поэм, рассматриваемых в этой книге, сделан, по моей просьбе, Трофимовой Натальей Михайловной.

вых стихотворений, вошедших в сборник, давшее всей книге одноименное название. Автор вкладывает в это название большой, всеобъемлющий смысл, видя в словосочетании "жар-слово" огромную согревающую, а порой и прожигающую насквозь силу как поэзии, так и слова вообще.

Стихотворение "Жар-слово", украсившее сборник 1991 года, создано, а точнее говоря, выстрадано поэтом в 1985—87 годах и сквозит болезненной неудовлетворенностью состоянием слова в наступившую эпоху, слова по большому счету; оно пронизано негодованием по поводу отхода его от правды жизни, подкупности его озирающейся на Запад властью, показухи и поддельной народности, отдаленной от пропитанного соленым потом человеческого труда, по поводу продажного лакейского увлечения иностранщиной и унижения и очернения своего собственного народа, отрыва от животворных корней своей родины и чистых пушкинских поэтических истоков.

Начинает Благов свое стихотворение "Жар-слово", отталкиваясь от нетленного пушкинского начала русской поэзии использованием одной лишь строки из "Бориса Годунова". Образно и остро от имени Истории критикует он слово поэтов-подражателей, поэтов-приспособленцев и разнузданных холопов власти.

Пиши: "Да ведают потомки..."

Искрит, взлетаючи, перо.

Стоит История в сторонке,

Вздыхает:

"Бедный мой, старо!

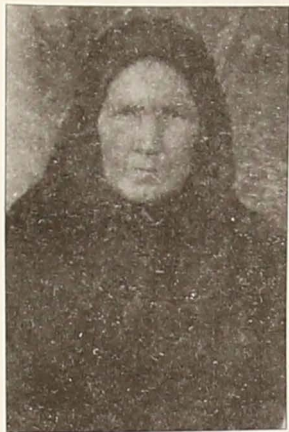
К Певцу холопам не пробиться,

У Родионовны спроси:

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА БЛАГОВЫХ

Родители поэта. Евдокия Ивановна и
Николай Гаврилович Благов. Ташкент, 1930 г.

Бабушка
Секлетиныя Ивановна.

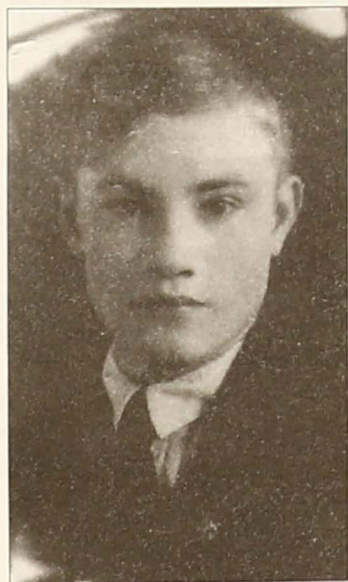
Коля Благов,
ученик 4 класса. 1944 г.

Дом С. И. Благовой, бабушки поэта,
где прошло детство Коли Благова.

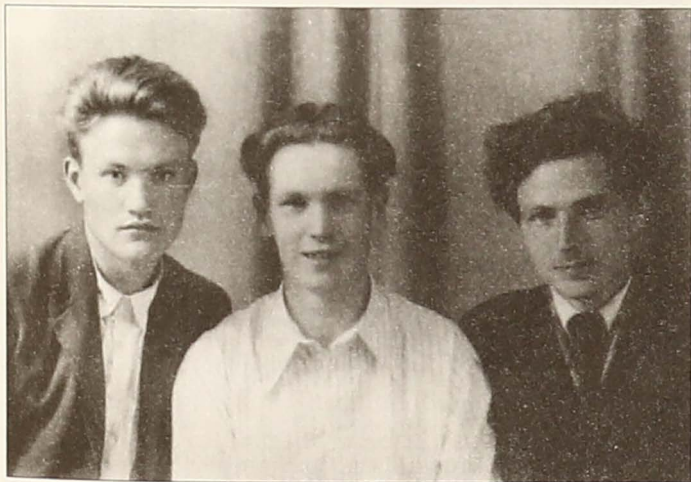
Отчим Лысов
Николай Афанасьевич.

Н. Благов, ученик 9 класса.

Рыбочкин Эриксон
Михайлович, школьный
товарищ поэта.

Друзья-поэты Николай Благов, Рэм Герасимов и
Николай Краснов, 1950 г.

П. С. Бейсов.

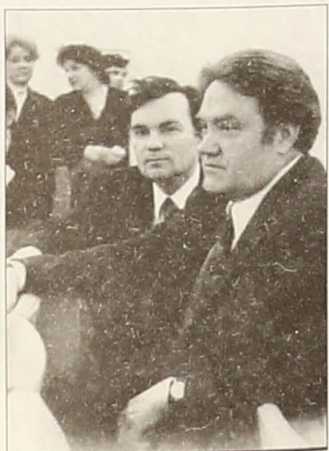
Здание пединститута.
Фото 1932 г.

Николай Благов и Ляля Ибрагимовна Мусина.

Марина и Светлана Благовы.

С. Романовский, Н. Благов.

Н. Благов и Г. Коновалов.

К. П. Воронцов.

В. А. Дедюхин.

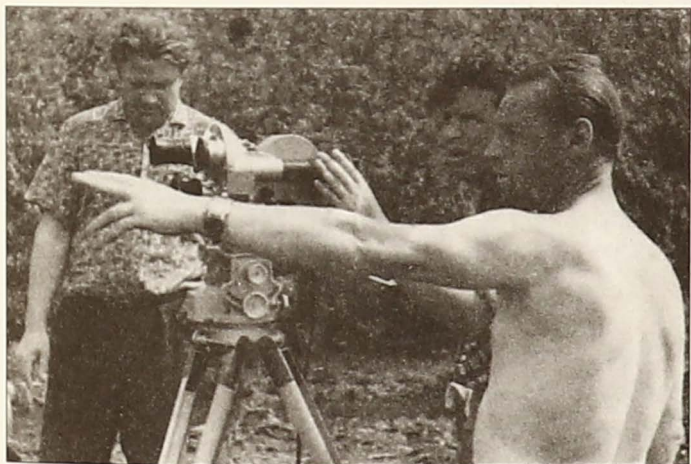
Н. Благов в кругу семьи.

Старшина Н. Благов.

Н. Благов с сыном Мишей.

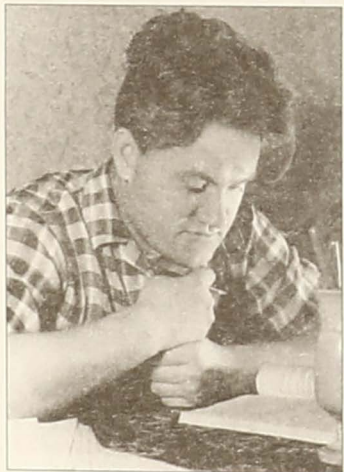

Н. Благов, А. Ивлиев и А. Горшков.

На съемках телефильма «Земля Пластова».

МГНОВЕНИЯ... МГНОВЕНИЯ... МГНОВЕНИЯ...

W. M. Thompson

W. M. Thompson

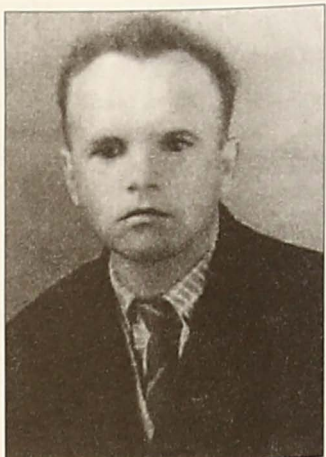
Н. Благов «голосует» на
дороге. 1954 г.

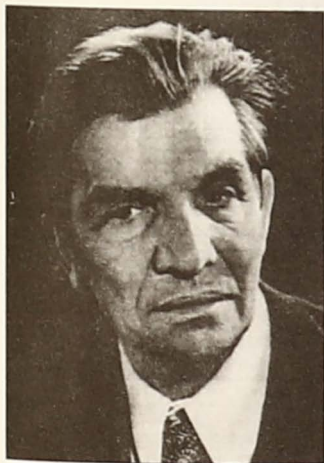
И. А. Варакин.

Н. И. Сизов.

В. М. Подгорнов.

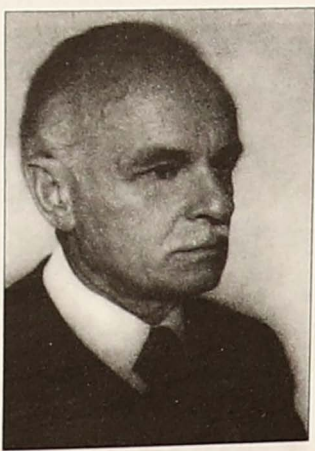
Д. М. Ковалев

А. И. Титовский

В. И. Сергеев

Ю. М. Грунин

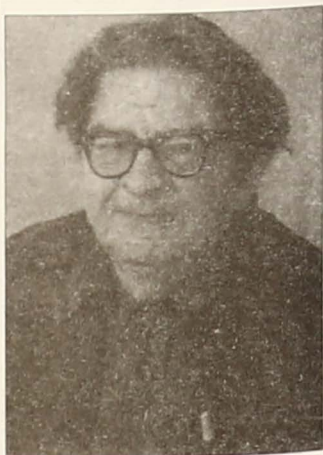
С. М. Кончев

Н. К. Старшинов

Л. А. Бурдин

Л. Л. Фомин

Проводы в Саратов. 1976 г.

Слева направо: П. Мельников, Н. Благов, А. Губин, Б. Бызов.

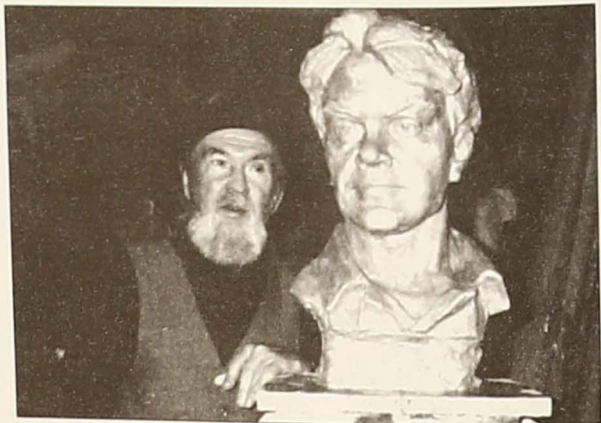
Проводы бригады издательства «Молодая гвардия». 1979 г.

В. С. Шустов 1961 г.

И. Д. Хмарский

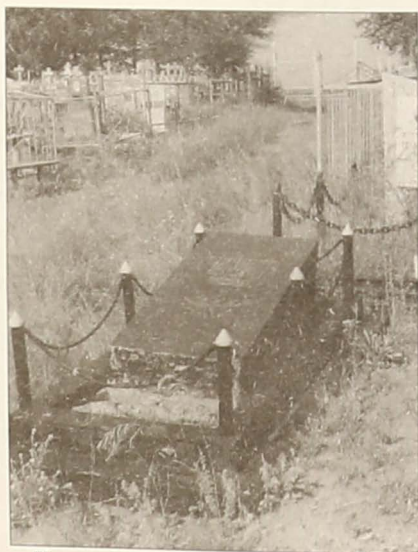
А. И. Клюев

Ж. Трофимов и Н. Благов в Языкове.

Мемориальная доска на д. № 5 по ул. Матросова.

Надгробие на могиле Н. Н. Благова
в с. Крестово-Городище.

*Небось, ай-ай, несладко спится
При хамском пенье на Руси".*

В расчете на эрудицию современного читателя, автор использует образ знаменитого перстня великого Пушкина, коим расписался он на стекле окна поэта-друга, не застав его в родовом имении Языково. И какие ассоциации в связи с этим фактом рождаются у Н. Благова?

*Стал перстень —
Пробивным наперстком,
К престолом липнешь,
Как к столу.
Болтливости своей стохвостой
Отбавь сороке на колу...*

Вот так: в сто раз больше слово приносит сплетен, чем сорока на хвосте... Возмущает нашего поэта примитивность, поддельность и продажность поэзии:

*Стих трехколенный,
Трехгрошовый
Потехой пахнет показной,
Без тяжелой соли пот дешевый,
Увы, оплаченный казной.*

Загнивание поэзии в трудное для Родины время, когда слово, забывая о своем животворном начале, о деликатности по отношению к своему многострадальному народу, унижает и травмирует его различной непотребностью, беспардонностью и чернухой, вызывает взрыв негодования у Истории в таких строках поэта:

*В тебя от градобои черных,
Как в мякоть сникшего плода,
До сердцевины златозерной
Пустила плечи чернота.*

*Не колготись, не зная броду,
Не все вколачивай в печать,
Позволь очухаться народу,
Имей же совесть помолчать.*

И с какой острой болью высмеивает Н. Благов слово "косящих на сторону взор" от "плакуче-безоружной" матери-Родины, "от матери, теперь ненужной, с какой готовностью! Позор!.." Слово таких вот "косящих на сторону" не удовлетворяет материнское молоко Родины...

*А вокруг соска намалевать
Иных гербов, крючков латинских
Спроста не догадалась мать.*

И обращаясь к такому бесстыдному слову-изменнику, автор укоряет:

*Все с налету.
В обход барьеров:
"Ау, Париж? Увы, Париж!.."*
*В каких ты Андах, Кордильерах
Табунным боталом гремишь?!*
*Бродяга, научись хотя бы,
Дабы прикрыть пустую грудь,
Златые пуговицы ямба
По-христиански застегнуть...*

*.....
А слово, вспыхнувшее кровью,
С которым век не совладать,
Налетным карканьем вороньим
Спешите с падалью сравнять.*

Играют в народность "не нюхавшие в деле ни молота и не серпа":

*Фольклорный клин обветрил сцену.
Народу на ушко поют,
Народу набивают цену,
О, хвалят — будто продают.*

И словно сама гордость словами поэта, встав во весь его могучий рост, с болью и упреком вопрошает:

*А в вас
Откуда он — непостижимо! —
Холопства приторный заквас?!
Откуда этот мор всесветный —
На хлебороба недород?
Пускает дым в глаза бездетный,
Гниющий на корню народ.*

Читая эти горькие строки, понимаешь, как удручен был поэт-патриот погибающим, не без вины предательского слова, самосознанием родного народа:

*Землю память задубела.
Зажглась подкожно
И скорей
Болячкой черной отболела —
Раскрепостила от корней!..
Невыносимый запах псины,
Жор загребуший: хрусть-похрусть.
Вглодались, как бобры в осину,
Похрупывают: "Русь... Русь... Русь..."*

На Руси "пожар гудит напропалую", "а мы пируем..." — укоряет автор и с горечью констатирует:

*Изнемогаем вечной дурью:
Отпыхнем чуточку, любя,
Спохватимся —
И всласть мордуем,
Спроси: кого-о-о-о?..
Самих себя!
А был Певец,
Он будет сниться...*

Это — вновь обращение к великому русскому поэту. Ему бы глоток животворной воды:

*Глоток бы, чтоб отпыхнуть залпом,
Глоток, закатному, ему —
Он и не то еще сказал бы,
Тут бережливость ни к чему...*

Да, какое бы "Жар-слово" мог сказать наш Пушкин...

Со времени обнародования "Жар-слова" минуло целое десятилетие, во время которого губительный процесс разрушения и разграбления нашей Родины в угоду Западу, компрадорской буржуазии, продажным деятелям культуры и средствам массовой информации принял катастрофические размеры. Вот почему благовское "Жар-слово" злободневно, и будет жечь, пока будут попирались интересы миллионов честных тружеников, разрушаться национальная культура и предаваться интересы Отечества.

УКАЗАТЕЛЬ

некоторых имен, встречающихся в тексте книги

Азанов В.И.	Домбровский Р.А.
Бажанов Т.П.	Доризо Н.
Бару Л.Г.	Дудкин Н.К.
Баруздин С.	Евтушенко Е.А.
Бейсов П.С.	Ершов Ю.А.
Борисов А.А.	Есенин С.А.
Бунин А.С.	Жарков В.И.
Бабаевский С.П.	Жуков А.Н.
Бубеннов М.С.	Зайцев А.И.
Варакин И.А.	Земняков Г.
Величко М.	Зуев В.Д.
Велле Г.	Иванов В.
Ветров А.В.	Ивашенко А.Г.
Викулов С.В.	Ивлиев А.П.
Вознесенский А.	Карамазов Ф.С.
Воронцов К.П.	Козлов А.И.
Ганин И.Ф.	Ковалев Д.М.
Гарин-Михайловский Н.Г.	Кириллов В.Н.
Герасимов Р.	Кончев С.
Гончаров И.А.	Козырев А.В.
Горецкий А.Н.	Космодемьянская З.И.
Горький А.М.	Коновалов Г.И.
Горшков А.М.	Коновалов Б.В.
Горшков А.	Корелина М.Н.
Гречушников А.М.	Кочетков В.И.
Гриценко Н.П.	Коринфский А.А.
Дедюхин Б.В.	Клочков В.Н.
Дедюхин В.А.	Кукуев К.
Демин Г.И.	Купреянов Е.П.
Денисова И.	Краснов Н.С.
Долматовский Е.	

Лаптев Ю.
Ларин Е.С.
Лермонтов М.Ю.
Лобанова (Коновалова) Б.Е.
Лысов Н.А.
Луконин М.
Макаров А.
Малинин Н.А.
Матлина С.И.
Маштаков Ю.
Мельников Е.З.
Минаев Д.Д.
Минаев Д.И.
Небыков М.М.
Неверов А.
Немцев А.М.
Никитин М.И.
Никитина Е.И.
Ознобишин Д.П.
Окуджава Б.Ш.
Осипов С.А.
Павлов М.
Палькин
Пирогова Л.
Пластов А.А.
Пластов Н.А.
Подгорнов В.М.
Полбин И.П.
Полевой Б.Н.
Пушкин А.С.
Росткова К.Г.
Рогачев Я.С.
Родина Р.А.
Рутько А.И.
Рябинин (Сидоров) Н.Р.

Садовников Д.Н.
Сафрошкин В.Г.
Сергеев В.И.
Соболев Л.
Слесарев П.
Старшинов Н.К.
Селиванов К.А.
Сухов
Твардовский А.Т.
Титовский А.И.
Толстой А.Н.
Толстой Л.Н.
Тургенев А.И.
Тургенев И.П.
Тургенев Н.И.
Туров Т.М.
Ульянов А.И.
Ульянов В.И. (Ленин)
Ульянов Л.П.
Ульянова М.А.
Ухсай Я.Г.
Файт А.М.
Фомин (Волков) Л.Л.
Хмарский И.Д.
Хрусталеv И.А.
Царев А.И.
Чагров А.И.
Чагров Т.А.
Чернышев В.И.
Чернышева Н.В.
Шарипов Д.И.
Штырлин А.В.
Шундик Н.Е.
Шолохов М.А.

ЭПИЛОГ

"Жар-слово" стало лебединой песней Николая Благова: несмотря на богатырское здоровье, дарованное ему природой, усилия врачей, заботливый уход жены и детей, болезнь прогрессировала, и поэт оказался прикованным параличом к постели. А 27 мая 1992 года его горячее сердце остановилось.

Проститься с выдающимся земляком пришли сотни почитателей его таланта. В небольшом кортеже автомобилей, направившихся на кладбище Крестова-Городища был и писательский автобус, в котором находились и мы с женой. Согласно воле Николая Николаевича, он был похоронен там же, где покоится прах Николая Афанасьевича Лысова, к которому он испытывал глубокие чувства, как к родному отцу.

В следующем году родные установили на могиле памятник. Массивная черная мраморная плита напоминает форматом толстую книгу, лежащую наклонно, в удобном для чтения положении. На ней краткая надпись: "Николай Благов. 1931—1992". Под надписью — скромная лавровая ветвь. Вокруг мраморной плиты — черное металлическое ограждение в виде двухступенчатой рамы с шестью невысокими черными столбиками с белыми наконечниками, соединенными тонкими провисающими металлическими дугами. А 19 августа 1994 года, при поддержке областного отделения Всероссийского фонда культуры, на доме (угол улиц Александра Матросова и Карла Либкнехта) была установлена мемориальная доска. По случаю этого, вообще-то

небывалого для Ульяновска события, к 11 часам дня собралось около 20 человек, включая пять-шесть репортеров и четырех Трофимовых (меня, жену, дочь Валерию и внука Дмитрия). Председатель областного фонда культуры Тамара Леонидовна Ильясова открыла митинг, и после снятия покрывала присутствующие увидели доску с золоченой надписью: "Лауреат Государственной премии России поэт Николай Благов жил и работал в этом доме с 1976 по 1992 год". (Можно было бы, конечно, украсить эту скромную доску барельефом выдающегося поэта...) На этом торжественном акте выступили друзья детства Николая Благова: Эриксон Рыбочкин и Николай Романов, институтский товарищ Валентин Чернышов, секретарь писательской организации Евгений Мельников и другие.

И до этого события, и после него друзья и почитатели таланта Николая Николаевича устно и в печати высказывали пожелания о названии одной из улиц именем поэта, создании благовского музея, выпуске сборника воспоминаний о нем, а затем и документального жизнеописания.

Однако проходили годы, а эти благие пожелания, как это часто бывало в Симбирске-Ульяновске, не воплощались в конкретные дела. По моему глубокому убеждению, правдивую и увлекательную биографию Николая Благова могли воссоздать такие близкие его друзья, как Константин Воронцов и Александр Бунин, но они, к сожалению, сами раньше ушли из жизни... Ну, а как я отважился написать документальный очерк о Николае Николаевиче, известно уже из предисловия к нему.

При публикации первой же главы очерка в "Ульяновской правде" (14 января 1999 года) я обратился ко всем, кому довелось общаться с поэтом, занести на бумагу воспоминания, еще раз просмотреть свои альбомы и сообщить об имеющихся там фотографиях Николая Благова.

Обращение принесло плоды. Бывший оператор областной студии телевидения Борис Григорьевич Тельнов, которому довелось сотрудничать с Николаем Николаевичем, прислал его вдове — Ляле Ибрагимовне, странички воспоминаний о съемках документальных фильмов (по сценариям Н. Н. Благова) о народном художнике СССР Аркадии Александровиче Пластове и заслуженном учителе РСФСР арторе книги "Литературные места Ульяновской области" Константине Андреевиче Селиванове, а также фотографии, запечатлевшие Н. Благова и А. Пластова во время натурных съемок.

Почетный гражданин Ульяновской области Дамир Исмагилович Шарипов, которого многие знают как энергичного партийного и хозяйственного деятеля Чердаклинского района, горячо откликнулся на публикацию очерка о Николае Благове и для начала прислал (через главного редактора "Ульяновской правды" Ю.А. Ромбовского) подлинник письма к нему Николая Николаевича от 4 марта 1986 года, проливающего свет на серьезные проблемы со здоровьем поэта.

Любопытные фотографии, запечатлевшие Николая Благова и его коллег по работе на областном телевидении начала 1960-х годов, подарила Ляле Ибрагимовне вдова известного журналиста К. П. Во-

ронцова — Римма Ивановна. Она же поделилась воспоминаниями о студенческой поре поэта и своего мужа — Константина Петровича.

Патриарх нашей журналистики Иван Дмитриевич Хмарский (недавно ушедший из жизни), не без моего влияния, написал воспоминания о литературной жизни Мелекесса и Ульяновска, в которых видное место заняли страницы о Николае Благове, его институтском преподавателе и известном писателе Г. И. Коновалове. Геннадий Иванович Демин, некогда возглавлявший редакцию газеты "Ульяновский комсомолец", разыскал несколько фотографий Н. Благова, в том числе групповую, на которой рядом с Николаем Николаевичем стоят поэт Николай Старшинов, автор биографии "Гончаров" прозаик Юрий Лощиц, один из руководителей издательства "Молодая гвардия" Валентин Юрин. Поэт и публицист Александр Иванович Козлов (увы, тоже рано ушедший из жизни) на мой очерк о Н. Благове откликнулся в "Ульяновской правде" доброжелательной статьей "Ломоносов нашего края". В ней он воссоздал и несколько встреч с Николаем Николаевичем в 1970-х годах, когда он, слесарь автозавода, отдал на суд известному поэту свои первые пробы пера.

Ветеран Великой Отечественной войны Сергей Матвеевич Кончев тесно общался с Благовым в 1949—1951 годах, когда вместе с ним входил в литературную группу, руководимую доцентом П. С. Бейсовым. Вот строчки из его, от души написанных, воспоминаний о Николае Николаевиче: "Он был натурой живой, эмоциональной, подвижной, быстрой, стремительной. При встрече производил впе-

чатление вихря со своими бурными чувствами, страстями, порывами. Казалось, что это все кипит внутри его, готовое вылиться через край наружу...

Ему было присуще высокое чувство гражданина своей родины. Он жил судьбою своего народа, его радостями и горестями. Искренне желал ему осуществления самых высоких идеалов добра, чести, гуманности. Об этом говорит все его творчество. В нем отразились главные события современного мира, в котором он жил, который он чувствовал и понимал по своему, как поэт и гражданин. От природы он был одарен феноменальной памятью, способностью глубоко любить людей, красоту, правду и ненавидеть все пошлое, низкое, ничтожное, фальшивое. Вспоминая о работе Н. Благова как корреспондента "Ульяновского комсомольца", С. Кончев подчеркивает: "Каждая поездка по области, по селам, колхозам, совхозам, заводам была для него открытием жизни, людей, пониманием проблем развития хозяйства, культуры. Он не был равнодушным человеком, все близко принимал к своему сердцу, сопереживал человеческие неудачи и от души радовался успехам людей...

Немало добрых слов о Николае Николаевиче мне говорили в последние годы и такие старые знакомые, как Людмила Геннадьевна Бару, Владимир Иванович Баболин, Станислав Александрович Жмырев, Нина Ивановна Ермохина, Нина Ивановна Никитина, Тамара Леонидовна Ильясова, Николай Петрович и Вера Витальевна Вакуленко, Юрий Наумович Гражданцев, и я постарался учесть их замечания и предложения при подготовке биографического очерка к отдельному изданию.

Но на деле осуществить это оказалось архисложно. Редакция журнала "Волга", куда Ляля Ибрагимовна отослала текст моего очерка, охотно взялась за подготовку его публикации. Но некогда популярный журнал не смог приспособиться к "свободному рынку" и вскоре прекратил свое существование...

В связи с приближавшимся 70-летием со дня рождения Николая Благова областное управление по делам печати запланировало издание книги "Николай Благов, поэт и гражданин" в конце 2000 года (см. "Ульяновскую правду" от 5 декабря 2000 г.), но из-за финансовых трудностей и смены глав областной администрации, выход в свет биографии поэта задержался на неопределенное время. Попытки провести подписку по сбору средств на издание книги в Ульяновске, а также в Димитровграде, Чердаклах и Ишеевке — местах, где жил и творил Николай Николаевич, увы, не увенчались успехом.

Между тем, изучение жизни и творчества поэта становилось неотъемлемой частью школьной и вузовской учебы. Достаточно сказать, что студенты-филологи госпедуниверситета имени И. Н. Ульянова пишут курсовые работы по каждой из поэм Николая Благова.

Поучителен опыт учительницы русского языка и литературы ульяновской средней школы № 56 Галины Михайловны Шигабетдиновой, которая проводит целый цикл уроков, посвященных Николаю Благову. Знакомство с его поэзией она начинает в 7 классе (урок — открытие нового имени: Николай Благов). В 8 классе учащиеся изучают те-

му "Волга в творчестве Н. Благова". Поэма "Волга", а в 9-м — тему "Н. Благов и А. Пластов". В выпускном, 11-м классе, предлагается обзорная лекция о жизни и творчестве поэта, а также урок анализа отдельных его поэтических произведений¹.

В региональном учебном пособии по литературному краеведению "Родное слово", изданном по рекомендации управления образования администрации Ульяновской области (Ульяновск, 2001), 7-я глава, написанная В. И. Чернышевым, целиком посвящена жизни и творчеству Н. Н. Благова. После долгого перерыва, в 2002 году в издательстве "Симбирская книга" вышел сборник избранных стихов и поэм Николая Николаевича под названием "Поклонная гора". (К сожалению, редактор не упомянул, что составителем сборника является вдова поэта Ляля Ибрагимовна, и опустил предисловие, написанное Н. К. Старшиновым). В этом же году решением городских властей одна из улиц в северной части Ульяновска стала носить имя Н. Благова.

Заметным откликом на десятилетнюю годовщину смерти Николая Николаевича стало появление в московском журнале "Слово" статьи известного прозаика Анатолия Николаевича Жукова, которая была перепечатана 3 августа 2002 года "Ульяновской правдой". Сам, являясь лауреатом премии Союза писателей СССР (1979 г.), присвоенной за лучшее произведение о жизни колхозной деревни, он называет Благова "оригинальным и среди выдаю-

¹ В творческой мастерской учителя. Вып. 2. Под ред. Р. И. Рябовой. Ульяновск, РИМЦ, 2001, с. 3.

щихся русских поэтов, редким знатоком и вдохновенным певцом современной сельской жизни, живописцем в поэзии". Читая его стихи и поэмы, — продолжал Жуков, — скоро заметишь, что народность поэзии Благова не только и не столько в поэтических изобразительных средствах (они у каждого свои), сколько в народном взгляде на жизнь, человека и природу..."

Анатолий Жуков видит Благова "сразу же за Некрасовым". Другие видные литераторы переносят сравнение в XX век, и в этом случае имя нашего поэта стоит недалеко от Сергея Есенина. А как певца Волги Николаевича называют вслед за Н. Карамзиным, Н. Некрасовым, Н. Языковым и Д. Садониным. "Но ни у кого из них, — по словам доцента В. И. Чернышева, — нет такого обилия произведений о великой русской реке — целого материка стихов о Волге, какой создал Н. Благов. Он же написал первую поэму о Волге".

И еще одно отрадное событие, происшедшее 21 ноября 2002 года: на выставке, посвященной 70-летию со дня рождения заслуженного художника России Анатолия Ивановича Ключева, почитатели его таланта, в том числе Ляля Ибрагимовна и ее родные, увидели бюст Николая Благова. Эта работа — несомненная удача опытного мастера скульптуры, и каждый, кому посчастливилось встретиться с Николаем Николаевичем той поры, когда он творил поэму "Волга", поверит, что здесь запечатлен Певец матушки Волги, истинный русский былинный богатырь, могучий, добрый, душа нараспашку.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
<i>Часть I</i>	
Детские и школьные годы	9
Пора студенческая	37
Литсотрудник "Ульяновского комсомольца"	77
В роли публициста	88
Плоды крестово-городищенской нивы	99
Душа влюбленного поэта	110
Поэма о Волге	121
Лауреат Московского фестиваля	133
Первая книга в столице	143
На поэтической орбите	153
С любовью к Пластову	164
"Все что люблю"	177
Поэтический редактор "Волги"	189
"И дым отечества нам сладок и приятен..."	200
<i>Часть II</i>	
Из личных воспоминаний	211
Секретарь писательской организации	221
Государственная премия России	233
"Жар-слово"	245
Указатель	261
Эпилог	263

Трофимов Жорес Александрович

Николай Благов, поэт и гражданин

Биографический очерк

В авторской редакции

Технический редактор: *Губина Е. К.*

Корректор: *Трофимова Н. М.*

Подписано в печать 29.05.03. Формат 70x100^{1/32}.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,96. Тираж 1000. Заказ 335.

Областное книжное издательство «Симбирская книга»

ГУП «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

np. 2010
np 2019

25-

Кр

Жорес
Трофимов

**КНИГИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ И ЛИТЕРАТУРНОМУ КРАЕВЕДЕНИЮ
Ж.А. ТРОФИМОВА, ВЫШЕДШИЕ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ
ТИПОГРАФИИ "ПЕЧАТНЫЙ ДВОР":**

Д.Д. МИНАЕВ И СИМБИРСК. Документальный очерк. 1989.

"...РОДНЯ ПО ВДОХНОВЕНИЮ". Историко-документальное
повествование об А.С. Пушкине и Н.М. Языкове. 1993.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СИМБИРСКОГО ТЕАТРА. Документальные очерки. 1994.

ВОЛКОГОНОВСКИЙ ЛЕНИН. Критический разбор книги Д. Волкогонова "Ленин". 1995.

В.Н. АНДРЕЕВ-БУРЛАК: память и наследие. 1995.

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА УЛЬЯНОВА. Документальное повествование. 1996.

СИМБИРСК И СИМБИРЯНЕ. Исторические и документальные поиски. 1997.

ПОЭТ-СИМБИРЯНИН НИКОЛАЙ ЯЗЫКОВ. 1998.

СИМБИРСКИЕ ДНИ ПУШКИНА. Исследования и находки. 1999.

СИМБИРСК ЛИТЕРАТУРНЫЙ. Поиски, находки, исследования. 1999.

УЛЬЯНОВЫ И ИХ СОВРЕМЕННОКИ. Поиски, находки, исследования. 2000.

ИЗВЕСТЕН ВСЕЙ РОССИИ. Очерки жизни и деятельности И.Н. Ульянова. 2002.

НИКОЛАЙ БЛАГОВ, ПОЭТ И ГРАЖДАНИН. Биографический очерк. 2003.